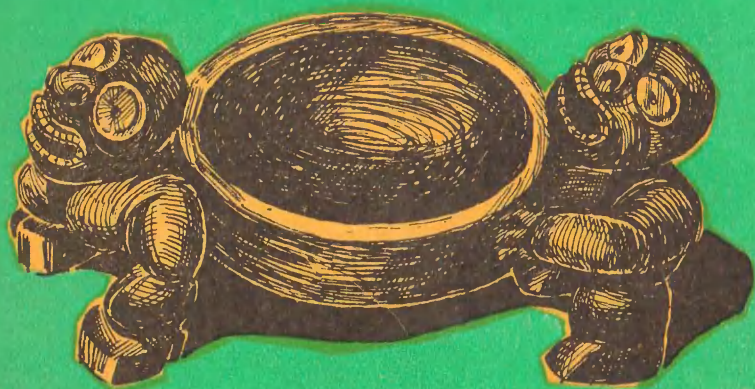

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

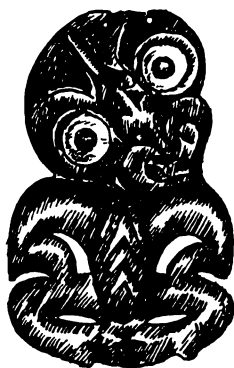
Я. Вольевич

У АБОРИГЕНОВ ОКЕАНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Я. Вольневич
◆
**У АБОРИГЕНОВ
ОКЕАНИИ**

**По Папуа
Новой Гвинее**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Janusz Wolniewicz
SYNOWIE LUDOŻERCÓW
Warszawa, 1971

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель),
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Н. А. Симония

Перевод с польского
В. Л. Кона

Ответственный редактор
и автор послесловия
К. В. Малаховский

Вольневич Я.

В 71 У аборигенов Океании. Пер. с польского. Послел. К. В. Малаховского, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

214 с. с ил. и карт. («Путешествия по странам Востока»).

В книге рассказывается о пребывании автора в одном из самых малоисследованных районов земного шара: в Папуа Новой Гвинее, на островах Тробриан, Герцога Йоркского и архипелаге Бисмарка. Автор повествует о своих встречах с аборигенами, описывает их жизнь, быт, занятия, нравы и обычаи.

В $\frac{20901-193}{013(02)-76}$ 119-76

91 (И9)

Эту книгу я посвящаю всем моим друзьям с Папуа Новой Гвинеи, благодаря любезной помощи которых я получил уникальную возможность близко познакомиться со страной, где на наших глазах на смену каменным топорам приходят сверхзвуковые авиалайнеры.

В ПРЕДВЕРИИ НЕОБЫЧАЙНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Когда авиалайнер приземлился в Порт-Морсби, я был уверен, что сразу же окунусь с головой в мир экзотики. Однако ничего подобного не случилось. Вместо этого я оказался... на мягком сиденье черного лимузина, любезно присланного управлением окружного комиссара за нами, двумя польскими журналистами. Хлопнула дверца, автомобиль тронулся. Я почувствовал, как по телу у меня пробежали мурашки, что обычно сопутствует первым моим шагам в совершенно незнакомой стране.

На Новой Гвинее такое состояние вполне естественно. Мои познания об этом «Темном острове», как его некогда называли, были весьма скромными (вот они, пагубные последствия лени в ученические годы!). Правда, в Сиднее мне удалось достать кое-какую литературу о Новой Гвинее, которую я заканчивал читать уже в самолете, но этого было мало. Горстка цифр, немного сведений о климате (кстати, отвратительном), о политико-административном статусе, а также смесь новогвинейских реалий, от которых у меня — жителя мазовецких равнин — голова шла кругом. Мой наскоро усвоенный информационный винегрет в момент приземления самолета выглядел приблизительно так:

*Винегрет à la carte*¹

Новую Гвинею господь бог сотворил субботним вечером, а значит, — согласно англосаксонским понятиям — это была своего рода праздничная халтурка после

целой недели трудов праведных. Этим и объясняются, видимо, дефекты как в отделке физического облика острова, так и в характере его жителей. Территория острова более чем вдвое превышает Польшу, а длина его равна расстоянию от Лондона до Стамбула.

Новая Гвинея — второй по величине (после Гренландии) остров в мире (829 тыс. кв. км). С недавних пор, однако, гляциологи стали подозревать, что ледяной щит Гренландии покрывает по меньшей мере два отдельных скальных массива. Таким образом, Новая Гвинея, возможно, — крупнейший остров в мире, причем все согласны с тем, что и самый гористый. Крестным отцом острова в новое время стал испанец Иньиго Ортис де Ретес², возвращавшийся с Молуккских островов в Мексику в 1545 г., а предложенное им название «Новая Гвинея» появилось впервые на карте Меркатора³ в 1569 году.

Остров представляет собой уникальную территорию, которая до первой и даже второй мировой войны оставалась практически неизведанной европейцами. Он стал, таким образом, местом, где каменный век непосредственно соприкоснулся с XX веком. Благодаря рельефу острова и покрывающим его девственным джунглям, местные племена и родовые общины (их свыше пятисот) веками находились в полной изоляции от внешнего мира, если не считать вооруженных стычек с ближайшими соседями. Одним словом, Новая Гвинея — уголок земного шара, которого не коснулось быстрое время.

Ибо как иначе назвать сегодня остров, где люди все еще пользуются каменными топорами? Где живут бородачи ростом в два метра, щеголяющие в нарядах из перьев райских птиц, и пигмеи из племени кукукуку? Как еще назвать страну, где женщины кормят собственной грудью поросят, а мужчины носят бамбуковые футляры на фаллосах? Как, наконец, назвать страну, где с утлого челна люди ловят крокодилов, а вместо денег все еще пользуются раковинами и свиньями?

Вплоть до второй половины XX века остров исследовался очень мало. В эпоху великих открытий и в последующие годы пришельцы интересовались главным образом его побережьем. Глубинные же районы до сих пор мало изведаны, особенно в части, принадлежащей Индонезии.

Первым белым человеком, проникшим почти на ты-

сячу километров в глубь Папуа, был итальянец Луиджи Д'Альбертис. Натуралист из солнечной Италии был фигурой колоритной, подобно перьям райских птиц, которые он столь усердно коллекционировал.

Д'Альбертис поплыл на небольшом пароходике «Нева» вверх по реке Флай. Шел 1876 год. Спутниками итальянца были два англичанина, двое негров из Вест-Индии, филиппинец, житель Фиджи, китаец, некий обитатель Гавайских островов и представитель Новой Каледонии, а также двое местных охотников. Кроме съестных припасов и оружия итальянец взял на борт суденышка целый арсенал ракет, петард и бенгальских огней, а членам своего смешанного экипажа отважный ученый передал вдобавок овцу, собаку и любимого двухметрового... питона, которого держал вместе с разными хозяйственными мелочами.

Луиджи, как и подобает истому итальянцу, плыл в веселом расположении духа, распевая оперные арии. Время от времени он пускал фейерверк и в покинутых новогвинейцами деревнях собирал все, что попадалось под руку, не брезгуя черепами, скелетами, подкопченными мумиями, обрядовыми масками и т. п. Нужно, однако, отдать ему справедливость. Итальянец собрал множество экспонатов, которые после многомесячной экспедиции привез с собой. Это были великолепные зоологические и ботанические коллекции.

Д'Альбертис сделал немало, но ведь он не мог один объездить весь остров. Еще долгое время после его экспедиции среди белых исследователей господствовало глубокое убеждение, что в высоких горах вряд ли проживают люди. И лишь в 1933 (!) году была открыта неизвестная до этого долина с населявшими ее почти четвертью миллиона жителями Нагорья, которые впервые узнали о существовании белого человека.

Еще позднее, во время второй мировой войны, случайно пролетавший здесь американский пилот обнаружил за известковым барьером скал, на высоте около четырех тысяч метров, подобную же долину в центральном массиве принадлежавшей в то время Голландии части острова. Летчик заметил высокие деревянные сторожевые вышки, построенные в отлично возделанной долине, а среди обработанных небольших полей увидел сотни пальмовых стрех.

Это открытие, естественно, заинтересовало весь персонал тогдашней американской военно-воздушной базы в Холландии⁴. Был даже основан своего рода клуб, выдававший особые дипломы всем, кто пролетал над этой таинственной долиной. Одними из первых их обладателей оказались два военных корреспондента. Они назвали долину Шангри-Ла, связав ее, таким образом, с популярной повестью Джеймса Хилтона «Затерянный континент», действие которой происходит где-то в Тибете, в отрезанном от всего света месте.

В мае 1945 г. на территории новооткрытой долины приземлился военно-транспортный планер, что повлекло за собою драматические события, которые могли бы составить канву сенсационной повести. В конечном счете оказалось, что в этой долине проживает около восьмидесяти тысяч человек, которым белые люди представлялись столь же загадочными существами, как нам так называемый «снежный человек».

Новая Гвинея до сих пор остается самым малоизвестным уголком земного шара. Эта полная загадок страна, в которой время словно остановилось, делится в административном отношении на две основные части: Западный Ириан⁵, принадлежащий Индонезии, и Территорию Папуа Новая Гвинея, управляемую Австралией. Напомним, что на территории, составлявшей некогда кайзеровскую Новую Гвинею, Австралия осуществляет теперь власть в качестве мандатария ООН⁶.

Итак, наш автомобиль мчится к центру главного города Территории. Мелькает под колесами гладь асфальтового шоссе. Одноэтажные домики, лавчонки, курчавые головы аборигенов — как-никак это же Папуа, — базар, расположенный над чудесным заливом, покрытый легкой зеленью... Словом, ничего, что особенно поражало бы. Город, каких немало в Океании.

Первые шаги

Смуглый полицейский на постаменте — символ центра города. Останавливаемся перед каким-то невзрачным зданием.

— Мистер Голловэй ожидает вас, господа!

Окружной комиссар Р. Т. Голловэй принял нас чисто по-австралийски, совсем как старых друзей. Европейцев поражает непринужденная и непосредственная манера общения высокопоставленных местных чиновников. К тому же они держатся очень естественно.

Несколько вопросов с обеих сторон. Краткое обсуждение программы путешествия. Все это приятно волнует. Ведь нам предстоит не просто небольшая экскурсия!

— Господа, учтите, условия здесь нелегкие. Туда, куда вы направляетесь, туристы не доходят. Смиритесь заранее с отсутствием самых элементарных удобств,— строго напутствовал комиссар.

Но нас трудно было запугать. В душе мы ликовали. Все это казалось пресловутым куском «медвежьего мяса», совсем как у Джека Лондона, но только... в тропическом соусе.

— Да, насчет средств передвижения,— продолжал комиссар.— Только пешком или самолетом. Других способов нет. Там, где это окажется возможным, я и мои коллеги из других округов предоставят вам лодки, проводников, ночлег. Всем остальным займется Гэс, то есть, простите, мистер Энгэс Ботрилл, один из наших наиболее опытных сотрудников. Он зайдет к вам в гостиницу, господа...

Беседа протекала легко. Мистер Голловэй шутил, рассказывал анекдоты и обещал продолжить их у себя дома, куда он не преминул нас пригласить. Тяжко было только слушать, как он страшно коверкал наши фамилии. В конце концов из Януша Вольневича и Станислава

Шварц-Брониковского мы превратились в Яна и Стэна. Так, впрочем, нас и продолжали величать все те люди — а их было немало, — с которыми мы познакомились на Территории.

— Итак, Ян и Стэн, до вечера!

Выходили мы через помещение секретариата, сопровождаемые любопытными взглядами темнокожих сотрудников.

Вернувшись в гостиницу, я первым делом сорвал с себя нейлоновую рубашку, которую необдуманно надел в тот день в Брисбене. Душным, жарким днем я чувствовал в ней себя, с момента приземления самолета, словно тевтонский рыцарь в нагревшихся доспехах на полях Грюнвальда⁷.

— Если и другие чудеса цивилизации, — проворчал я, — так же «пригодятся» здесь, как эта рубашка, то я не завидую новогвинейцам.

Стах, как всегда несколько легкомысленный, разглядывал себя тем временем в зеркале, любясь длинными белыми носками, которые, как мы успели заметить, неизменная деталь гардероба местных джентльменов.

Из прохладных номеров гостиницы не хотелось выходить на улицу. А предстоящие странствия в условиях «отсутствия элементарных удобств» наводили на грустные размышления. Утешала лишь мысль, что, согласно «этикету», принятому в тропиках, весь день можно было щеголять в одних шортах и рубашке, и только к ужину в ресторане и на приемы приходилось надевать длинные брюки, сорочку с рукавами и галстук. Разумеется, только в городе.

Гэс Ботрилл явился к нам в тот же день в полдень. Его открытое, приятное лицо сразу же расположило нас к нему. Глядя на округлый животик Гэса, трудно представить, что он совершал когда-либо походы в джунгли, гонялся за убийцами и исходил тысячи миль в глубинных районах Новой Гвинеи. Однако вскоре мы убедились, что судьба ниспослала нам действительно опытного и, главное, доброжелательного попечителя.

Первое, что сделал Гэс, — привел нас, двух еще не оперившихся «новогвинейцев», в дом мистера Голловэя, где в тот день собрались, видимо, все сливки городского

общества. Здесь мы познакомились с очаровательной хозяйкой дома, русской по происхождению.

Гости, очевидно, уже давно знали друг друга, и наше появление их очень заинтересовало. Впрочем, мы были объектом всеобщего внимания недолго. Вскоре все вновь принялись обсуждать отдельные факты из жизни своих близких и друзей и делиться последними событиями, значение которых, как всегда, обратно пропорционально величине данного города. Так, выяснилось, например, что Дик покупает новую мебель, миссис Джонс собирается ехать в Сидней, а Мэри наняла нового слугу.

Гости не преминули также сразу рассказать нам старый анекдот, главным действующим лицом которого оказался сам хозяин. Окружного комиссара порой навещают вожди местных племен. Возвращаясь домой, они рассказывают своим соплеменникам, о том, что «маста Голловэй вовсе не великий вождь, так как у него, подумать только, всего одна жена и нет ни одной свиньи!».

Нам сообщили немало сведений о Территории, а также о самом городе.

Так, мы узнали, что, согласно последней переписи, произведенной ценой немалых усилий в 1966 году, население Территории несколько превышает два миллиона и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Белых, или, как их здесь официально называют, «людей европейского происхождения», насчитывается около тридцати пяти тысяч, из коих почти треть проживает в Порт-Морсби. Жители Территории, естественно, не расселены равномерно по отдельным районам страны. Плотность населения колеблется от полутора человек на одну квадратную милю в Западном округе Папуа до почти шестидесяти человек в округе Чимбу, находящемся на подопечной территории. Следует отметить, что собственно Папуа, которая почти равна по территории Новой Гвинее, насчитывает лишь немногим более шестисот тысяч жителей, а все остальное население сосредоточено на Новой Гвинее. Здесь проживает несколько сотен племен и родовых общин, не похожих друг на друга, причем подавляющую часть населения составляют жители Нагорья. Этнические группы, обитающие в низинах и на близлежащих островках, более раздроблены, а самая крупная из них, *толаи*, едва насчитывает тридцать семь

тысяч человек. За ней следуют группы *орокаива* и *моту*, число которых не превышает восемнадцати тысяч⁸.

Источником существования жителей Территории служит главным образом примитивное земледелие, собирательство, реже — рыболовство. Здесь разводят лишь свиней. Свинья необходима в хозяйстве. Она поддерживает престиж хозяина и играет важную роль в обрядовых торжествах. Существует мнение, что поголовье свиней равно приблизительно половине численности населения всей Территории.

Приобщение жителей Территории к цивилизации привело к большим переменам в их жизни. Австралийская администрация всячески способствовала интеграции всех этнических групп. Развитие сети начальных школ, контакты, в которые аборигены входят в процессе своей трудовой деятельности, служба в местной полиции — все это вызывает быстрые перемены, конечные результаты которых трудно предвидеть. Налицо значительная миграция аборигенов в города и другие населенные пункты, прежде всего в Порт-Морсби. В районе этого города проживает свыше тридцати трех тысяч островитян, прибывших чуть ли не из всех округов Территории. Такое положение приводит, в частности, к серьезному нарушению демографических пропорций, поскольку женщины составляют едва лишь одну треть от этого числа.

В Порт-Морсби в 1960 году возник некий эквивалент профессионального союза — Ассоциация рабочих Папуа Новой Гвинеи, занимающаяся, в частности, приведением ставок заработной платы в соответствие со стоимостью жизни и жилищными условиями местных жителей. Этот союз и его отделения в крупнейших городах Территории как бы автоматически объединяют коренных жителей, которые свои экономические интересы нередко ставят выше интересов своего племени. Это не мешает, однако, дальнейшему существованию тайных ритуальных объединений, таких, как «Союз убийц», *Дук-дук* и других.

Повсюду на Территории древние обычаи неизменно переплетаются с сугубо современными институтами. К последним относятся органы местного самоуправления, кооперативы и даже парламент — палата Ассамблей, созданная в 1964 году.

Участники приема не скупилась на разнообразные сведения, которые обрушивались на наши головы как

лавина. Дамы указывали на отсутствие эмансипации местных женщин, которые не принимают никакого участия в переменах, совершающихся на Территории; мужчины говорили о потоке японских товаров, наводняющих Территорию значительно более интенсивно, чем саму Австралию. Так в наших головах постепенно создавался хаос, требовавший скорейшего упорядочения. Мы тешили себя надеждой, что это произойдет во время наших странствий по Территории.

Так или иначе, прием, приближавшийся к концу, оказался не только приятным, но и полезным.

В гостиницу мы вернулись поздно ночью, но оказалось, что время для нашего отдыха еще не наступило.

Мистер Сихоки

Вручая ключи, портье сообщила, что нас просил срочно позвонить некий мистер Си-хо-ки — она с трудом произнесла записанную на листке фамилию.

Что за чертовщина?! — недоумевали мы. Судя по фамилии, нами интересуется какой-то японец. Быть может, это кто-то с завода «Тойота» из Страны цветущих вишен, где мы недавно побывали. Мы тут же позвонили...

«Японец» отлично говорил по-польски и тут же представился как Марьян Цихоцкий, наш соотечественник, разумеется постоянно проживающий в Морсби. Просто портье, повинувшись правилам английского произношения, «превратила» его в японца. Марьян прочитал в местной прессе о нашем приезде и очень хотел бы...

— Ну конечно же! Что за вопрос?

Ожидая с четверть часа в холле, мы, пожалуй, в сотый раз обсуждали общеизвестную истину, что поляки прямо-таки вездесущи...

Цихоцкий посадил нас в свой «Фольксваген» (который почти столь же распространен во всем мире, как и поляки), и мы проехали несколько километров до Бороко, одного из районов столицы Территории. Оказалось, что мы встречаемся с Цихоцким, собственно говоря, уже... в третий раз: еще месяц назад мы находились с ним в одном и том же зрительном зале, а также,

дважды, на одних и тех же выступлениях польского ансамбля «Мазовше» в Сиднее.

Марьян специально приехал туда с семьей, чтобы встретиться с племянницей Мариолой, выступавшей в ансамбле. Таким образом, в Сиднее, не зная друг друга, мы вместе аплодировали прекрасным выступлениям наших соотечественников, вместе гордились их успехами и, возможно, даже сидели... в одном ряду. Вот какие шутки готовит порой судьба. Подумать только: нужно было пролететь несколько тысяч километров, чтобы понастоящему встретиться в эту тропическую ночь.

Цихоцкий познакомил нас с женой Ивонной и двумя сыновьями, девятнадцатилетним Норманом и пятилетним Рикки-Ришардом. Я получил возможность лучше рассмотреть нашего хозяина. Это был среднего роста блондин, на вид — лет пятидесяти, типичный выходец из Мазовщины.

— Когда-то, подобно всем полякам в Австралии, я начал свою карьеру на золотых приисках. И, как и все остальные, денег на этом не нашёл. Затем я работал некоторое время на рудниках. А теперь — геодезист. Это, естественно, связано с постоянными выездами к месту работ, то есть, попросту, — в джунгли. Домашним хозяйством и детьми занимается главным образом жена.

Время шло, беседа затянулась. Говорили о длительном пребывании хозяина в Африке и тяжелой болезни, от которой Цихоцкого чудом спас врач-француз.

— Вы не поверите, но этого человека я встретил впоследствии на Фиджи, — заметил Марьян.

Цихоцкий много путешествовал: он знает немало островов в южной части Тихого океана. На одном из них — Новой Каледонии, знаменитой своими богатейшими месторождениями никеля, Цихоцкий задержался на довольно продолжительное время. Именно там поляк нашёл свое счастье. Его жена Ивонна родилась в Нумее, хотя отец ее был коренным парижанином. Так ещё один роман на Южных морях увенчался счастливым браком.

Госпожа Цихоцкая умела увлекательно рассказывать об обычаях островитян. Наглядными пособиями к ее рассказам служили плетеные корзинки и редкие экземпляры раковин, привезенные с ее родного острова.

— Время от времени мы охотно отправляемся туда с мужем, хотя я, кстати говоря, работаю в филателистическом агентстве местной почты. Европа не прельщает меня, но муж склонен вернуться туда. Порой он предается воспоминаниям, особенно грустит, когда получает письма из Польши. В таких случаях я стараюсь не беспокоить его. Так и живем в этом отдаленном уголке земного шара вот уже более десяти лет, без особых развлечений.

Цихоцкий дал немало хороших советов и указаний, которые должны были помочь нам в предстоящих странствиях по Территории. Особенно запомнились его слова:

— Оружие в джунглях, конечно, может пригодиться, но главное — иметь москитную сетку и запасы продовольствия.

Ночная беседа затянулась, и, пожалуй, мы так и просидели бы до рассвета за очередной чашкой кофе, если бы не раздался сигнал автомобиля. Это за хозяином дома прибыла партия землемеров. Только теперь мы узнали, что Цихоцкому предстоит многодневная утомительная поездка к месту изысканий. Мы смутились, когда взглянули на часы. Как было заранее условлено, через три часа мы должны были встретиться с нашим проводником. О сне, конечно, не могло быть и речи.

Записав номер единственного «польского телефона» во всей Новой Гвинее, мы вскоре вернулись в гостиницу, оживленно обсуждая неожиданную встречу.

Ужин с холодными закусками

С утра следующего дня Гэс взял нас, что называется, в оборот. Сперва мы оказались в Конедобу — районе города, расположенном в двух километрах от центра. Здесь находится штаб-квартира администрации Территории, несколько зданий различных департаментов. Повсюду картотеки, пишущие машинки, телефоны. За письменными столами — смуглые служащие, мужчины и женщины. В Конедобу нас познакомили с многими людьми. Гэс тем временем развил бурную деятельность: звонил по телефону, радиотелефону, посылал телеграммы.

Задача была не из легких: ведь туда, куда мы от-

правлялись, зачастую не курсировали даже рейсовые самолеты. Приходилось заранее заказывать машины, принадлежащие миссиям, заботиться о ночлеге, питании и т. д. Причем все это касалось лишь общей схемы маршрута, на уровне округов. Более детальные планы также предстояло разработать на месте, поскольку от погоды здесь многое зависело, да и планы патрульных офицеров⁹ могли почти все изменить.

Хотя Гэс и был очень занят, он постарался показать нам все, что можно было увидеть в самом Порт-Морсби. Более десяти часов ушло на осмотр фермы племенного скота, училища, где готовили полицейских, типографии, новых жилищ для аборигенов и т. п. Начальник образцового полицейского училища рассказал нам, что он потратил несколько лет, чтобы добиться отмены строгого запрета ввозить на остров овчарок. Ведь этот столь «экзотический» зверь, видите ли, «угрожал» местной фауне. Я похвалил начальника училища за усердие. Довольный, он продемонстрировал мне, как хорошо выдрессированы его собаки. Я надел защитный халат, собаки тут же набросились на меня, повалили наземь и чуть не искусили.

В типографии я ознакомился с букварем, отпечатанным на «полицейском моту»¹⁰ и на «пиджин инглиш»¹¹. Оказывается, «пиджин инглиш» — вовсе не искаженный и упрощенный английский жаргон, а универсальный язык со своими своеобразными грамматическими правилами.

Все эти сведения я аккуратно заносил в мою записную книжку, страницы которой быстро заполнялись. Однако за диаграммами продукции копры и какао, за зарисовками широкоплечих воинов я все еще не улавливал контуров этой пока еще чужой для меня страны. Я вполне понимал наших хозяев, когда они с гордостью демонстрировали свои действительно большие достижения, но в то же время мне хотелось своими глазами увидеть то, что предстоит еще сделать жителям Новой Гвинеи на пути прогресса и цивилизации. Впоследствии мое желание было осуществлено.

Мы много бродили по городу и неплохо познакомились с ним и его многочисленными пригородами-спутниками: Хахой, Хануабадом, Коки и другими. У нас появились новые симпатичные знакомые, и среди них

руководитель местного агентства австралийской авиакомпании. Повсюду нас неизменно величали «Ян» и «Стэн». Вскоре по-австралийскому обычаю нас вообще перестали называть по фамилиям. Но мы отнюдь не жалели об этом, так как быстрее почувствовали себя среди друзей. Впрочем, многие из них кое-что знали о Польше, что еще больше облегчало положение. Неожиданно на помощь к нам пришел еще и Гэс.

Однажды я рассказал ему, как правильно произносить фамилию Косцюшко. С тех пор он стал неизменно поправлять своих соотечественников:

— Говорят не «гора Кодзяско», а «гора Косцюшко»¹².

На четвертый день нашего пребывания в Порт-Морсби мы завершили все самые неотложные дела и нанесли все необходимые визиты. Пожалуй, самым полезным, хотя и наименее официальным, оказался визит к Дэнису Уорену, уроженцу Англии, работнику кино. Англичанин оказал Стаху множество бесценных услуг. Там же Гэс торжественно объявил:

— Завтра вылетаем в Баимуру! А сегодня поужинаем вместе.

Вечером мы уже сидели в ресторане гостиницы. Признаться, я чувствовал себя так, как англичанин в своей колонии. Первые, вторые и десертные блюда, а также вина и кофе — всё это подавали разные официанты. Не успеешь стряхнуть пепел в пепельницу, как слуга тут же хватает ее и очищает; помощник официанта непрерывно наполняет стаканы ледяной водой. Подобное обслуживание можно встретить лишь в первоклассных европейских ресторанах. Здесь же оно свидетельствовало об избытке рабочих рук, мизерной заработной плате аборигенов, а также наплыве населения в Порт-Морсби, где нелегко найти работу.

Когда подавали кофе, Гэс несколько мрачно спросил:

— Так ты пописываешь книги, Ян?

— А что? Разве этот труд позорен?..

Гэс помрачнел еще больше.

— Был здесь один человек, тоже писал...

— Ну и что?

— Уже давно не пишет... Пропал бесследно в районе реки Лакекаму. Говорят, его обезглавили...

Эта печальная история должна была, по мнению

Гэса, явиться занимательным вступлением к рассказу о немногих писателях, побывавших в прошлом на Территории. Один из них, немец Отто фон Элерс, писатель и путешественник, до своего прибытия на Новую Гвинею в 1895 году успел взобраться на Килиманджаро, побывал в Непале, Танганьике, на Цейлоне, в Китае, Корее и на нескольких островах Тихого океана. Свои приключения, а их было немало, он описал в нескольких завоевавших широкую популярность книгах.

Элерс задумал пересечь остров по совершенно неизведанному маршруту. Немецкие колонисты предупреждали его, что эта экспедиция опасна. Однако писатель все же решил рискнуть. Приставленный к нему по службе полицейский с отчаяния запил и протрезвился лишь в день отправления в джунгли.

Итак, два немца во главе каравана, состоящего из сорока одного носильщика, покинули северное побережье Острова и направились вверх по течению реки Бу. Путь, который Элерс собирался преодолеть, проходя по шесть километров в сутки, составлял не более ста семидесяти километров. Предполагалось, что это расстояние экспедиция пройдет за двадцать восемь дней. На каждого из сорока трех ее участников выделялось по полкилограмма риса в день. Таким образом, весь багаж экспедиции составлял немногим больше шестисот килограммов. Подобная арифметика в приложении к Новой Гвинее оказалась, однако, слишком упрощенной. Несмотря на весь свой опыт, Элерс все же оказался на «Земле императора Вильгельма»¹³ абсолютным новичком.

Уже через пять дней после своего выступления экспедиция увязла в джунглях. В одной из деревушек ее участники отдыхали пять дней и сразу же докупили там, сколько удалось, съестных припасов. Дальнейший путь оказался чрезвычайно трудным. Болота, отсутствие проторенных троп; колючие, ранившие путников заросли; насекомые всякого рода; пиявки, падавшие с деревьев и высасывавшие кровь,— всё это быстро истощило силы обоих немцев и их носильщиков.

На тридцать шестой день похода запасы продовольствия окончательно иссякли. Элерс разрешил съесть его собаку. Положение становилось все трагичнее. Начался сезон дождей, и нечего было даже мечтать о куске сухого дерева, чтобы развести огонь. Оба немца, по-

крытые гноившимися ранами, ослабленные голодом и дизентерией, медленно брели с оставшимися носильщиками. Половина их уже погибла или заблудилась в пути. После сорока пяти дней похода экспедиция, преодолев почти половину намеченного маршрута, вышла к реке Лакекаму. Там по приказу Элерса сколотили утлый плот, и оба обессилевших немца перешли на него вместе с двумя носильщиками. Все остальные аборигены должны были идти вдоль берега пешком. С тех пор немцы бесследно исчезли, зато сопровождавшие их местные жители прибыли невредимыми к устью реки...

— Ладно, Гэс, это действительно грустная история, но может быть, ты расскажешь нам что-нибудь о кинооператорах,— спросил я заискивающе.

— Пока что ничего не могу сказать на эту тему,— ответил он, многозначительно глядя на Стаха.— Я лучше расскажу о Джордже Моррисоне...

Джордж Моррисон был сотрудником газеты «Эйдж», выходящей в Мельбурне. Ему пошел двадцать второй год, когда он появился у нас. Это был, скажу вам, здоровенный малый. Несмотря на свою молодость, он сумел за сто двадцать три дня пройти две тысячи миль по нехоженным тропам Австралии, а также проплыть на каное полторы тысячи миль по течению реки Муррей.

В Порт-Морсби он прибыл в самый разгар золотой лихорадки, которая царила тогда у устья реки Лалоки. Моррисон скупил все пятнадцать лошадей, которых удалось найти в Морсби, собрал случайных спутников и отправился в джунгли. Экспедиция закончилась катастрофой. У молодого человека было достаточно мужества и энергии, но необычайно мало опыта контактов с аборигенами. Багаж экспедиции оставался без надзора, и его без зазрения совести расхищали. Во время одного из привалов Моррисон застрелил аборигена, пойманного при попытке совершить очередную кражу. В отместку на следующий день во время перехода через полосу высокой, двухметровой травы на экспедицию было совершено нападение. Одна из стрел, выпущенная из лука, попала Моррисону в живот, другая — в переносицу. Так через сорок дней после ее начала экспедиция пришла к печальному концу. Ослабленного большой потерей крови, Моррисона доставили в Порт-Морсби.

Раненому журналисту предстояла серьезная опера-

ция по удалению каменных наконечников стрел, застрявших в ранах. У Моррисона была парализована половина лица и не действовала нога. Однако перед тем как лечь в госпиталь он сумел продиктовать девять репортажей для своей газеты.

Несчастье, постигшее его в Новой Гвинее, не отбило у Моррисона охоту к новым приключениям. Закончив курс обучения в Лондоне, где ему наконец удалили второй наконечник, застрявший в черепе, журналист прошел, переодетый, пять тысяч километров по Китаю, а затем работал в качестве собственного корреспондента лондонской газеты «Таймс» в Бангкоке и Пекине. В конце концов он стал синологом.

— Итак, на этот раз счастливая концовка. Впрочем, чтобы успокоить тебя, Гэс, мы торжественно заявляем, что отнюдь не собираемся стать выдающимися специалистами по проблемам Папуа Новой Гвинее.

— Ну и отлично. Вряд ли меня порадовало, если бы впоследствии оказалось, что я имел честь сопровождать капитана Лоусона в двойном обличье.

Намек Гэса был более чем прозрачным и касался некоего капитана Дж. Лоусона — автора первой книги о Новой Гвинее. Она была выпущена солидным лондонским издательством в 1875 году под заглавием: «Странствования в глубине Новой Гвинее». Сочинение это (как ни неприятно мне писать так о коллеге по перу) оказалось сборником нелепейших вымыслов в духе барона Мюнхгаузена, и тем не менее читатели приняли его на веру.

Сегодня нам понятно, что иначе и быть не могло. Ведь Европа лишь за тридцать лет до опубликования сочинения Лоусона впервые узнала о существовании горилл и горы Эверест, и ее читателей чуть ли не ежедневно пичкали разными сенсационными сообщениями о далеких странах. Книга Лоусона появилась всего через пятнадцать лет после открытия озера Ньяса Ливингстоном, после «прогулки» Стюарта¹⁴ через всю Австралию и достижения северо-восточного побережья Гренландии Холлом¹⁵.

Скорее всего Лоусон не хотел отставать от этих знаменитых путешественников и также жаждал получить известность своими «открытиями». Поэтому он, не стесняясь, «разместил» на Новой Гвинее «гору Геркулес»,

которая якобы на 1145 метров (какая точность!) выше Эвереста, а также действующий вулкан, оказавшийся на один километр «выше Этны». Для равновесия, так сказать, он «обнаружил» рядом с огнедышащей горой водопад шириной в триста метров, но зато расположенный значительно выше... Ниагары. Лоусон совершил также немало удивительных «открытий» в области зоологии и ботаники. Так, он будто бы встречал на каждом шагу маргаритки величиной с подсолнух, пауков размером с блюдо, а также четвертьметровых скорпионов и целый зоопарк во главе с бизонами и тиграми. Все эти вымыслы Лоусона сыграли в известном смысле положительную роль, обратив внимание исследователей на «Темный остров».

Позднейшие исследователи, даже самые добросовестные, также порой ошибались. Например, командор Дж. Морсби, который первым стал избочить Лоусона во лжи, принимал следы безобидного казуара за отпечатки ног носорога, а древесного кенгуру счел грозным леопардом. Никто, впрочем, не предполагал тогда, насколько убога фауна этого огромного острова, полностью лишенного хищников.

Капитан Лоусон не был единственным отъявленным лжецом, изощрявшимся в выдумках о Новой Гвинее. Его примеру последовал вскоре французский мореплаватель Луи Треганс, который будто бы пребывал десять лет на Острове в неволе в королевстве Коотар, принадлежавшем племени орангвок. Столица этого государства насчитывала якобы десять тысяч жителей и состояла из приблизительно трех тысяч зданий, многие из которых были шестиэтажными (!). Треганс не пожалел для аборигенов ни кавалерии, ни золота. Он наделил их не только полосатыми лошадами, но и щитами, наплечниками и полупанцирями из чистого золота.

Венцом выдумок о Новой Гвинее может служить история с тропическим пингвином. Ее автором был молодой купец Пьер Соннера, искавший райских птиц и открывший на самом деле лемурув.

Во время своих странствий по Молуккским островам он достиг и Новой Гвинее. Пробыв на Острове короткое время, Соннера не постеснялся опубликовать подробный отчет, не последнюю роль в котором играл рассказ об обнаруженных им там пингвинах! Ученые поверили

«знаменитому исследователю» и, не скрывая удивления, назвали открытый экземпляр *pygoscelis papua*, тем более что Соннера представил им шкуру настоящего пингвина, которую он приобрел, очевидно, у какого-то моряка, возвращавшегося с Антарктиды. Так по милости проказливого Пьера Соннера бедные бескрылые пингины долгое время жарились на виду у ученых в лучах тропического солнца.

Все эти сенсации не нашли, конечно, подтверждения в действительности. Однако, как писал один из австралийских авторов Гейвин Соутер, «люди типа Лоусона или Треганса фальсифицировали факты, но их предвидения были правильными. Самый гористый остров в мире не может, правда, похвастать вершиной, способной соперничать с Эверестом, но на нем больше десятка пиков, превышающих Монблан. Нет там ни бизонов, ни гигантских пауков, зато есть самые крупные голуби в мире и самые маленькие попугаи на нашей планете величиной с королька. Жители Новой Гвинеи никогда не пользовались полосатыми лошадами или золотыми украшениями, но есть среди них горцы с необычно развитыми мускулами ног и обитатели болот, которые с трудом передвигаются даже по твердому грунту...».

Ужин подошел к концу. На прощание Гэс еще раз строго напомнил, чтобы к шести часам утра мы были готовы со всей своей поклажей, кинопленкой и камерами.

— Если не хотите, чтобы в дельте Кикори вас постигла участь Элерса, берите с собою только то, что действительно необходимо Спокойной ночи!

В ДЕЛЬТЕ КИКОРИ

Монотонная мелодия звучала всё громче, и тусклые зрачки Огуме засветились юношеским блеском. В изумлении наблюдал я, как этот дряхлый человек преобразался прямо на глазах. Старик распрямлял свое покрытое морщинами тело и, слегка покачивая головой, бормотал непонятные мне слова песни. Причудливо светилась в свете факела жидкая борода Огуме. Он строил при этом гримасы, время от время обнажая разрушенные бетелем¹⁶ зубы, о самом существовании которых было трудно подозревать, глядя на его впалые щеки.

Собравшиеся вокруг нас гоарибари давно уже забыли о присутствовавших белых людях и затаили старую, как сама Новая Гвинея, песню, предшествующую четвертованию «длинной свиньи», то есть тела убитого врага. Медленно вращались катушки магнитофона, регистрируя наше первое пребывание в новогвинейской деревне.

Мы уселись со Стахом прямо на земле и, подталкивая друг друга локтями, боялись нечаянно брошенным словом нарушить настроение этого удивительного вечера в новогвинейской деревушке Омаумере, затерянной в солончаковых болотах, образующих дельту реки Кикори.

Весь вчерашний день мы были близки к отчаянию. Правда, сейчас же после прибытия нас приветствовал, как подобает, местный *лулуаи* — деревенский староста. Целые стайки детей не отступали от нас ни на шаг, но женщины прятались в глубине своих жилищ, и повсюду

ду, куда бы мы ни направляли объектив, замирала нормальная жизнь. В лучшем случае мужчины становились навтыжку, нагоняя этим на нас глухую тоску. День близился к вечеру, а мы все еще оставались непрошеными гостями.

Помог, как это обычно бывает, случай. Чтобы проверить батарейки в магнитофоне,— поскольку в этих краях необычная влажность,— я записал беседу двух юношей, отлеживавшихся в тени соседней хижины. Контрольное воспроизведение записи возымело ошеломляющий и... благословенный для нас эффект. Вся деревня сбежалась послушать. Я должен был повторить передачу более десяти раз. Магнитофон в Омаумере произвел небывалый фурор.

Наш австралийский чичероне, Гэс, сразу же использовал это обстоятельство, обратившись к собравшимся с длинной речью на языке моту, из которой следовало, что один белый *маста*¹⁷ с ящиком «забрать голос и быстро-быстро отдать голос» и второй *маста*, делающий снимки «изображение прийти, изображение уйти», много слышали о чудесной деревне Омаумере и специально проделали длинный-длинный путь, чтобы познакомиться с людьми гоарибари, с их деревней, с их резьбой, чтобы послушать их песни, а затем захватить все это с собой в большую деревню, где племя белых людей жаждет познакомиться с людьми из Омаумере.

Эта речь, переведенная на местный язык молодым, шустрым парнишкой, произвела хорошее впечатление. Лулуаи, *тултул* (административная должность) и старейшины деревни стали совещаться, а все остальные ожидали их решения.

Взволнованный, я шепотом спросил Гэса:

— Думаешь, получится из этого что-нибудь?

— Наверняка вам станет теперь легче, но придется несколько подождать... Здесь всё требует времени, это вам не Европа.

Степенные мужи судили и рядили добрых три четверти часа. Наблюдая за ними издали, мы обратили внимание и на живой обмен мнениями и на долгие минуты раздумий. Наконец лулуаи подошел к нам и, словно искушенный дипломат, заявил, что он и гоарибари из его деревни чувствуют себя польщенными знакомством с людьми из племени белых маста. По этому по-

воду сегодня вечером состоится выступление хора и будет дан торжественный прием. Белый маста, который хочет «делать снимки», вправе вдоволь фотографировать завтра всех, в том числе и женщин. Единственное желание жителей деревни состоит в том, чтобы ящик «быстро-быстро отдавать голос», принадлежащий другому маста, действительно отдавал этот голос после каждого выступления.

Это условие мы сразу же приняли.

И вот в темноте влажного вечера, озаряемой дымящимися факелами, мы слушали песни, которые некогда распевали перед тем как испечь «длинную свинью».

Огуме сидел выпрямившись, словно палку проглотил. Старик ритмически покачивал корпусом в такт все более оживлявшейся мелодии и подымал стиснутый кулак, будто держал в нем копьё. Он, вне сомнения, вспоминал годы своей молодости. Как замороженный, глядел я на его посеревшую, покрытую рубцами кожу, на большое отверстие в носовой перегородке, на растянутое чуть ли не до плеча ухо с исковерканной раковиной.

Умолкла песня, лулуаи взглянул на меня и одновременно тултул придвинул миску с саго, перемешанным с кусками краба или рыбы. Я перекрутил катушку, и магический «ящик белого человека» начал повторять ритуальную песню гоарибари. Новогвинейцы выслушали передачу с вниманием артистов, проверяющих произведение, которое им предстоит исполнить, а дети, подтакивая друг дружку, вскрикивали вне себя от восторга.

Пошептавшись некоторое время, старики сообщили, что будут продолжать петь. Я включил магнитофон, протянул руку к миске и осторожно взял банан.

До поздней ночи пели жители Омаумере. Звуки песен проносились над черной, как деготь, бездной реки, замирая в густых мангровых зарослях, где отдавались эхом, которое отражалось от плетеных циновок, покрывавших хижины островитян.

Черена

На следующий день деревня с виду несколько не изменилась. Однако куда-то исчезли кофточки, прикрывавшие по указаниям миссионеров женскую грудь, а

вместо них на молодых девушках появились украшения из свиных клыков; браслеты, сплетенные из луба, и ожерелья из мелких ракушек. Люди улыбались Стаху и мне, не прерывая своих обычных занятий. Пусть племя белых маста узнает, как живут и трудятся гоарибари!

Плетением красивых циновок и корзинок, как и сбором саго, занимались главным образом женщины. Мужчины же были поглощены выдалбливанием лодок и приведением в порядок оружия — копий, луков и стрел. Всё это было ново и интересно для нас.

С невольной улыбкой думал я об европейских музеях, где примитивные лодки-однодеревки считают ценными экспонатами, тогда как здесь... их изготавливают повседневно. Нужно было видеть, с каким умением местные гребцы стоя вели свои утлые, продолговатые лодки, с какой ловкостью орудовали тяжелыми веслами и как много времени уделяли тому, чтобы их разукрасить.

Мы же бродили по этому маленькому замкнутому миру, фиксируя на магнитофонную ленту и киноплёнку диковинную страну. За несколько дней мы успели приобрести здесь преданных друзей.

Старик Огуме с явным удовольствием раскуривал мои сигареты. Мы садились порой на примитивной, приподнятой над землей бамбуковой веранде его хижины и беседовали, разумеется, жестами. Старик закатывал глаза и рассказывал о чем-то, чего я, конечно, не мог понять, однако внимательно следил за его речью, словно выслушивал отрывки из рыцарского эпоса времен крестовых походов. А ведь еще совсем недавно крестоносцы, очутись они в этих краях, показались бы здесь представителями мира отдаленного будущего, глашатаями времен, которые открыли перед нами космонавты.

Однажды Огуме, видно, решил доставить мне особое удовольствие. К тому времени мы уже совсем подружились. Когда я навестил его в обычный предвечерний час, старик уже ожидал меня и очень обрадовался, увидев, что я уставился на него широко раскрытыми глазами.

Наряд Огуме блистал своим великолепием. В носу торчала большая кость, а дырки в исковерканной уш-

ной раковине были заткнуты кусочками тщательно обработанного дерева. Несколько белых и красных штрихов, выведенных растительным пигментом, придавали его лицу весьма воинственное выражение. На голове и шее старика красовалась повязка из меха австралийского опоссума. Весь этот изысканный наряд завершался многочисленными браслетами на ногах и руках, искусно сплетенными из пальмового луба и мелких разноцветных кораллов.

— Твой наряд, старик, великолепен, — сказал я, хлопав его по плечу.

И Огуме, гордясь тем, что «понимает по-польски», вместо одной, как обычно, взял три сигареты.

Вторым моим другом в Омаумере был Пуам. Шустрый мальчонка, окончивший какую-то небольшую миссионерскую школу, знал несколько английских слов и выделялся среди ровесников своими смысленными глазами. Пуам сразу же сообразил, что нам нужно, и стал водить по хижинам, где можно было увидеть произведения искусства местных художников. Чаще всего это была резьба по плоской доске, расцвеченная растительными красителями. Некоторые из этих творений походили на картонных кукол европейских детей, с той только разницей, что краски здесь были ярче.

Мы тщательно снимали все на кино- и фотопленку, а жители Омаумере, гордясь произведениями своего искусства, охотно выносили их из хижин на свет божий. Пуам лакомился шоколадом и конфетами, с достоинством принимал мелкие подарки и неумоимо выполнял свои функции квалифицированного гида.

Однажды, когда он повел нас на другой край болотистого полуострова, где находилась какая-то деревня, мы увидели белеющий в траве круглый предмет.

— Череп! — вскрикнул я.

Рассмотрев внимательно череп, мы заметили на нем какие-то метки. На лобной кости неизвестный художник вырезал несложный рисунок. Взволнованные, глядели мы на эту странную находку, а Пуам пристально уставился на нас. Ему, очевидно, казалось удивительным, что столь обыденная вещь в состоянии так заинтересовать белых маста. В кудрявой его головке, види-

мо, мелькнула какая-то мысль, так как он изменил направление нашего похода.

Трудный переход через густые заросли продолжался с четверть часа. Наконец мы остановились перед маленькой, стоявшей обособленно хижинкой. Пуам казался встревоженным и оглядывался, словно опасаясь присутствия посторонних. Теперь он уже жалел, наверное, что привел нас в это необычное место.

— Что там, Пуам?

— Маста войти, маста увидеть, — ответил паренек и спрятался в кустах.

Что было делать?

Прогнившие ступеньки лестницы немилосердно трещали, вызывая вполне понятное беспокойство. Дырявая пальмовая стреха и обтрепанные циновки на стенах пропускали внутрь много света. Хижина была полна... черепов. Беспорядочно сваленные в кучу, они скалили на нас зубы, пугали пустыми глазницами. У нас перехватило дух. Что означает этот склеп?

Мы насчитали несколько десятков черепов. У одних были повреждены кости темени, иные были целыми, но на лобной кости каждого виднелась какая-то гравировка. В зубы некоторых черепов были вплетены хлысты с рукояткой на конце.

Рискуя провалиться, мы ступали по прогнившему полу, тщательно разглядывая свою неожиданную находку. Некоторые знаки повторялись многократно.

— Пуам, эй, Пуам!

Парнишка вылез из кустов, и мы отправились в Омаумере.

Вечером Гэс, который провел на Новой Гвинее уже свыше двадцати лет, дал нам по поводу этой находки некоторую информацию.

— Все очень просто, — сказал он. — Каждое семейство в деревне имело когда-то свой родовой знак, который вырезало на черепе убитого врага, чтобы не оставалось сомнений в том, кто его победил. Ведь было время, когда парень, не добывший ни одного черепа, не считался мужчиной и не был вправе жениться. Войны и каннибализм всегда имели здесь религиозное значение. Съедали, впрочем, не только врагов, но и собственных вождей, чтобы их храбрость, благодаря этому своеобразному причастию, передавалась молодым воинам.

— Но почему все эти черепа собраны в одном месте?

— Право, не знаю, но полагаю, что это сделано под влиянием миссионеров. Кстати, должен вас огорчить. Эти два великолепных черепа, которые вы притащили, можете держать у себя здесь, на Новой Гвинее, сколько вам заблагорассудится, но... вывозить их нельзя.

Прощание с жителями Омаумере было трогательным. Все, кто мог, собрались на берегу, когда отчаливал катерок «Руби», принадлежащий правительственной администрации. Маленький Пуам долго шагал вдоль берега, помахивая нам обеими руками:

— Приезжай опять, маста! С ящиком «взять голос, быстро-быстро отдать голос»!

Баимуру

Катер «Руби» и его симпатичный экипаж мы встретили впервые в Баимуру, населенном пункте, расположенном между реками Пурари и Кикори. Официально он носит громкое название «город» и насчитывает около пятисот жителей. Из Порт-Морсби, административного центра и «ворот» Территории Папуа Новой Гвинеи, можно добраться туда самолетом за сто минут. За это короткое время путешественник преодолевает не только пространство, но и время — несколько эпох цивилизации.

На мокром от дождя асфальте аэродрома нас ждали высокий, сухопарый управляющий лесопильни с женой, женщина — начальник (и одновременно единственный работник) почты, полицейский чиновник и его заместитель. Впоследствии оказалось, что они составляли ровно половину всего белого населения Баимуру.

Выражение «тропическая жара» хорошо знакомо европейцам, но мало кому из них пришлось испытать такое чувство, когда при каждом вдохе вместо воздуха втягиваешь в легкие нечто вроде влажной ваты. В Баимуру при стопроцентной влажности и температуре выше тридцати градусов по Цельсию мы с удовольствием вспоминали гостиницу с кондиционированным воздухом в Порт-Морсби.

Пока выгружали довольно объемистый багаж, мы с интересом разглядывали собравшихся на аэродроме.

жителей Баимуру. Наше прибытие, несомненно, стало событием. Вокруг взлетно-посадочной полосы толпились стройные девушки, одетые по последней «парижской моде» — с неприкрытой грудью и в мини-юбках, целая ватага голых детей и более двадцати мужчин, возраст которых было определить нелегко.

Здесь начиналась уже подлинная Новая Гвинея.

Задумчиво смотрел я на канака-носильщика. Блестящий штатив нашей кинокамеры выглядел на его покрытых рубцами плечах предметом с другой планеты. С беспокойством поглядывали мы на жестяные коробки с пленкой; эмульсия при местной температуре и влажности легко могла поплыть, сводя тем самым на нет все наши труды. Наконец под проливным дождем мы двинулись в «город».

Две комнатки, гостеприимно предоставленные нам в доме управляющего лесопильни, составляли в Баимуру истую конкуренцию «Хилтону»¹⁸. Душ, изобретательно сконструированный из жестяного ведра, казался преддверием рая. Однако после короткой прогулки в полицейский участок мы снова с ног до головы покрылись потом.

Разговор начался чисто по-австралийски, с кружки пива. Я не особый любитель этого напитка. Но первую кружку холодного как лед нектара в Баимуру помню по сей день. Наша беседа проходила в дружественной атмосфере и доставила нам не меньше удовольствия, чем само пиво. Администрация любезно предоставляла в наше распоряжение правительственный катер. Несколько дней мы будем плавать в водном лабиринте дельты, а затем катер доставит нас к реке Кикори, где один плантатор собирался организовать специально для нас экспедицию вверх по реке, а также охоту на крокодилов. Ночевать нам предстояло сперва на самом катере, а затем в деревнях. Путешествие должно было начаться на следующий день рано утром.

Беседа шла под аккомпанемент ливня, который принимался в тот день уже в четвертый раз. Однако, когда мы вышли на высокий прибрежный откос, солнце снова ярко светило, но воздух казался еще более влажным. Омытые дождем заросли были усеяны цветами самых разнообразных оттенков, окружены ошеломляюще пестрой радугой летающих повсюду бабочек, не-

которые из них достигали двух листов моего развернутого блокнота.

Рядом катила мутные воды река. Время от времени по ней сновали продолговатые лодки. Где-то сбоку та-рахтели машины лесопильни, доносились крики аборигенов, доставлявших к пристани плоты из сколоченных вместе деревьев.

Мы заговорили было о необходимости обезопасить эмульсию киноплёнки, но как раз в тот момент внезапно раздался треск падающего кокоса, мы ринулись в разные стороны. Тут было уже не до «безопасности» и «охраны труда в тропиках». Да, здесь не отдохнешь под сенью тенистой пальмы, как это усердно рекомендуют авторы многих экзотических повестей.

Приняв перед ужином прохладный душ, сменив рубашку и носки, мы подумали, что в ближайшие дни уж не придется пользоваться благами цивилизации и распивать виски со льдом на застекленной веранде, но, несмотря на это, с нетерпением ждали начала нашего путешествия.

Хозяин, пожелав спокойной ночи, заранее посетовал на кваканье лягушек, которое будет мешать нам спать. «Кто станет горевать из-за таких пустяков», — подумал я, вспоминая, как квакают мазовецкие лягушки во время пикников у нас на родине.

Из запланированной вечерней прогулки ровно ничего не получилось. Если на вас накинется целое полчище комаров и начнет кусать так, как будто вонзаются лезвия кинжалов, то все очарование лунной ночи сразу же пропадет. Москиты мучали нас ужасно, поэтому мы возвратились в душные комнатки, где на месте оконных стекол были большие москитные сетки. Однако и тут не находили спасения: самые вьедливые комары умудрялись каким-то образом проникнуть в комнату. Так что мы вынуждены были искать убежища под муслиновым пологом. Измученный жарой, комарами, валялся я в душевной комнате и философствовал про себя. Вдруг резкие, пронзительные звуки заставили меня вскочить. «Носорог? — подумал я. — Но ведь здесь они не водятся. Так что же это?» Оказалось... лягушки. Те самые, о которых говорил наш хозяин. Глотки у этих тварей были такие, что они могли заглушить два рояля фирмы Бехштейн. До меня доносилось нечто среднее между

ревом моржа, хрюканьем раздраженной свиньи и бульканьем индюка. И, о ужас, эти звуки отчетливо раздавались под самым окном. Хозяин оказался прав. Здешние лягушки лазали по деревьям и стенам домов словно обезьяны.

— Не слышишь ли ты какого-то шума? — произнес из-за перегородки Стах сдавленным голосом.

— Да! — рявкнул я, чтобы перекричать лягушек. — Это не иначе, как колыбельная, передаваемая радиостанцией Баимуру.

Однако тут уже было не до шуток. Положение становилось серьезным. О том, чтобы прикрыть голову подушкой, не могло быть и речи — духота стояла нестерпимая. Оставалось лишь ждать. Я лег навзничь, вытер пот и стал молить бога о том, чтобы лягушки скорее охрипли или схватили катар горла. Время от времени они замолкали, но стоило мне подумать, что концерт не повторится, как какофония вспыхивала с новой силой.

Долго пролежал я так, наблюдая за симпатичными ящерицами гекконами, ловко охотившимися на потолке за комарами, пока наконец не задремал. Всю ночь меня преследовали какие-то кошмары.

— Вставай, уже поздно! — тормошил меня Стах.

— Негодник, — простонал я, — ты лишил меня удовольствия выпить бокал ароматного сока со льдом во сне. С тебя кружка пива!

При упоминании о соке Стах проглотил слюну, и на его хмуром лице скользнула улыбка.

— Везет тебе! Мне тоже приснилось, что я пью, но это была всего лишь обыкновенная вода из ручья в Татрах.

Пиво мы пили уже наяву за завтраком, а затем и на борту катера. Гэс, как подобает истинному австралийцу, не преминул захватить несколько бутылок.

Так началось наше плавание в Омаумере.

Новогвинейская «ёлка»

Капитан «Руби» Эроро Уме, уроженец центральной части Папуа, пригласил нас на борт катера после по-

лудня и угостил великолепным чаем. В Омаумере единственный доступный напиток — это кокосовое молоко. Раньше я никогда не рвался даже попробовать его. А тут мы, внимательно слушая капитана, который говорил о том, что собирается доставить нас в какую-то деревню, затерянную в водном лабиринте, наслаждались ароматным напитком. Жители деревни, в которую мы собрались ехать, принадлежали к

племени копи и некогда сильно враждовали с людьми гоарибари.

— Мы будем там к вечеру, — сказал Эроро.

«Руби» пробирался узкими каналами среди покрытых зарослями болот, то и дело меняя курс. Днищем катер время от времени цеплялся за какие-то препятствия. Неожиданно мы оказывались в широких поймах с сильным течением. Приходилось осторожно обходить водовороты, в которых толстые пни кружились вокруг нас словно спички.

Жара стояла нестерпимая. Пейзаж был унылым и однообразным. Порой казалось, что мы двигаемся тем же путем, по которому несколько дней назад следовали в Баимуру: такая же илистая вода, те же берега, поросшие камышами и мангровыми зарослями, — плоские и тем не менее недоступные.

Угнетала мертвая, внушавшая тревогу тишина. В этой болотистой местности — настоящий рай для водяных птиц — не было видно ни единой утки, ни какого-либо другого представителя пернатых. Тишину нарушал лишь рокот нашего мотора, да тихий шелест бьющей о прибрежные травы волны, поднимаемой катером.

— Почему здесь так тихо? — спросил я Гэса.

— Это понятно. Ведь в этом районе нет пресной воды. Из-за морских приливов и отливов. Воды Кораллового моря глубоко вторгаются сюда, пропитывая всё солью. Птицы, очевидно, этого не любят. Обратите внимание, что здесь нет никаких водорослей, разве только прибрежные камыши. Изредка встречаются казуары, кускусы и соленоводные крокод...

Гэс осекся. Недалеко от нас с берега скользнуло в воду нечто похожее на бревно.

— ...И крокодилы. Одного из них вы только что изволили видеть. У жителей этого района нелегкая жизнь. Немного крабов, два или три вида рыбы. Добыча пищи здесь всегда проблема.

Хотя катер двигался быстро и ветер несколько охлаждал наши разгоряченные тела, жара не располагала к беседе. Капитан Эроро вел «Руби» по ему одному известным ориентирам. Непосвященному же один канал казался удивительно похожим на другой.

Сумерки спустились неожиданно. Свет прожектора выхватывал из темноты мангровые заросли, которые казались теперь еще более нереальными. Время от времени мы натыкались на пни, которые в любой момент могли потопить наш утлый катерок. В темноте не слышно было ни единого звука, видимо, даже наши «добрые» знакомые — лягушки из Баимуру — пугались рокота мотора. Только однажды на берегу сверкнули два красных огонька, словно огни мотоцикла.

— Крокодил, — равнодушно заметил Эроро.

Катер то и дело менял курс, однако нос его все время скрывался во влажной темноте. Опираясь спиной о поручни, я уже был готов задремать, когда из-за поворота внезапно всплыла чудесно иллюминированная... елка! Сначала я решил, что у меня началась галлюцинация, но Стах был уже на ногах. Даже Гэс встрепнулся.

Навстречу из мрака выплыло высокое ярко освещенное конусообразное дерево. Видна была каждая ветка, чуть ли не каждый лист. Зрелище изумительное!

— Светлячки, — коротко бросает Гэс.

Я не раз встречал светлячков, но никогда еще не попадались они в таком большом количестве и не излучали столь яркого света. Дерево сверкало. Каждый

светлячок горел на нем, словно маленькая елочная лампочка. «Гигантский слет светлячков», — мелькнула у меня маловразумительная мысль. Я вспомнил, что эти насекомые светятся только тогда, когда они раздражены.

— Почему светлячки сидят именно на этом, единственном дереве в радиусе почти ста миль? — задал я вопрос нашему проводнику.

— Не знаю, — ответил Гэс, — и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь изучал повадки местных насекомых. Подобное явление отмечалось во время первых исследовательских экспедиций в эти края, то есть совсем недавно, но вряд ли кто-либо пытался дать ему научное объяснение. Я сам наблюдал раза два нечто подобное, но должен признаться, что не в столь внушительной форме.

Тем временем Эроро старался держаться как можно ближе к берегу. Было совсем светло. Мы отчетливо видели, как вздрагивает покрывающая дерево светящаяся масса. Я взглянул на палубу. Гэс радовался, что ему удалось показать нам одно из интереснейших явлений природы, с которым сам он был знаком. Постепенно мы стали погружаться во мрак, но за кормой еще долго светилось зарево новогвинейской «елки».

Было душно. Луч прожектора изредка прорезал мрак ночи. Эроро поражал нас все больше и больше. Он ни разу не взглянул на разложенную перед ним карту и вел катер, руководствуясь скорее инстинктом жителя дельты, чем достижениями картографии, которую ввел здесь белый человек. Так, должно быть, ориентировались испокон веков гребцы на своих утлых каноэ, возвращаясь с охоты на крокодилов или крабов.

— Минут через десять будем в Мирагоирави, — сообщил, наконец, Эроро.

Магнитофон синг-синг

Никаких признаков населенного пункта. Безлунная, темная ночь, лишенная малейших проявлений жизни. Единственным звуком, нарушавшим тишину ночи, был рокот двигателя нашего катера. Прошло десять, пятнадцать минут... Темнота. Ничего нельзя разобрать впереди.

И вдруг... Появившаяся маленькая красная точка по мере нашего приближения все больше разрасталась и превратилась наконец в дымящийся факел. Второй, третий, четвертый... Их становилось все больше. Это на берегу загорались новые и новые огни. И вот мы уже различаем многочисленную толпу. В руках у людей дымящиеся факелы, в свете которых сверкают зубы, обнаженные торсы, белки глаз.

У берега довольно мелко. Капитан решает бросить якорь. Толпа громко кричит, жестикулирует. Стало как-то не по себе, особенно после того, как погас прожектор.

— Заночуем на берегу,— решительно произносит Гэс.

Киваю головой в знак согласия, ощущая при этом смутное беспокойство.

К борту катера прибывает первое каноэ, в нем лулуан с большой бляхой — символом власти — на груди. И он, и его гребцы явно возбуждены. Они привезли кокосы и бананы.

Капитан Эроро договаривается насчет нашего пребывания на берегу. Лулуан кричит что-то в сторону. Вскоре подплывают новые лодки.

Двое здоровенных парней насмешливо поглядывают на то, как белый «маста» неуклюже перелезает в их лодку. Обремененный поклажей (я нес магнитофон, кинокамеру и картонку с сигаретами), то и дело судорожно хватаюсь за борт. Не так-то легко сохранить равновесие в выдолбленном корыте, где с трудом помещаются обе ступни. Не может быть и речи, чтобы удержаться в лодке даже на короткое время стоя, подобно тому как это делали мои перевозчики. С трудом приседаю и кое-как втискиваюсь между бортами каноэ. Через мгновение чувствую, что совсем промок, так как дно лодки заполнено водой. Утешает лишь мысль о том, что Стах и Гэс находятся в подобном же положении.

Наконец вся флотилия направляется к берегу. К счастью, на реке нет волнения, а брызги от весел не представляют опасности для нашей аппаратуры. Причаливаем к помосту, но здесь возникает новое затруднение. Начался отлив. Легкий помост оказался высоко над головой. Пытаюсь попасть ногой на горизонтально уложенную доску, но куда там! Увязваю до колен в мяг-

ком иле. К счастью, мои нарядные белые носки остались в катере. Снова соскальзываю с настила, страшно ругая все и всех. Чья-то крепкая рука помогает мне наконец выбраться на твердый грунт. Измученный, перепачканный грязью, оказываюсь в самой гуще толпы.

Селение имеет причудливый вид. Дымящиеся факелы выхватывают из мрака очертания хижин, разбросанных между пальмами. Народу становится все больше. Шум усиливается. Жители деревни Мирагоирави, разбуженные двигателем катера, естественно воспринимают наш приезд как большое событие. К тому же вместо чиновника местной администрации из катера высаживаются трое белых «маста», навьюченные какими-то диковинными приборами. Прямо сенсация!

Направляемся в сторону небольшой площади, которая находится в центре деревни. По мокрым после дождя тропкам идти довольно сложно. Мои сандалии отчаянно скользят.

На центральной площади к нашему приходу уже соорудили примитивный столик и две скамейки. Все готово к официальной церемонии, начала которой с нетерпением ожидают аборигены. Гэс выступает с речью, похожей на ту, которую он произнес в Омаумере. Существует, дескать, большое племя белых «маста» и огромное селение Варшава, и магнитофон — ящик «взять голос, быстро-быстро отдать голос». Затем следует воспроизведение записи, сделанной на магнитофонную ленту. Небольшой образчик возгласов лулуаи, направленных с борта катера на берег и ответов, поступавших оттуда.

Затем Гэс подстрекает жителей деревни, заявив что гоарибари будто бы считают свои песни самыми красивыми во всей округе. Это вызывает гневную реакцию толпы. Гэс закончил свою речь. Началось уже знакомое нам продолжительное совещание старейшин деревни.

Мы спокойно выжидали, вполне уверенные, что этой ночью сумеем сделать новые магнитофонные записи. Именно так и получилось. Жители Мирагоирави возмущены мнением гоарибари и тотчас же хотят доказать, что их песни лучше, чем у соседей.

Еще до начала концерта мы договорились о программе. Миссионеры придавали религиозным песням

большое значение, и в репертуаре местных жителей их очень много. У нас не было особого желания их слушать, и местные артисты охотно перешли на свои песни.

Своеобразие мелодий очаровало нас. Видимо, сказались и настроение, и обстановка той необыкновенной ночи. Выразительные песни копи показались нам красивее услышанных накануне. Они, видимо, отражали быт этих людей, который мы стали уже понемногу постигать.

Концерт продолжался до тех пор, пока не иссякли все запасы магнитофонной ленты. Жители деревни, прихватившие с собой даже грудных детей, с разочарованием восприняли наше решение прервать концерт. Мы утешили их, пообещав на следующий день продолжить записи.

Лулуан с группой юношей проводили нас на ночлег. Скользящая тропа привела к большой хижине на сваях. Лулуан первым вскарабкался по лестнице. Мы последовали его примеру. Юноши остались ждать внизу. Это был «мужской дом»¹⁹, куда женщинам, да и юношам до совершения обряда инициации вход воспрещен. Факел лулуан давал мало света, и мы не смогли как следует разглядеть внутреннее убранство дома, кроме очертаний каких-то фигур, резьбы по дереву, пучков трав, украшавших столбы, на которых держалась вся постройка.

Порядком уставшие, мы сразу же легли на циновки, решив оставить на утро тщательное ознакомление с этим своеобразным музеем. Впрочем, я не мог простить себе, что забыл на катере карманный фонарик.

Лулуан ушел, мы остались в темноте.

— Вот где истинный рай для музыковеда, — пробормотал Стах.

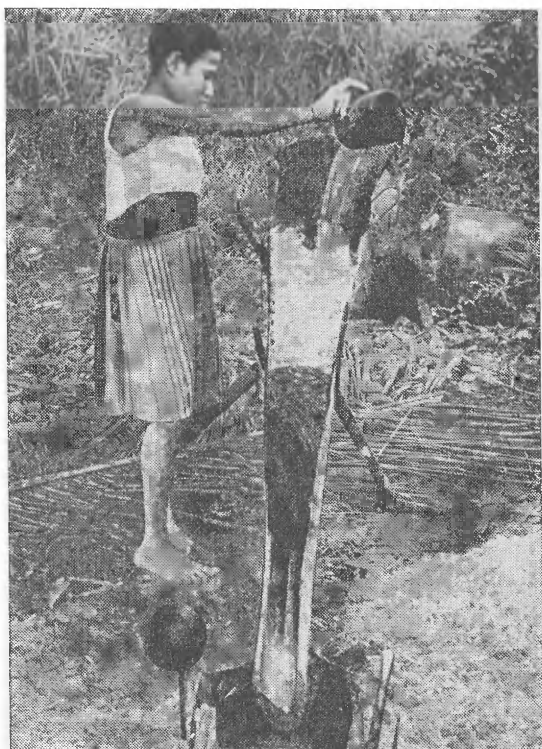
— Две докторские диссертации, как пить дать; жаль, что мы не понимаем слов, — вставил я, закуривая последнюю сигарету.

Вспыхнул огонек, и я замер, пораженный. Прямо над моей головой висел череп с оскаленными зубами и приделанным искусственным носом. Казалось, он язвительно улыбался. Спичка погасла, я обжег пальцы.

— Что ты делаешь, подожжешь хижину!

— Погляди, Стах, на этого типа!

При свете зажженных спичек мы разглядели, что

Так готовят на Новой Гвинее саго

черепу не только приделали нос из воска, но в его глазницы вставили раковины, а весь он был расписан разноцветными полосами. Более того, рядом находилась целая коллекция подобных «экспонатов».

Обращаться за разъяснениями к Гэсу было бесполезно — он безмятежно спал. Оставалось лишь последовать его примеру. И удивительно, в ту ночь я спал прекрасно, без всяких сновидений.

Утром мы насчитали в «мужском доме» около тридцати черепов, причем все они были препарированы по-разному. К ним приделали бороды и волосы, носы самой диковинной формы и разрисовали всевозможными узорами. Все это, в сочетании с декоративным оформлением «интерьера», производило несколько

странное впечатление. Однако мы начали уже привыкать к присутствию черепов в жилых помещениях.

— Что же вы хотите,— объяснял Гэс,— ведь мы храним снимки своих родственников в семейных альбомах, а местные жители коллекционируют черепа выдающихся родственников. Это, безусловно, более долговечные памятники.

— Ты прав, разница невелика.

— Пойдемте-ка лучше смотреть деревню.

Деревня мало чем отличалась от тех, которые мы посетили раньше. Несколько иначе разукрашены весла и каное, другие росписи и циновки, служащие стенами хижины, но все та же детвора, те же замужние женщины, испокон веков выполняющие здесь роль рабочей силы. Мужчины же либо предаются блаженной лени, либо обсуждают «чрезвычайно важные» вопросы. В перерывах между этими занятиями они отправляются в путь на своих канае, чтобы подыскать древесину, пригодную для постройки лодок или для резьбы. Иногда мужчины отправляются на охоту.

Разгуливая по деревне, мы встретили мужчину со странным «головным убором». В кудрявых волосах канак торчал зверек величиною с кошку. Темно-серый мех, большие глаза, свернутый в трубку безволосый хвост — всё это выдавало в нем кускуса. Абориген гордо носил своего любимца, время от времени поглаживал его. Он, видно, был очень привязан к зверьку. Мы засняли хозяина с его кускусом со всех сторон, а потом решили поговорить с ним. Стах спросил:

— Какая польза от этого ручного кускуса?

Гэс перевел. Островитянин посмотрел на нас, как на идиотов.

— *Кай кай*,— кратко ответил он. При этом у островитянина было такое выражение лица, какое могло бы появиться у электротехника, если бы его спросили, какая польза от электролампочки. И для пущей убедительности канак повторил:

— Кускус,— при этом он многозначительно погладил себя по животу.

Неизменно сопровождающая нас стайка детворы дружно подтвердила его мнение.

— Он прав,— рассмеялся в свою очередь Гэс,— жаркое из кускуса очень вкусно. Думаю, что европей-

ским обществам защиты животных не найти здесь себе сторонников.

День в поисках «объекта» для наших камер пролетел быстро. Вскоре производство сак-сак уже не представляло для нас тайны. Конечным продуктом мякоти саговой пальмы был розовый, лишенный запаха и вкуса порошок, который оседал на дне деревянного желоба. Да и хитроумный способ связывания живых крабов не возбуждал больше нашего любопытства. Еще несколько сот метров

заснятой пленки легли в жестяную коробку. «Лишь бы выдержала эмульсия», — беспокоится Стах, который каждую тысячу метров кинопленки обильно поливал своим потом.

Последний сюрприз в тот день преподнес нам малыш новогвинеец. Оставив своих сверстников, он решительно и беспепелляционно потребовал, указывая пальцем на висящий на моем плече футляр:

— Маста, магнитофон синг-синг!

Мы удивленно переглянулись. Малыш отчетливо произнес магнитофон. Он подслушал, видно, наш разговор и правильно связал в своей маленькой кудрявой головке слово с предметом. Теперь это иностранное слово приобрело право гражданства в далекой деревушке. Малыш растрогал нас. Мы угостили его конфетами и, конечно же, удовлетворили его просьбу.

— Магнитофон, магнитофон синг-синг! — слышалось теперь кругом.

С наступлением ночи взрослые жители деревни

вновь пели для нас. Под дробь обтянутых змеиной кожей барабанов плыли баллады о великих войнах, которых посадил в тюрьму белый человек; песни о злом духе, превратившемся в огромного крокодила и о военных доблестях племени копи.

Мы поддались обаянию этих людей. Делает ли цивилизация их действительно счастливыми? Вряд ли. Она дает им стальные топоры, но в то же время навязывает чуждые законы. Прививает гигиену и оказывает медицинскую помощь, но ломает обычаи и облагает налогами. Кладет конец междоусобицам, но не предоставляет больше продуктов. Она вторгается в их замкнутый мирок, вводя неизвестные прежде понятия. Принося с собой цивилизацию, европейцы заставляют аборигенов устраивать мир по образу и подобию белых людей, но станет ли он от этого лучше?

Кикори

Утро застало нас на палубе катера. Мы снова плыли по каналам, большим и маленьким, прорезающим обширные топи. Глухо рокотал двигатель, изнуряла жара.

Время от времени мы лениво перебрасывались несколькими фразами. Огромные пальмы, выраставшие прямо из воды, создавали как бы зеленый коридор, по которому маневрировал наш «Руби». Двое матросов, стоявших на носу катера, вынуждены были прокладывать путь топорами — так низко подчас нависали пальмы.

Вокруг все было мертво и пустынно. Внезапно мы выплывали на илистые водные просторы, нередко натывались на скрытую под мутной водой песчаную отмель. Катер резко тормозил, что неизменно вызывало беспокойство капитана.

Ландшафт был на редкость однообразным. Одни и те же растения, мангровые заросли, повторявшиеся с такой монотонностью, что, казалось, теряли свою реальность. Полуприкрыв глаза, я дремал. Вдруг Эоро воскликнул:

— Эйрд!

Из-за очередного поворота показались большие скалы, покрытые зеленью. Здесь, среди плоских, словно

Деревня на сваях в дельте реки Кикори

доска, болот они производили какое-то нереальное впечатление.

Мы узнали, что эти высоты занимают особое место в исследовании Новой Гвинеи с помощью авиации. Они надолго запомнились экипажу первого самолета, появившегося в здешних краях. Произошло это сравнительно недавно — в 1922 году. Почетная роль новогвинейского Икара выпала тогда на долю небольшого гидроплана марки «Картис» под названием «Sea Gull». Пилотировал его австралиец Ланг, а пассажиром был фотограф Харли. «Sea Gull» летел тогда из Каимари в Дару, расположенному у устья реки Флай.

Во время этого исторического полета оба пионера новогвинейского неба пережили страшные минуты: их самолет, брошенный сильным воздушным потоком, чуть было не разбился вблизи трехсотметровых возвышенностей Эйрд. Опасность с трудом удалось предотвратить. В своем дневнике Харли сделал такую запись: «Далеко, насколько хватало глаз, ничего, кроме этих высот, не было видно. Мангровые заросли внизу вместе с перерезающими их каналами создавали ошеломляющий лабиринт. Так, пожалуй, должен выглядеть марсианский пейзаж с его сложной системой пресловутых каналов, разбросанных по безбрежной равнине».

Эйрд — действительно удивительный каприз природы. Возвышаясь словно маяк, он предвещает близость реки Кикори и населенного пункта того же названия.

Когда мы подплыли ближе, то увидели, что на фоне Эйрда появились какие-то строения. Это были дома миссии, принадлежавшей, по-видимому, Лондонскому миссионерскому обществу, которое вместе с другими подобными «очагами» цивилизации «посвящает» новогвинейцев в тайны христианской религии.

Вскоре «Руби» плыл уже по основному руслу реки. Еще один этап нашего путешествия подошел к концу. И вот мы уже взбираемся на высокий берег.

В таверие Тетби прохладно. Ее владелец охотно подносит все новые и новые бутылки с пивом. В соседнем салоне пусто. Мы оказались здесь единственными посетителями в тот день. Гэс, как обычно, представил нас хозяину, словно древних индейцев, оказавшихся при дворе испанского короля. Завязался разговор о последних новостях в Порт-Морсби, об общих друзьях, в котором я почти не участвовал.

Я внимательно наблюдал за тем, как попугай играл... с кошкой. Красивая яркая птица цеплялась клювом за перекладку, проделывала изумительные пируэты, а уже через мгновение с пронзительным криком кидалась на спину кошке. Последняя терпеливо выносила все проделки своего друга. Лишь иногда она пыталась вытащить попугая наружу, на солнышко. Однако птица сразу же бросалась за стойку.., и игра начиналась заново.

На улице стояла жара. Солнце было в зените. Влажный воздух, казалось, совершенно лишен кислорода. А нам предстоял еще путь в гору. С высокого берега реки, на который мы высадились, нужно было перебраться еще выше, в штаб-квартиру Питера Мейнара, исполнявшего в Кикори обязанности одновременно старосты и шефа полиции. Питеру пришлось также взять на себя роль «хозяина гостиницы», так как в Кикори такого заведения вообще не существовало. А пока мы едва тащились, неся на себе багаж, и проклинали все на свете. Единственным отдыхом на этом пути была остановка, которую мы сделали, чтобы рассмотреть но-

вогвинейского казуара, привязанного веревкой за лапу, словно курица. Его поймали несколько дней назад в джунглях, и теперь казуар, размером с мальчика-подростка, терпеливо ожидал за примитивной оградой, когда наконец наступит его очередь отправиться в котел повара. На первый взгляд своим красным гребнем он отличался от австралийского казуара, с которым мне довелось «свести знакомство» несколько недель назад во время нашей остановки в Северной Австралии; казуар попросту вырвал у меня из рук ремень. Но какой жалкой показалась ему эта добыча! Ведь жесткий ремень ничем не напоминал по вкусу питона, которым надеялся, видно, полакомиться незадачливый казуар. Мой теперешний знакомый оказался гораздо менее предприимчивым.

Еще несколько минут пути, и мучительное восхождение закончилось.

Наше пребывание в Кикори должно, пожалуй, навсегда быть отмечено в анналах этого, с позволения сказать, «города». Ибо втроем мы увеличили — правда ненадолго — численность мужского населения европейского происхождения на целых тридцать три процента, что серьезно нарушило пропорцию между женщинами и мужчинами. Так, с нашим появлением в этих местах на каждую из шести белых женщин, проживавших у берегов реки Кикори, приходилось по двое мужчин.

Госпожу Мейнар, однако, мало волновали статистические данные, и она угостила нас ужином, состоявшим из продуктов, о существовании которых я почти уже позабыл. На столе появились ветчина, хлеб, джем и, конечно, пиво, без которого ни один почтенный австралиец жизни себе не представляет.

В бунгало Мейнаров каждому из нас предоставили настоящую кровать. Такой отдых показался нам подлинным блаженством — ведь во время путешествия мы спали в деревнях прямо на циновках.

Беседа во время ужина касалась жизни в подокруге, начальником которого был наш хозяин. Он осуществлял власть на территории, занимающей около десяти тысяч квадратных километров с населением более восемнадцати тысяч человек. Причем около пятисот

из них, может быть, и слышали о существовании белого человека, но никогда не видели его. Люди этого племени либо живут в деревнях, либо в многочисленных кочевых лагерях, разбиваемых временно, по мере надобности.

В задачу Мейнара входило, в частности, посещение каждого населенного пункта, хотя бы один или два раза в год, для исполнения необходимых официальных функций. Таким образом, его почти никогда не было дома.

— Я как-то читал про забастовку почтальонов в Сиднее, решивших, что на их долю выпали слишком обширные участки. Сомневаюсь, чтобы им приходилось когда-либо обслуживать районы, подобные нашим. Ведь это более четырех тысяч квадратных миль труднопроходимой местности, к тому же на их территории нет кафе или хотя бы баров,— пошутил хозяин дома.

Питер сказал «труднопроходимая местность», и в устах опытного офицера слова эти звучали весьма серьезно. В районе его «экскурсий» по бездорожью попадались не только уже знакомые нам болота, но также и мощные барьеры остроконечных известковых скал. Приходилось нанимать целую бригаду носильщиков, чтобы перенести необходимые съестные припасы. Административному чиновнику на Новой Гвинее не придется засиживаться за своим рабочим столом.

— Не знаю, право, удастся ли вам поохотиться на крокодилов. В последнее время число их резко сократилось. Чтобы рассчитывать на успех, нужно подняться несколько выше по реке. Но времени у вас в обрез. Посмотрим завтра, что можно сделать. Поговорите с Джимом. Ты ведь его давно знаешь, Гэс. Он все так же посиживает на своей плантации, но теперь Джим уже не тот, что был раньше,— многозначительно улыбнулся Питер.

«Могила» белого человека

Все предвещало приятную поездку. Выдолбленная из огромного дерева лодка имела не менее восьми метров в длину и была оборудована подвесным мотором — своеобразное сочетание старого и нового. Однако не-

долго довелось нам мчаться по илистому течению реки. Показавшиеся вскоре ветхие столбы, большой дом на сваях, два или три других строения, несколько сараев да выстроившиеся ровными рядами деревья — все свидетельствовало о том, что мы прибыли к месту назначения.

Двое аборигенов подхватили наш незатейливый багаж и повели к широкой веранде бунгало, где нас уже ожидал поразительно маленький европеец, опиравшийся на плечо слуги-великана. Мы медленно приближались к нему. Плантатор тем временем что-то кричал и изредка пинал несчастного слугу; он явно терял терпение. Когда мы взошли на веранду, он поздоровался, почти не глядя на нас, тут же усадил в кресла, не переставая при этом вертеться и покрикивать.

Я глядел на него, на сопровождавшего его великана и на другого слугу, который бесшумно появился с подносом в руках. Казалось, я уже видел где-то подобную сцену.

На стенах веранды были развешаны стрелы, чучела змей и крокодилов, а на столике лежал белый тропический шлем. Именно последний и вызвал в моей памяти какие-то ассоциации. Да, именно он. Вся картина напоминала фрагмент с английской гравюры колониальных времен или эпизод из заурядного фильма об экспедиции в Африку в XIX веке, который я видел всего месяц назад в Сиднее. И этот сморщенный человек, его шлем, эти луки, и копья, и черный великан — ну совсем как в кино!

Слуга обносил всех спиртными напитками. Сначала он подошел к хозяину, который нетерпеливым жестом придвинул к себе бутылку виски. Забулькала коричневая жидкость в стакане. Хозяин выпил, не дожидаясь, пока слуга подойдет к гостям. Жилистой рукой он снова, но уже более уверенно, наполнил свой стакан. Теперь плантатор перестал нервничать и стал более приветливым.

— Хэлло, Гэс, сколько лет, сколько зим! В последний раз мы виделись, кажется, в пятьдесят втором. В Рабауле, не так ли, старина? Или, может быть, в Лаэ? Да, бежит время, — он отхлебнул большой глоток. — Теперь вот торчу здесь почти безвыездно. В Морсби я не был уже лет пять.

Хозяин довольно безразлично отнесся к сообщению, что мы прибыли из Европы, и не проявил особого интереса к нашим планам, хотя Гэс несколько раз пытался завести разговор о крокодилах.

— Джим, ты всё еще продолжаешь охотиться? Когда-то у тебя был зоркий глаз и меткая рука.

— Нет, меня теперь не сдвинуть с места. Ты ведь знаешь, плантация отнимает массу времени. Нужно смотреть в оба за этими черномазыми бездельниками. Эй, Тумо, придвинь-ка это проклятое кресло поближе, плохо слышу. И давай сюда стакан! — рывкнул он нетерпеливо.

Резким движением Джим вырвал протянутый ему стакан. Слуга тотчас же пододвинул столик с наполовину опорожненной бутылкой. И снова два больших глотка...

— А теперь покажу вам мою плантацию. Я вложил в нее уйму денег.

Опираясь рукой о край столика, плантатор слегка покачивался. Однако впечатления подвыпившего человека он не производил. Смахнув пустую бутылку на пол, Джим властным взглядом обвел присутствующих. Тумо подхватил хозяина под руку. На веранде на подмогу ему кинулся второй слуга. Мы отправились за ними.

Мои познания в области каучука были весьма скудными, но Джим упорно пытался посвятить нас в тайны его выращивания.

Опираясь на плечи слуг, осыпая их потоками брани, он повел нас между деревьев, слегка спотыкаясь и отдавая на ходу массу приказаний. То велел делать новые нарезки на стволах, то наметанным глазом внимательно исследовал белую липкую жидкость, то вторгался в работу людей, смешивающих на специальной установке драгоценный сок с химикалиями. Джим показал, как прессуется сырой каучук и упаковывается в небольшие кипы, в которых обычно транспортируется и поступает на рынок.

Маленький, сухопарый, он был всецело поглощен своей ролью владельца плантации. Всё остальное его мало интересовало. Прожив несколько десятилетий в

тропиках, выпив за это время сотни ящиков виски. Джим превратился в полную развалину.

Он показывал все, в том числе склад-магазин с товарами, который казался выхваченным из колониальной эпохи. Здесь имелся разнообразный ассортимент товаров, но преимущественно плохого качества. Дешевые лопаты, топоры, какие-то сладости в стеклянных банках... Всем этим торговали, вероятно, в средние века на европейских ярмарках. Здесь мы увидели ситцы, из которых жена Джима собственноручно шила «изящные наряды» для женщин, работающих на плантации. Имелся и табак в брусках... Словом, всевозможные скудные «сокровища», благодаря которым плантация сама обеспечивала себя всем необходимым. Большинство занятых здесь рабочих, по-видимому, оставляли весь свой заработок именно на этом грубом прилавке из нестроганого дерева.

Возможно, Джим и рад был нашему посещению, но он очень устал от предпринятых ради нас усилий. Все чаще спотыкался и уже слабеющим голосом поносил свою «гвардию». Прикорнув, наконец, на пороге своего склада, наш хозяин задремал с полуоткрытым ртом. Он окончательно выдохся. Так закончился этот визит. Охота на крокодилов не состоялась, мы вернулись ни с чем.

На следующий день утром мы попрощались с Питером Мейнаром, который уходил в очередное трехнедельное патрулирование. Эта экспедиция ничем не напоминала фальшивых маскарадов из кинофильмов. Питер, одетый в шорты и открытую рубашку, в походных ботинках и широкополой шляпе, а не в офицерском мундире, не имел при себе даже оружия. Впрочем, его сопровождали несколько местных полицейских в форме, с карабинами за плечами. Атрибутами власти Питера служили брезентовый стульчик и складной столик, которые тащил один из старших носильщиков. Ящики же со съестными припасами и медикаментами, еще два или три жестяных контейнера, множество мешков и тюков — все это несли носильщики, длинной цепочкой растянувшиеся по дороге. Патруль двигался на север, где его ждала полная неизвестность. Белый *киап*²⁰, сопровождаемый местными жителями, направлялся в «трудный район», чтобы насаждать законы белого че-

ловека. Быть может, ему придется осудить человека, или же Питер окажется почетным гостем очередного праздника. Возможно также, что коллекция в бунгало на высоком берегу пополнится еще одним каменным топором. Молодая жена киапа будет с нетерпением ждать его возвращения. Она, конечно, помнит, что встречи белых с местным населением не всегда проходят благополучно.

Так, в 1953 году были убиты два австралийских офицера, которые несли точно такую же службу, как и ее муж. Госпожа Мейнар ждет мужа одна в большом пустом доме на берегу большой илистой реки, берущей начало где-то в глубине этого все еще недостаточно исследованного острова.

Билл с вертолетом

Однажды нам сильно повезло. Питер рассказывал, что в дельте Кикори американская фирма ведет разведку нефти с борта исследовательского судна и с помощью вертолета, но более подробными сведениями он не располагал. И вот как-то раз послышался рокот мотора. В небе показался вертолет. Стоило ему приземлиться, как из машины вышел пилот и с места в карьер заявил, что ему «ужасно надоело глядеть на одни и те же рожи на корабле».

С подлинно американской развязностью он сразу же сообщил:

— Меня зовут Билл, я родом из штата Орегон, и мне до смерти хочется выпить. Говорят, некий Тетби держит в этих местах крепкие напитки.

За пятнадцать минут Билл успел рассказать нам многое о своих больших заработках, мучавшей его малярии и о том, как он соскучился по горячим сосискам и хрустящему картофелю.

— Ребята! Я сыт по горло консервами и картофельным пюре,— добавил он, отхлебнув большой глоток янтарного пива.— И знаете что? Мне пришла в голову блестящая мысль. Зачем вам тащиться на паршивом корыте? На это уйдет, по крайней мере, двое суток. А я ведь все равно лечу в Баимуру, и у меня два свободных дня. Будет немного тесновато, зато полчаса —

и вы уже на месте. Решено. Собирайтесь. Беру вас с собой!

Через два часа мы поднялись в воздух. Билл фальшиво напевал «Чатануга-чу-чу» и вел вертолет зигзагами. Если что-то казалось ему интересным внизу, то он опускался до пятнадцати-двадцати метров над безнадежно унылыми болотами. С птичьего полета был хорошо виден весь этот «мрачный край», как метко окрестил проплывающие под нами болота Харли. Теперь мы воочию увидели прилив на Коралловом море, воды которого глубоко вторгались в лабиринт расчлененных островов и островков.

Билл с шиком посадил вертолет на самом краю аэродрома в Баимуру и тотчас же отправился на поиски спиртного, а мы тем временем попытались разузнать, когда вылетает следующий самолет в Порт-Морсби. Оказалось, что в Баимуру самолет прибывал только раз в неделю, но его прилет ожидался как раз в этот день. Так что нам повезло, и Билла мы встретили в нужную минуту. Мы выиграли целых семь дней. Билл безусловно стоил целой бочки пива. Поэтому мы захотели еще раз увидеть своего благодетеля, а также попрощаться с некоторыми знакомыми из Баимуру. Но сделать это нам удалось не сразу. По дороге мы стали свидетелями весьма интересного зрелища.

В тени пальмы, над огромной кожей крокодила склонилась кудрявая голова новогвинейца. Пресмыкающееся было не менее пяти метров в длину. Человек с большим трудом втирал соль в свежую кожу. Это была единственная операция, которую он мог проделать на месте, чтобы спасти ценную кожу от порчи. О дублинии оболочки крокодила где-либо на Территории, включая и Порт-Морсби, не могло быть и речи. Никто здесь не умел этого делать, да и не было нужных дубителей.

Сырую кожу продают на месте, причем стоимость ее зависит от размера крокодила, которого измеряют поперек хребта. За дюйм кожи большого крокодила можно получить по два с половиной доллара (то есть около пятидесяти долларов за всю), если, конечно, ее ширина достигает полметра. Скупщик таких сырых кож пересылает их на свой страх и риск на юг, «на большую землю», в Австралию.

Со щемящим чувством смотрел я на то, как ловко работал новогвинеец. Всего несколько дней назад я мог надеяться, что этот человек обработает кожу убитого мною крокодила. Теперь же все надежды рухнули. Через час мы должны вылететь из Баимуру в Порт-Морсби.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ НА... ПОЧТОВОЙ МАРКЕ

В Порт-Морсби из Баимуру мы возвращались словно в родной дом. Повсюду нас приветствовали:

— Хэлло, Ян, хэлло, Стэн!

Все сердечно здоровались с Гэсом. Было приятно на чужбине, вдали от родных мест услышать собственное имя, произнесенное с дружеской интонацией.

Вскоре стало известно, что в следующий рейс — на этот раз более длительный — мы должны отправиться всего через десять с небольшим часов. Билеты на самолет компании «Папуан эйрлайнз» уже ожидали нас в Конедобу. Усилия Гэса приносили свои плоды. Времени оставалось мало, а предстояло еще отправить небольшую информацию в журнал «Музыка и злободневность», упаковать вещи и фильмы, навестить госпожу Цихоцкую и послать несколько частных писем. Мы отправились на почту.

В этом прозаическом месте я принял для себя бесповоротное решение. Штемпеля, подушки с тушью, почтовые марки... Вот оно! Я взглянул на выставленную по почтовому обычаю на куске картона серию марок с надписью: «Папуа Новая Гвинея». Марки сияли всеми красками радуги и изображали... райских птиц. Меня вдруг осенило, что именно Новая Гвинея, Молуккские острова и архипелаг Луизиада — родина этих мифических сильфов²¹, которые — как свято верил в XVI веке испанский двор — родились в раю, питались исключительно утренней росой и даже яйца высиживали в полете, так как, будучи безногими, не могли касаться земли.

Я плохо слушал рассказ госпожи Цихоцкой о предстоящем выпуске какой-то новой, сенсационной серии почтовых марок и все время думал о том, что именно здесь я должен, непременно должен увидеть этих редких, необычайно красивых птиц. Упустить такой случай — все равно, что быть в Париже и не осмотреть Эйфелеву башню. Я решил — никаких запыленных чучел! Хочу увидеть только живую, красивую райскую птицу! Лучше всего самца, так как у самок оперение значительно беднее.

Письма были отправлены, райские птицы на марках улетели авиапочтой в Польшу, а огромное желание увидеть хотя бы одного сильфа... осталось. Мое воображение рисовало яркий хвост *Paradisea apoda*, самой красивой из всех известных сегодня райских птиц. Именно ее красота пленила испанский двор и — нечего скрывать — способствовала уничтожению сотен тысяч ее сородичей. Ибо так называемый *Homo sapiens* нарушает равновесие в природе, за что его, очевидно, ждет в недалеком будущем суровое возмездие.

Когда единственный корабль, благополучно возвратившийся из кругосветной экспедиции Ф. Магеллана, доставил перья *Paradisea apoda*, они произвели тогда большее впечатление в Европе, чем образцы лунного грунта сегодня. Добыча отважных моряков прибыла в Европу, лишенная костей, мяса и ног. Однако никто из тогдашних светил науки не догадался, что райская птица по обычаю аборигенов была искусно препарирована. Чучело ее признали небесным творением, отсюда родились вымыслы о сказочной жизни райской птицы в воздушных просторах, не запятнанной соприкосновением с бренной землей.

У испанского короля — обладателя райской птицы — нашлись завистники. Вскоре подданные короля Португалии, и конечно же Испании, стали доставлять в Европу все больше райских птиц, неизменно препарированных по обычаю новогвинейцев с отрезанными лапками.

И быть может, все кончилось бы благополучно для этих чудесных созданий, если бы не... женщины. Ими овладело неодолимое желание украшать свои шляпы

перьями сказочных существ, несмотря на то что привлекательно разукрашенные останки райской птицы стоили тогда целое состояние. Мужья франтих горько сетовали, но платили большие деньги, точно так же как они делают это сегодня, приобретая заморские тряпки. Мода на перья просуществовала вплоть до первой мировой войны. В течение первых пяти лет владычества австрийского эрцгерцога Рудольфа в Новой Гвинее было истреблено около пятидесяти тысяч райских птиц, которые своей красотой должны были бы будить возвышенные чувства, а на самом деле вызывали лишь жажду крови и скрывающуюся за ней жадность к деньгам.

С течением времени этим красивым птицам «вернули» их кости и лапки, так как ловкие торговцы, стремясь угодить изменчивым вкусам дам, стали попросту приделывать куриные или индюшачьи лапы к фальсифицированным в массовых количествах чучелам райских птиц. Так франтихи получили возможность водружать на свои шляпы птичьи чучела.

Впоследствии ученые ухитрились каким-то образом спаривать малоэффективных самок с великолепно оперенными самцами, пытаясь вывести наиболее красивый вид этих птиц. Но, пожалуй, лишь в 1938 году удалось успешно завершить этот эксперимент.

— Четыреста долларов,—неожиданно заявил Гэс.

— Что четыреста долларов?

— Такая сумма штрафа грозит сегодня каждому европейцу за обладание райской птицей,—ответил Гэс.

Я с уважением посмотрел на него, ведь он отгадал мои мысли.

— А у меня для вас интересная новость,—госпожа Цихоцкая сделала эффектную паузу.— В Порт-Морсби проживает еще одна полька.

Райские птицы на мгновение вылетели из моей головы. Я весь превратился в слух.

— Молодая. Появилась здесь недавно. Я еще не познакомилась с ней. Знаю только, что ее зовут госпожа Водварка, муж ее — чех. Работает, кажется, в магазине «В.Р.», то есть у «*Burns Philp*»²².

— Это недалеко отсюда, мы найдем ее,—довольно безучастно произнес Гэс.

Мы со Стахом были весьма заинтересованы неожи-

данным сообщением и пожелали сразу же повидаться с нашей соотечественницей. Однако в указанном магазине госпожу Водварку мы, к сожалению, не застали. Оказывается, в тот день она была нездорова. Мы позвонили ей домой, к телефону никто не подошел.

Зато после нашего посещения магазина нам удалось расшифровать значение букв «В.Р.». Оказывается, эта фирма выполняет здесь ту же роль, что и «*Hudson's Bay Company*» в Канаде. Клиенты же магазина расшифровывают инициалы «В.Р.», как «*Bloody Pirate*», что в переводе означает «проклятый пират» — довольно прозрачный намек на коммерческие методы, практикуемые этой достопочтенной фирмой.

Тем не менее мы сделали кое-какие покупки у «проклятого пирата», так как наше тропическое снаряжение страдало серьезными изъянами. Следует, однако, признать, что фирма «Бёрнс Филп» — знаток своего дела. На своем складе она имела все, что могло пригодиться любому жителю Острова, не исключая предметов роскоши.

Последние мелочи мы покупали в страшной спешке. Хотя бег времени до недавних пор и остановился в Новой Гвинее, пилоты самолетов, по крайней мере на аэродроме в Порт-Морсби, хорошо понимали, для чего существуют часы. Мы же не имели ни малейшего желания ждать несколько суток следующего рейса в нужном нам направлении. Все взмыленные, прибежали мы на аэродром.

Тапины

Самолет набрал высоту, но в салоне было по-прежнему душно. Струйка воздуха, проникавшая в тесное помещение из вентиляционного люка в кабине пилота, приносила незначительное облегчение. Мое лицо, правда, постепенно просохло, но рубашка осталась совершенно мокрой... Мы летели навстречу горным джунглям.

Все места в небольшом самолете были заняты. Рядом со мной сидел новогвинеец, державший между коленями архаический лук. Его босые, словно растоптанные стопы казались огромными. Соседом Стаха оказался обладатель великолепных кудрей, его ушные рако-

вины были совершенно ажурными. Гэс дополнял своей внушительной фигурой состав пассажирского самолета. Кроме того, в багажном отсеке, прямо за моей спиной, находился еще один «пассажир» — огромный пес, который, как только начал работать двигатель, непрерывно выл.

Сначала мы летели вдоль побережья. Слева тянулся горный массив, заслонявший горизонт, справа сверкало голубизной Коралловое море, испещренное светло-зелеными баранками атоллов, затянутых белой пенистой пленкой. Тень самолета скользила по болотистой, покрытой заплесневелой растительностью равнине. Выстроившиеся кое-где ровными шеренгами многочисленные пальмы свидетельствовали о том, что здесь есть плантации, а встречавшиеся скопления хижин говорили о поселении людей.

Засмотревшись на этот необычный пейзаж, я не заметил, как самолет изменил курс, и рокот двигателя стал глуше. Теперь мы летели над узкой долиной. Под нами змейкой вилась река. Самолет шел значительно ниже вершин окружавших нас гор. Я воочию убеждался, что Новая Гвинея — действительно самый гористый остров в мире, и меня всё больше терзали сомнения о возможности посадки, особенно вынужденной, на этой «чудесной» территории.

Ни с того ни с сего я вспомнил вдруг несчастный случай, постигший пилота по фамилии Ле Трист, который погиб где-то в этих краях. Место катастрофы обнаружили случайно лишь три месяца спустя. Самолет свалился среди деревьев на крутом склоне горы, и, вероятно, никогда не увидели бы его следов, если бы не жуткая находка одного из местных жителей. Это оказалась голова Ле Триста, срезанная, по-видимому, в момент катастрофы и скатившаяся вниз на охотничью тропу. Абориген, знавший Ле Триста, опознал ее и уведомил администрацию в следующих словах: «*Head bilong masta bilong balus*»²³. Останки похоронили с подобающими почестями в лесу.

Я невольно взглянул на Джима, нашего пилота. Его голова, к счастью, была еще на месте. Верный своей простоте в обращении, Джим с момента посадки на самолет перешел с нами на «ты», а в воздухе вытащил из-под сиденья картонный ящик с пивом и кока-колой,

что было, быть может, не очень галантным, но зато на-верняка добросердечным жестом. Распивая холодные напитки и косясь одним глазом на промелькавшие под нами покрытые пушистой растительностью склоны, я уже более спокойно думал о предстоящей посадке.

Тапины. Что говорило мне это название? Ровным счетом ничего. Я знал, правда, что изображение аэродрома в Тапины было увековечено на почтовых марках Территории Папуа Новой Гвинеи, но не имел понятия почему. Лишь теперь, когда самолет чуть ли не касался кончиками крыльев поросших лесом склонов, я начал подозревать начальника местного почтового ведомства в откровенном надувательстве.

Вскоре мы оставили позади укромную долину, промчались на бреющем полете между двумя развесистыми панданусами и влетели в очередное, еще более узкое, зеленое ущелье.

Временами этот полет напоминал мне авиационную экспедицию в горах Аляски²⁴. Там тоже было тесно среди ледников и скал, а пилот столь же ловко вел машину. Проплывавшие под нами молчаливые, безучастные джунгли казались не менее грозными, чем обледенелые скалы. Здесь, как и там, смерть в случае аварии казалась неминуемой.

Территория Папуа Новой Гвинеи покрыта, словно веснушками, всякого рода аэродромами. Их свыше трехсот. Одни принадлежат духовным миссиям, другие — частным лицам, третьи находятся под управлением государственной администрации. Большинство из них приспособлено, естественно, только к приему легких самолетов, лишь немногие — самолетов типа «Дакота» и только один, в Порт-Морсби, — реактивных лайнеров. Тем не менее Территорию можно безусловно считать своеобразным царством Икара: как показывают статистические данные, на каждого жителя приходится в среднем весьма значительный километраж полета, особенно если иметь в виду европейцев, которые летают чаще всех.

К концу 1966 года по воздуху здесь было перевезено около двухсот тысяч пассажиров и свыше пяти тысяч тонн грузов. Для страны, частично находящейся еще на уровне каменного века, эти цифры, несомненно, внушительны. Стальная птица, парящая среди гор, пред-

ставляется здесь вполне нормальным явлением, не удивляющим ни одного новогвинейца.

Тем временем самолет, управляемый Джимом, ловко проскальзывал между перевалами, и передо мной то и дело открывались виды, которые тщетно было бы искать еще где-либо в мире.

Тут пилот вдруг безмятежно заявил:

— Тучи сегодня плывут низко, дальше мы, вероятно, попадем в туман.

Затем он перевел машину в крутой вираж и вновь втиснул ее в узкое ущелье между двумя грозными высотами.

В результате падения температуры даже пиво стало казаться мне каким-то чересчур горьким. Уже давно не было видно вершин окружающих гор. Над нами повисли густые облака, а впереди клубился пока еще слабый туман. Рассеянно слушал я пояснения Гэса, касавшиеся долины и реки, над которой мы пролетали, и с сожалением вспоминал жаркое, но зато прозрачное и чистое небо над аэродромом Порт-Морсби. А Джим тем временем продолжал свои мрачные прогнозы:

— Если в Тапини туман, приземлиться там сегодня не удастся. Одно из двух: или сядешь на уступ горы, или просто разобьешься о него.

Собака тем временем выла как одержимая.

«И чего он ухмыляется, этот чертов кенгуру,— не на шутку возмутился я.— Даже собака воет, видно, у нее дурное предчувствие».

К счастью, над Тапини не было тумана. Я мог поэтому трезво оценить обстановку. Аэродром действительно представлял собой своего рода скалистый уступ над крутым обрывом. Взлетно-посадочная полоса начиналась и кончалась над пропастью. На первый взгляд казалось, что наша воздушная «блоха» никоим образом не сумеет сесть на этой узкой и, по-видимому, единственной ровной полоске земли в радиусе нескольких десятков миль. Я допил остатки пива — как-никак жалко было бросать этот приятный напиток! — крепко пристегнулся ремнями к креслу и положился на волю судьбы.

Я определенно недооценивал мастерство нашего пилота. Продолав несколько причудливых глиссадов, он прицелился и... сел легко, точно колибри. Самолет за-

мер на месте. До пропасти было еще далеко. Собака сразу перестала выть. На земле она оказалась милой псиной, вернувшейся к своему хозяину после курса лечения у ветеринара.

Выкарабкавшись из кабины, я тут же увидел... маленький вездеход. Откуда же взялся этот автомобиль в самом сердце горных джунглей? Конечно с неба! Именно с неба, прибыв на самолете, который доставил его по частям, как и трактор, булькавший подобно индюку на краю аэродрома.

Обо всем этом, как и о многих других местных диковинах мы узнали от Ф. Дж. Харди, который, как представитель австралийского правительства, осуществлял власть над десятком-другим строений в Тапини, а также над окрестными деревнями жителей Нагорья. Он и его подчиненные, а в особенности Норм Ричардсон, приняли нас как своих соотечественников и помогали чем могли.

Гэс, который более десяти лет назад был одним из первых европейцев, основавших пост в Тапини, с благоговением вспоминал шалаш и открытый всем ветрам сарай — единственные в то время строения, украшавшие эту местность. Не мудрено, что теперешнее здание администрации, маленькая гостиница и опытная растениеводческая станция производили на него большее впечатление, чем нью-йоркские небоскребы на выходца из польской провинции.

Мы с интересом слушали его рассказ о первых встречах с местными жителями, тем более что на стенах бара повсюду красовались убедительные экспонаты, иллюстрирующие его повествование, — большие луки, стрелы и крепкие палицы.

А рассказ шел о совсем недавних еще временах, когда племенные распри были значительно острее, чем сейчас. Родовая месть приводила к гибели многих людей. Чаще всего причиной тому были случаи похищений женщин и... даже свиней. В новогвинейских горах тогда легко можно было потерять голову из-за женщины. В буквальном смысле этого слова.

Во время одного из патрульных обходов Гэсу сообщили, что в его районе убили человека. Убийца был известен. Оставалось только отправиться в деревню и арестовать преступника. Этого требовал закон.

Впрочем, виновник и не пытался скрыться. Он остался в деревне и даже не понимал, что же, собственно, совершил плохого. Он поступил так, как этого требовали извечные законы племени. Гэс задержал молодого убийцу, переночевал в деревне и на следующий день поутру отправился назад в Тапини. Но дорогу ему преградила мать юноши, пытаясь вручить одичавшую свинью. Женщина рассуждала по-своему логично. Если белый маста хочет отнять у нее сына, она в обмен предложит ему свинью, и чиновник совершит выгодную для себя сделку.

Сделка, естественно, не состоялась. Арестованный вместе с патрулем прибыл на полицейский пост. И тут, на его несчастье, в нем заговорила мужская гордость. Увидев новые лица, он начал похвастаться «подвигом», прославляя свою смелость и отвагу, и заодно сообщил имя жертвы. Через мгновение его самого не стало. Один из местных полицейских оказался близким родственником убитого. Не помогли ни влияние цивилизации, ни знакомство с законами белого человека. Победил исконный обычай. Молниеносный удар отправил убийцу в «страну духов», а у Гэса появился другой арестант.

Тридцать миль

В канцелярии мистера Харди мы разговорились о проблемах его района. Тем временем любезные подчиненные начальника показывали нам разные экспонаты из собственных коллекций: оружие, которое применяют в здешних горах, украшения и даже наиболее интересные экземпляры местного травянистого растения ятрышника. Дождь перестал, и мы собирались было спуститься вниз, чтобы осмотреть висячий мост «кунда», построенный аборигенами, как кто-то произнес слово «Гуари». Это было название нового аэродрома, который сооружался высоко в горах, на отдаленном посту. Мы очень заинтересовались этим Гуари. Не считая представителей администрации, никто из белых еще не побывал там. Мистер Харди, как подобает австралийцу, сразу же изъявил готовность помочь нам в этом предприятии. В результате краткой радиопереклички выяснилось, что, хотя дорога и раскисла от дождей, при некотором везении можно добраться до Гуари.

— Дам вам свой «лендровер» и полицейского. Вы готовы рискнуть?

— А далеко ли до Гуари,—предусмотрительно осведомился я.

— Около тридцати миль.

— Всего? Ну, в случае необходимости можно добраться туда и пешком... Едем!

Я тогда еще не представлял, что такое новогвинейские мили.

На следующее утро мы отправились в путь. Сопровождали нас вооруженный новогвинеец в форме королевской полиции Папуа Новой Гвинеи и водитель Лазаро Кулона.

Другого такого водителя я, наверное, уже никогда в жизни не встречу. Лазаро ездит на машине более пяти лет, но не проехал еще ни одного километра по твердой поверхности, не говоря уж об асфальте. Его стихией был тракт вокруг Тапини, слишком громко величаемый дорогой.

Так начали мы свой альпинистский рейд в горах Папуа Новой Гвинеи. Вот как приблизительно выглядела эта трасса. Чтобы достигнуть цели — обособленной станции на горном хребте, предстояло сперва подняться более чем на четыреста пятьдесят метров, затем спуститься в долину и снова подняться еще на девятьсот с лишком метров. Писать об этом легко, но ехать — боже упаси!

Новогвинейская «автострада» оказалась попросту тропой, пробитой в склоне горы, шириной всего в один «лендровер». Мы все время ехали над пропастью. Сначала было немного страшновато, но через час мы уже привыкли к такой езде. Вид открывался прекрасный — ничто не заслоняло ландшафта. Однако то, что в Тапини называли дорогой, оказалось чертовски ухабистой колеей, предательски скользкой и ведущей чаще всего под гору. Наш вездеход с четырьмя ведущими колесами спокойно раскачивался уже на первых метрах пути и, если бы мы крепко не держались за поручни, несомненно вытряхнул бы нас в пропасть не далее как на втором километре. Так, скорее всего, должен чувствовать себя новичок, впервые едущий на верблюде.

Лазаро оказался виртуозным водителем. На коротких участках относительно хорошей дороги он «неистов-

ствовал», развивая скорость свыше двадцати километров в час, а на плохой — выжимал из двигателя все, на что тот был способен. «Забавнее» всего казались нам приемы, которыми шофер преодолевал некоторые узкие повороты. Лазаро давал несколько раз задний ход, — причем колеса в этот момент буквально висели над пропастью, — пока наконец вся машина не оказывалась на узкой тропе.

Там, где с гор низвергались водопады, попадались «мосты» — несколько рядов уложенных бревен, имитировавших великое творение инженерного искусства. Когда мы проезжали по бревнам, они стучали, словно клавиши старого фортепьяно. Однако мы не роптали, понимая, что лучше ехать так, чем тащиться пешком, тем более что над горами появился туман.

Приблизительно через час я спросил Лазаро, сколько нам еще осталось ехать. Он ответил, что если не останавливаться в пути, чтобы «маста Стах делать снимки» (а мой друг рьяно этим занимался), то через восемь часов мы должны быть на месте. Так до меня дошло наконец, что означает здесь расстояние в тридцать миль.

Окружающие нас джунгли были великолепны. Огромные панданусы, каждая ветвь которых, все равно, большая или маленькая, делились всегда на три части; хлебные деревья, возбуждавшие воспоминания о прочитанных в детстве книгах; целые массы лиан, беспорядочно сплетенной зелени, в которой мог бы разобраться только ботаник. Все было усеяно цветами, пестрело ярко расцвеченными бабочками, дышало влагой, издавало специфический запах гнили, смешанный с ароматом цветов. Величавость гор и безмолвие джунглей были столь волнующими, что шум двигателя нашей машины казался здесь святотатством.

Захватывающая панорама гор представляла собою отличный фон для разбросанных кое-где на склонах или вершинах небольших скоплений пальм. Время от времени скудный дымок свидетельствовал о присутствии живых людей. Много раз мы проезжали мимо огородных участков, тщательно обнесенных изгородью для защиты от одичалых и домашних свиней. Произрастали здесь главным образом клубни бататов.

Одни из этих расположенных на обрывах огородов

Молодые пастухи с гор

были уже заброшены, другие сохранили следы культивации. Метод их возделывания столь же стар, как и сама Новая Гвинея. Единственное орудие — заостренная палка в руках женщины. Используемые участки жители гор попросту забрасывают и принимаются за новые.

Первый встреченный нами на одном из таких участков пастух несказанно поразил меня. Его одеяние было более чем скромным. Не считая раковины, подвешенной на шее, на нем оказался лишь тщательно подогнанный мешочек из травы, прикрывающий половые органы, а также... живая бабочка. Ярко расцвеченное насекомое трепыхалось в его волосах, привязанное к ним чем-то вроде нитки. Довольный произведенным впечатлением, пастух дергал рукой за нитку, заставляя шевелиться засыпавшую уже бабочку.

Встречаясь с людьми, которые брели по обочине дороги, мы обратили особое внимание на браслеты, ожерелья из свиных клыков и великолепные цветы, украшавшие исключительно... волосы мужчин. Девушки также носили украшения, но мальчики и мужчины всегда были наряднее. Наиболее убогий и неряшливый вид имели замужние женщины, которые вместо укра-

шений чаще всего носили на голове тяжелые сетки, наполненные бататом.

Вскоре туман рассеялся, начал накрапывать дождь. Стало прохладнее. Стах был вне себя... от радости. Ибо нет более удобного для фотографа случая, как снимать на пленку джунгли сразу же после дождя. Яркое солнце приводит к слишком резким контрастам, и для кинокамеры наилучший эффект создают подернутые влагой листья.

Съемки в джунглях оказались отнюдь не простым делом. Влажный тропический лес был практически недоступен. Буйная растительность напоминала самые замысловатые картины художников-абстракционистов или кадры из фантастических фильмов. Невероятное множество мхов, лишайников, лиан, папоротников, симбиотических и паразитических растений, перемешанных с орхидеями,— все это позволяло проникнуть в зеленую чащобу не дальше чем на несколько шагов. Даже в местах, где растительный покров был менее буйным, удавалось пройти не больше пятидесяти метров. Запыхавшись, мы с трудом продирались среди гибких лиан, колючих кустов и лишайников. Проникнуть в эту чащобу мог разве что целый отряд людей с топорами.

Несмотря на столь буйную растительность, горные джунгли казались мертвыми. Лишь изредка затрепещет птица или бесшумно промелькнет бабочка. Все это сбилие зелени дышало безмолвием. Пожалуй, тропические джунгли не так грозны для человека, как ужасающе безучастны. Именно там, по дороге в Гуари, всего в нескольких шагах от автомобиля, я хорошо понял переживания Раймонда Мофрэ, автора книги «Приключения в Гвиане»²⁵. До этого мне просто не верилось, что в местах, где природа буквально кипит жизнью, можно умереть с голоду. Даже аборигены, несмотря на всю их приспособленность к местным условиям, ведут здесь очень тяжелую жизнь.

Деревня в горах

Лазаро притормозил, а вернее, сразу же увяз в пойме, куда нас завела эта, с позволения сказать, дорога. На небольшом холме толпились аборигены. Слышался

запах дыма. Очевидно, вблизи находилась деревня. Об этом свидетельствовал и ряд скученных огороженных участков на склоне по другую сторону от нашего автомобиля. Тщательно возведенные из бревен изгороди были украшены пучками зелени. Это — дело рук мужчин. В их обязанности входит расчищать и огораживать участки, вся остальная работа возлагается на женщин.

Мы решили заглянуть в деревню. Подъем по скользкому склону оказался сплошным кошмаром. Единственной пригодной обувью на такой тропе могли быть лишь спортивные туфли с шипами. Сопровождаемые группой безмолвных аборигенов, мы очутились наконец на маленькой площади, окруженной крохотными хижинами, крытыми похожими на черепицу листьями пандануса.

Перед нами открылось зрелище, напоминающее кадры из итальянского фильма «Собачий мир». На краю небольшой глинистой площадки мелкали стальные и бамбуковые ножи, обогранные кровью. Черные руки свежевали свиные туши. Рядом тлел большой костер, и дымились раскаленные камни. Вокруг костра суетились женщины, время от времени скрывавшиеся, словно призраки, в клубах дыма, смешанного с туманом. Они раскладывали на камнях куски свинины, завернутые в листья бананового и хлебного деревьев. Резко бросались в глаза большие животы ребятишек. Причина этого — однообразная пища, состоящая главным образом из овощей и фруктов. Две или три молодые женщины на сносях не участвовали в свежевании свиней и стояли в стороне. Ситцевые набедренные повязки — единственный их наряд — полоскались по ветру. На многих мужчинах сохранились лишь жалкие остатки европейских рубашек и шорт. Только у некоторых пожилых мужчин головы были украшены перьями белого попугая. В деревне, несомненно, готовились к какому-то празднику.

Нас подвели к вождю, сидящему на небольшом возвышении перед самой большой хижинкой. Он, внимательно присмотревшись к нам, встал и, утратив свой важный вид, крепко пожал нам руки. В то же время я почувствовал, что наша встреча пока что не протекает гладко.

Поражает богатство головных убранных жителей Нагорья

Мне не приходилось еще встречаться со столь незначительным вождем или старостой деревни. Гэс заговаривает с ним, а собравшиеся вокруг жители внимательно наблюдают за этой сценой. Вскоре все проясняется. Вождь оказывается отставным полицейским, с которым Гэс много лет назад провел не один патрульный обход. Теперь старик радушно улыбается — Гэс вспомнил имя ветерана. Да и наш чичероне кажется растроганным. Ах уж эти годы бурной молодости.

Пускаем в ход сигареты, некоторые из них сразу же попадают в отверстия, проколотые в ушных раковинах собравшихся. Про запас! Это хорошо. Я испытываю угрызения совести за всех европейцев, приучивших к табаку стольких людей. Правда, конкистадоры на островах Карибского моря научились «пить дым» у аборигенов, однако это никак не оправдывает того, что проникновению цивилизации белого человека неизменно

предшествуют алкоголь, табак и всякие скверные болезни.

С любопытством гляжу, как исхудалый старик принимается за мою сигарету. Сперва достает откуда-то бамбуковую гильзу длиной сантиметров в двадцать, называемую здесь *бао-бао*, с мундштуком, затем засовывает в нее сигарету, тщательно затыкая гильзу травой. После этого просит огонька. Ну конечно, откуда же у него могут быть спички? Даю ему прикурить. Старик приседает и сосредоточенно вдыхает дым.

Заглядываю в некоторые хижины. Пол в них глиняный, нет почти никакой обстановки. Отверстия в крышах отсутствуют, и тлеющие кое-где посреди хижин костры наполняют помещение едким дымом. Неимоверно душно, но зато тепло. Видимо, здесь это главное.

Тем временем с близлежащих холмов вереницей стекаются гости. Значит, в деревне состоится праздник, о чем уже проведали родичи. На груди у мужчин кроме обычных племенных украшений — кресты. Это христиане. Их жены покорно плетутся сзади, поправляя на ходу сплетенные из луба и закрепленные на лбу сетки.

Проходя по деревне, обнаруживаю, что у многих, особенно пожилых, женщин недостает пальцев на руках. Лазаро тут же поясняет:

— Когда умирает ребенок, мать в знак траура отрубает себе палец. Раньше отрезанные пальцы подвешивали на шее, но здешний лулуаи теперь, видно, этого не разрешает.

Лазаро рад возможности блеснуть своей эрудицией. Он продолжает:

— Жены здешних горцев в случае смерти мужа обязаны закопать его в землю, вымазать свое лицо илом и не выходить месяц или дольше из хижины, в зависимости от того, как долго продолжался брак и сколько родилось у нее детей. А потом жена откапывает труп мужа, моет его в реке, подвешивает некоторые кости у себя на груди, а череп носит с собою в плетеной сетке *билум*...

Угощаю Лазаро сигаретой и невольно представляю себе знакомых варшавских вдов в трауре, принятом у женщин племени гоилала.

— И так до конца жизни?

— Да нет, по истечении положенного срока брат мужа разрешает вдове снять с себя останки мужа или даже вновь выйти замуж.

Я пытаюсь выяснить, как поступает вдова, если у покойного мужа нет брата?

Вопрос, очевидно, оказался слишком сложным, так как Лазаро переменял тему разговора.

— Смотри-ка, маста, на лбу этого человека *пока*.

Ко лбу мужчины, на которого указал Лазаро, действительно был прикреплен круглый, как бы ажурный диск величиной с небольшую монету.

Мы направились в сторону хижины деревенского вождя. Как никак, нужно было позаботиться о ночлеге в горах. Так и не удалось мне попробовать поросят, испеченных на камнях. Настоящий прием должен был начаться лишь вечером. Старый вождь проводил нас до самого вездехода. Прощаясь с Гэсом, он проследился.

Мы спешили. Уезжая, я с разочарованием узнал, что готовящееся торжество не имело ничего общего с таинственными обрядами прародителей. Просто отставной вождь устраивал прощальный вечер в честь старшего сына, которому предстояло приобщиться к наукам в большой приморской деревне белых, там, где, согласно верованиям его праотцев, на деревьях рождались столь ценимые в горах раковины. В сердце гор уже проникла бацилла цивилизации.

И вот мы снова трясемся по узкой тропе. Перед нами теперь лишь крутые повороты. Становится все прохладнее. С состраданием гляжу на встречающихся время от времени франтов. Хотя в волосах у них красуются бабочки и цветы, тело аборигенов почти ничем не прикрыто. А термометр показывает не больше десяти градусов, хлещет дождь. Благословляю свою прозорливость, подсказавшую мне захватить теплую куртку. Дождь переходит в тропический ливень. Дрожим от холода, и это, подумать только, всего в нескольких градусах от экватора!

Через десять часов после отъезда из Тапини прибываем на место. Подходим к большому дому на вер-

шине холма, с которого открывается вид на несколько соседних долин.

Начальник поста в Гуари, Питер Бриггс, взглянув на нас, сразу же достает бутылку виски и велит развести огонь в камине. Проходит несколько минут, пока я и мои спутники перестаем лязгать зубами от холода. Мы оказались в подлинном царстве холостяков. Питеру и его помощнику предстоит пробыть на этом посту в окружении аборигенов около двух лет. Их служба не состоит, впрочем, лишь в пребывании на станции. Офицеры совершают бесчисленные патрульные обходы затерянных в горах деревушек. Только недавно они вернулись из такой «экскурсии», а завтра с целой вереницей носильщиков вновь отправляются в горы. Молодые, симпатичные австралийцы — очевидно, воспитанники специального училища по подготовке административных кадров для стран Тихого океана.

Тщетно ищу у них признаки какой-либо форменной одежды. Оказывается, единственным одеянием австралийского офицера в Папуа Новая Гвинея служат фланелевая рубашка, куртка и потрепанная шляпа в стиле Баден-Поуэла²⁶.

Засыпаем мгновенно, убаюканные барабанившим по крыше тропическим ливнем.

В тени горы Юли

Пронзительный звук трубы поднял меня с постели и погнал к окну. Поверка. Внизу, на площадке перед станцией стоят навывтяжку несколько чернокожих полицейских и две шеренги новогвинейцев в красных юбочках. На мачту взвивается австралийский флаг. Вопросительно смотрю на Питера.

— Аборигены в юбочках — заключенные. Всякое бывает в горах, случаются и убийства. Ведь все еще существуют луки и палицы, а древние обычаи живучи. Продолжаются распри, гибнут люди. Преступления должны наказываться. Тюрьмы в прямом смысле этого слова у нас нет, есть только трудовой лагерь.

После завтрака Питер показывает нам свое хозяйство. Утреннее солнце ярко озаряет окружающие вершины. Вдали возвышается массив Юли, священной

горы, овеянной множеством древних легенд. Тут и там видны лепящиеся к ее склонам хижины: кажется, до них рукой подать. Но для Бриггса это почти целый день форсированного марша.

С места, где мы стоим, отчетливо видна линия тропического леса. Вечером, озябшие, мы даже не заметили, что поднялись на значительную высоту и немалую часть пути проделали уже в горной степи. Луга поросли здесь травой *кунаи*, которая после ночного дождя сверкает мириадами капель. Воздух так чист, что теряешь ощущение расстояния.

Медленно идем в сторону аэродрома. Здесь, после того, как окончательно приведут в порядок грунт, не будет затруднений с посадкой самолетов, как в Тапини. День, когда сюда прилетит первый самолет, станет знаменательным для Бриггса и всего населения поста Гуари.

— О да, это будет настоящий праздник. Местные жители не дождутся, когда к ним прилетит *балус*.

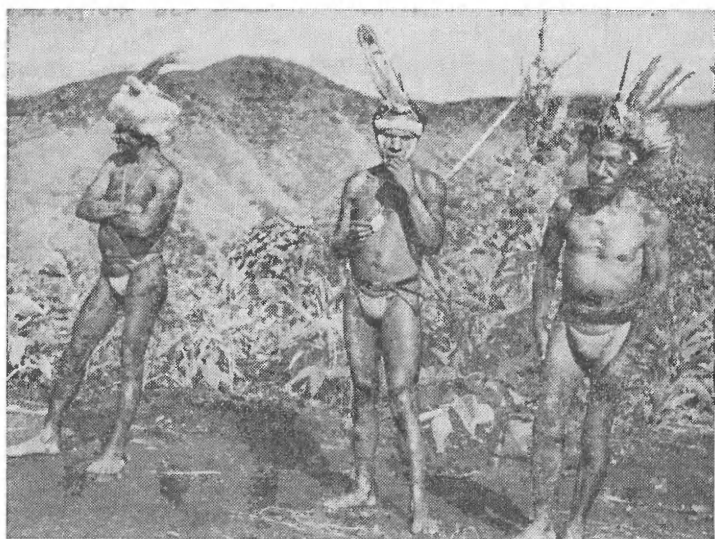
Будущее взлетное поле заполняют люди в красных юбочках под начальством полицейского. Приходится спешить. До полудня, когда обычно начинаются ливни, можно еще многое сделать. Питер ведет нас дальше.

Деревня, окружающая станцию, имела более аккуратный вид, чем та, в которой мы уже побывали. Опрятные хижины, многочисленные орудия труда, тщательно возделанные участки. Жители поселка, истые дети природы, решили, что наше прибытие — это достаточный повод для того, чтобы лишний раз похвастаться своими праздничными украшениями. Даже женщины и те решили себя показать в наилучшем виде. Мы застали врасплох двух подружек, красивших себе щеки и примерявших ожерелья из свиных клыков.

Вскоре мы очутились в окружении группы красочно разодетых мужчин. меховые полоски на голове, раковинные диски в носах и даже перья райских птиц, по которым я так вздыхал в последнее время.

— Райские птицы попадают здесь очень редко. Я сам уже с год не видел ни одной. — заверил меня Питер. — Это перья из старых запасов, порой просто выторгованные в других районах.

Женщины сторали от любопытства, но по традиции держались вдалеке от чужестранцев. Жители деревни

Жители Гуари

с нетерпением ждали момента, когда Питер появится на площадке, где обычно происходят торжества, и подаст знак к их началу. Наш хозяин, однако, благоразумно переждал полуденный ливень, угостил нас холостяцким ленчем, и лишь после этого началось веселье, а вернее, фестиваль местного фольклора.

Собралось все население деревни, однако главных действующих лиц оказалось немного. Их свежескроенные фиговые листки были меньше пляжных мини-бикини. Великолепнее всего были украшены головы, уши и носы. У большинства «актеров» висели на шее крестики, а тела их опоясывали кожаные военные ремни. Вид исключительно красочный, да и физически они показались мне привлекательнее жителей болот над Кикори. Более правильные черты лица, более стройные фигуры. Менее презентабельный вид имела толпа, окружавшая площадку, особенно пожилые, по местным понятиям, тридцатилетние женщины. Все их одеяние состояло из подвешенной спереди тряпки величиной не более носового платка. Значительно лучше выглядели моло-

дые девушки-подростки, одетые бóльшей частью в ситцевые юбки и украшенные ожерельями и всякого рода браслетами.

Фестиваль начался с выступлений местного чемпиона по стрельбе из лука. Его движения были на редкость точными. Мурашки побежали у меня по спине при мысли, что я мог бы случайно стать мишенью его стрел. Абориген стрелял по мишени, однако злой рок привнес сюда какую-то невзрачную птицу. Чемпион молниеносно выпустил стрелу, и птица камнем повалилась к его ногам. Это был верх мастерства. Собравшиеся заслуженно наградили стрелка дружными аплодисментами.

Затем его товарищи устроили некое подобие пионерского костра. Появились музыкальные инструменты, среди которых ведущую роль играл барабан, своей формой очень похожий на большие песочные часы. Под звуки дудки собравшиеся исполнили несколько песен. Присутствовавшие оживились, постепенно все втягивались в общее веселье. Через некоторое время в круг вступили даже самые молодые девушки, которые в ритмичном, но не очень замысловатом танце продемонстрировали свое чувство ритма и красоты. Веселье шло вовсю, охватывая все более широкий круг участников.

Я был уверен, что, будь здесь приготовлены запасы еды, происходящие выступления, несомненно, превратились бы в настоящее празднество, которое продолжалось бы добрых три дня.

Но это как раз не устраивало Питера. Через некоторое время он велел прервать веселье и наградил наиболее отличившихся артистов. Меня расстроило такое решение: уж очень любопытно было посмотреть, как далеко новогвинейцы способны зайти в своем веселье. Когда-то на Кубе я имел возможность наблюдать похожее по своему характеру торжество, которое через несколько часов перешло в настоящее исступление. Как сообщил Питер, его соседи также умеют недурно забавляться. Сейчас, однако, он не мог этого допустить — ему предстояло вскоре отправиться в патрульный обход. В утешение он преподнес нам по нескольку оригинальных стрел, предназначавшихся для различных целей.

Утром мы были уже в пуги. С большим сожалением покидал я Гуари — этот чудесный уголок в горах. Спустились мы по той же дороге, по которой поднимались раньше. Лазаро, соскучившийся по своим детям, оставшимся в Тапини, был рад возвращению домой. Он весело насвистывал и, ухарски поворачивая баранку, заставлял нас нещадно колотиться в донельзя тесной кабине «лендровеера». Через несколько километров кончилась горная степь, и мы снова окунулись во мрак насыщенных влагой лесов. Священная гора Юли исчезла у нас из виду, очевидно, навсегда.

Ловец бабочек

Мы снова едем через холодные влажные джунгли. Сплетенные в клубки древовидные папоротники, узколистный панданус, пышные орхидеи. На дороге возникли новые поперечные борозды, новые глубокие колеи. Но, несмотря на прошедший недавно ливень, воды не так уже много. Вдруг «лендровеер» резко остановился. От очередного мостика торчат одни балки. Ярко переливающийся на солнце горный водопад выглядит теперь вполне безобидно, но именно он-то и смысл поперечные бревна с мостика. К счастью, кто-то предусмотрительно оставил поблизости целую грудку бревен. Тщательно укладываем новый настил, но просветы все еще остаются. Лазаро, тревожась за жизнь заморских гостей, предлагает нам перейти по мостику пешком — неизвестно, выдержат ли теперь балки тяжесть автомобиля. Приходится сделать остановку, тем более что из радиатора валят клубы пара...

Идем пешком. Рядом с нами неуклюже ползет какой-то диковинный зверек. Для ежа слишком велик, но такой же колючий и мохнатый. Вытянутым рылом роет землю перед собой, неловко тащит задние ноги.

— Ехидна, — авторитетно заявляет Гэс.

Итак, все ясно. Ехидна-муравьед, яйцекладущее млекопитающее, настоящее ископаемое, дошедшее до нас из тьмы веков. Наш интерес к зверьку не ослабевает. Этот рохля внезапно останавливается и лапами откидывает большой чурбак с поваленного пня. Зверек, видимо, обладает недюжинной силой. С таким чурба-

ком с трудом справился бы мальчишка-подросток. Тут же из рыла ехидны-муравьеда выстреливает словно бич тонкий, чуть ли не метровой длины язык. Жирные зеленые муравьи начипают панически копошиться, но это их не спасает, и все до одного они исчезают в туннелеобразном рыле зверька, который тщательно слизывает муравьев липким языком. Говорят, что ехидна слепа как крот, но обладает великолепным обонянием. Вот ей попался большой камень. Взмах лапой, и на открывшемся месте копошатся новые полчища муравьев. И их постигает та же участь.

Подходим ближе. Зверек отнюдь не в восторге от нашего присутствия. Не удирает, но зарывается в землю, уходя буквально как горячая ложка в масло. Но и мы не сдаемся. Тогда ехидна перестает зарываться, с неожиданной ловкостью бросается в сторону и бесследно исчезает. Пытаемся отыскать ее в чаще, но джунгли отбрасывают нас на дорогу, словно пружинный матрац.

Лазаро сигналил, он уже одолел мостик. Вновь проезжаем несколько крутых склонов. Двигатель воем на высоких оборотах, колеса отчаянно буксуют в болотистых лужах. Не так-то легко водить машину в Тапани. Однако Лазаро становится все веселее. Он спешит к своим детям, для которых купил кое-какие лакомства в Гуари. Повороты наш шофер преодолевает технично, но, на мой взгляд, слишком рискованно. Неожиданно становится отчетливо слышен рокот работающего поблизости мотора. Галлюцинация? Нет. Через несколько минут мы встречаемся с другим, совершенно таким же, как наш, «лендрровером».

— Хэлло, Гэс!

— Хэлло, Джон!

Водители обеих машин обмениваются приветствиями.

Жму руку Джону Мартину, швейцарцу, уже много лет живущему в этих горах, человеку разнообразных профессий. В последнее время он выращивает овощи и еженедельно отправляет их самолетом в Порт-Морсби. Его пассажир — мосье Муанье... из Парижа. Пожалуй, еще никогда в этих горах не встречалось сразу столько коренных европейцев.

Мосье Муанье с истинно французской общительностью быстро разговорился и оказался великолепным

собеседником. Его страсть... ловля бабочек. Мы не постеснялись сознаться, что и в Кикори, и здесь уже не раз пытались ловить шапкой эти радужные существа, но, увы, безрезультатно. Француз словно только и ждал этих слов. Тут же он вручил нам два сачка, и мы направились вместе с ним охотиться за бабочками. Муанье оказался более ловким, чем мы, и поймал их столько, сколько нам с трудом удалось наловить вдвоем. Затем он умело разложил добычу, поместил бабочек между листками блокнота и сказал, что препарирует их позднее. Пользуясь случаем, я внимательно рассмотрел этих чудесных, обитающих в тропиках насекомых. За три четверти часа мы все вместе поймали восемь бабочек, причем только три экземпляра оказались двойниками.

Красивую черно-голубую бабочку с желто-черными каемками наш наставник назвал «улиссом». Затем шла бабочка «виктория» — бархатно-черного цвета в сочетании с парчово-зеленым. Была среди нашей добычи и золотисто-оранжевая бабочка «приам». Размах крыльев у всех составлял от десяти до пятнадцати сантиметров. Однако красивее всех мне показалась райская черно-зелено-желтая бабочка, нижние крылья которой были изогнуты словно усики виноградной лозы. Эту красавицу поймал сам мастер. Глядя на исчезающих между листками блокнота бабочек, я невольно пожалел, что эта красочная маленькая коллекция не принадлежит мне.

— Чудесное место, чудесное, — повторял француз. — Я здесь всего пять недель, а поймал уже больше семисот штук... Правда, на Амазонке было еще лучше.

Мосье Муанье очень интересно рассказывал. Когда он описывал пойманную им бабочку *Morpho menelaus* («порхающее солнце» или «божество живописцев»), я ярко представил себе это сверкающее металлической голубизной насекомое, проносящееся над водами крупнейшей реки Америки. Впечатление было такое, словно я сам ловил крупнейшую в мире бабочку *Thyrania agrippina*, размах крыльев которой достигает двадцати пяти сантиметров. В кульминационный момент рассказа мосье Муанье неожиданно спустил меня с поднебесной выси на грешную землю.

— Нет, это не мое хобби, я профессиональный по-

ставщик бабочек для коллекций. Вот моя визитная карточка, пожалуйста. Если кому-либо в Польше понадобятся мои услуги, прошу запомнить: Париж 16Е, рю Гюстав Зеде, 15. Муанье поставляет любое количество каких угодно бабочек, даже оптом.

По-видимому в целях рекламы, француз достал из своего саквояжа картонный конверт, из которого вытащил крупный, но не слишком яркий экземпляр насекомого, похожего на ночную бабочку.

— *Attacus atlas*,— восторженно ахнул Стах, который в свое время безумно увлекался бабочками.

— Да, это крупнейшая бабочка в мире, если измерить поверхность ее крыльев,— сказал Муанье.— Я поймал ее три дня назад.

С мосье Муанье можно было говорить о бабочках бесконечно. Он рассказывал о прозрачности их крыльев, об узорах на них, о повадках одной из самых редких бабочек *d'Urvillea*... Я всерьез начал подумывать, не остаться ли еще на неделю в Тапини, чтобы посвятить себя ловле этого радужного великолепия.

К счастью, Лазаро, который уже знал, с каким любопытством мы разглядываем все, что нас здесь окружает, громко закричал и позвал к себе. В руке он держал змею двухметровой длины, ярко-зеленую, как свежий лук, и толщиной приблизительно с женское запястье.

— Питон. Неядовитый,— пренебрежительно заявил услужливый водитель и... подал мне пресмыкающееся.

Если бы это произошло два месяца назад, я, наверное, с криком отшатнулся бы, но после экспедиции в Австралию перестал быть «брезгливым» и мог голыми руками брать ящериц, лягушек и прочую гадость. Подарок Лазаро не произвел на меня особенного впечатления. Впрочем, питон был как-то малоактивен, да и эта его пленительная зеленая мантия...

Наш новый знакомый кончил плохо. Переходил из рук в руки, а когда дошел до Мартина, ударился несколько раз своей зеленой головой о ближайшее дерево и теперь уже мертвый в качестве зоологического экспоната перекочевал в багажник нашего «лендровера».

На прощание мы крепко пожали друг другу руки. Две трети автомобильного парка Тапини разъехались в противоположных направлениях. Лазаро становился

все веселее, до свидания с его ребяташками оставалось меньше двух часов езды.

Наша следующая встреча уже не сопровождалась вселым обменом мнений. У очередного поворота навстречу нам вышла необычная процессия. Двое новогвинейцев несли в подвешенном на длинной жерди полотнище какого-то человека. Так больной на плечах своих соплеменников путешествовал в поисках помощи. Мы остановились, и тесный «лендровер» пополнился еще одним пассажиром, который не занял, правда, много места. Исхудалый, с кожей землистого цвета, он весил, пожалуй, не больше ребенка. Неподвижные глаза, никакой реакции. Напрасно Лазаро и Гэс обращались к нему на разных наречиях, больной сидел, склонившись головой к коленям, и до конца пути не произнес ни звука и не изменил своей позы.

Мы привезли его живым, но в день нашего отъезда из Тапины его уже не стало. Не помогла ни медицина, ни больничный уход. Быть может, деревенский шаман или какой-то недруг заклял его, а он — как и его предки — верил, что нет уже теперь ему спасения.

Последний завтрак в Тапины мы разделили с механиком, который ожидал покрышки к трактору. Он монтировал его по мере поступления отдельных частей уже более десяти дней. Покрышки ему должны были доставить на той же машине, на которой мы покидали владения мистера Гарди.

Самолет прилетел с незначительным для этих мест двухчасовым опозданием, и пилот настойчиво торопил пассажиров. Как обычно, на трассе снова собирался туман.

На этот раз в нашем распоряжении оказался двухмоторный самолет, так как нам предстоял более длительный перелет в Лаэ, один из крупнейших городов Новой Гвинеи, расположенный у залива Хьюон. По пути мы должны были совершить посадку в Булоло, небольшом поселке, получившем известность после открытия там в 20-х годах золотых россыпей. Тропическая «золотая лихорадка» началась в 1926 году, а десять лет спустя в Булоло работало уже около двух тысяч белых и свыше семи тысяч аборигенов — немалое коли-

чество по тем временам. Магия желтого металла совершила своего рода чудо, которое воплотилось в доставку по воздуху (конечно, по частям) многотонного экскаватора. В 1936 году на Новой Гвинее было добыто золота на сумму в два миллиона австралийских фунтов, а в последнее время его добыча не превышает шестую часть этой суммы.

Наше пребывание в Булоло продолжалось, к сожалению, ровно столько, сколько потребовалось, чтобы пополнить запас горючего. Мы успели лишь получить некоторые сведения об этой исторической местности. В 1968 году здесь проживало пятьсот белых и около двух с половиной тысяч аборигенов, в том числе всего четыреста женщин. И до сих пор в Булоло... так же жарко, как было прежде.

После взлета перед нами вновь развернулась панорама покрытых зеленью гор. Но теперь они приобрели совсем иной колорит. Пилот, указывая на запад, кратко сообщил:

— Страна кукукуку.

На рубеже 1936—1937 годов среди кукукуку прожила девять месяцев некая мисс Битрис Блэквуд, этнолог из Оксфордского университета. В то время ближайший полицейский пост находился на расстоянии шестичасового перехода от места ее работы. Случай этот весьма любопытен, так как через шестнадцать лет после пребывания здесь Битрис Блэквуд многочисленная и хорошо вооруженная экспедиция Пенсильванского университета сочла этот район небезопасным и прервала там свои исследования.

Мисс Битрис рассказывала, каким большим почетом у местных жителей пользовалась принадлежавшая ей... маленькая кошка.

Подобного зверька никто в деревне еще не видел, и грозные охотники все до одного полюбили его. Мисс Блэквуд неоднократно наблюдала, как они целыми часами играли с кошкой. Каждый из воинов был счастлив, когда зверек садился ему на плечо, мурлыкал и терся о его лицо.

Люди кукукуку низкого для жителей Нагорья роста (в среднем 160 сантиметров). Их быт интересен довольно необычными похоронными обрядами. Вот что пишет по этому поводу Люис Котлоу, писатель и кино-

документалист, который в 1958 г. побывал в одном из селений этого племени: «Я видел останки воина, бывшего когда-то мужем „присматривающей“ теперь за ним женщины. Это был человеческий скелет, обтянутый сморщенной кожей... Воин сидел в естественном положении с поджатыми ногами и слегка наклоненной вперед головой, словно созерцая что-то. Женщина смахнула муху с головы мумии, а затем поправила плетеную циновку за спиной покойного, как если бы ему было неудобно прислоняться прямо к бамбуковой стене... Она с большим достоинством проявляла свою любовь и уважение к умершему».

Котлоу рассказывает далее, что заснятая им на киноплёнку мумия принадлежала воину, убитому ударом палицы во время нападения жителей соседней деревни. Труп воина был перенесен затем в хижину, где долгое время обе его жены, друзья, близкие и дальние родственники оплакивали покойного. Несмотря на то, что среди кукукуку смерть считается самым обыденным явлением, собравшиеся, следуя обычаю, рвали волосы на голове, катались по земле и даже наносили себе кровавые раны. Обряд продолжался четыре дня, после чего тело воина поместили на помосте внутри хижины. Затем первая жена разожгла под ним огонь, и облако теплого дыма впервые окутало покойника...

Процесс обезвоживания тела длится обычно около месяца. После этого прокопченные останки воина готовы к последнему пути. В плетеной циновке жена уносит их на каменистое место упокоения в горах, где умерший, все так же в сидячем положении, как бы созерцает местность, где жил, любил, боролся и умер.

СРЕДИ РАЙСКИХ ПТИЦ И ДОЖДЕВЫХ ТУЧ

Лаэ — это уже далеко не тот город, в котором когда-то побывали герои книг Д. Конрада и Дж. Лондона. Не тот, что был знаком шкиперам шхун, курсирующих между островами Малаита и Гилберта, и не тот, который помнят мореплаватели с архипелага Бисмарка и островов Адмиралтейства. Не узнали бы его теперь и те золотоискатели, для которых порт Лаэ был воротами к золотоносному району Булоло. Ибо современный Лаэ — совершенно новый город, возникший рядом со старым, который во время военных действий между Японией и Соединенными Штатами Америки был полностью стерт с лица земли.

Лаэ насчитывает шестнадцать с половиной тысяч жителей, из них более трех тысяч — европейцы. В городе есть пивоваренный завод (разве могло быть иначе), заводы по производству фанеры и аккумуляторов, строительных материалов, а также великолепный ботанический сад с богатой коллекцией местных растений, способной вскружить голову любому ботанику. Порт в Лаэ, третий по величине на Территории, обслуживает соседние горные районы, а также прибрежные острова, в частности Соломоновы. В городе есть помещение для административных властей округа Моробе, покоряющее всех своим современным видом.

В Лаэ начинается большая дорога — основная транспортная артерия Новой Гвинеи, соединяющая залив Хьюон с Маунт-Хагеном и Лайагамом — местностями, находящимися в самом сердце Территории. Именно туда мы и держали путь.

Напутствуемые добрыми советами комиссара округа Моробе мистера Г. П. Сила, мы отправились вверх по течению реки Маркем. Какой чудесный и хорошо освоенный край! Мы двигались по довольно ровной дороге, обе стороны которой заросли бледно-желтой, как мазовецкая пшеница, травой. Навстречу нам время от времени попадались холмы, перемежавшиеся разноцветными пластами скал. И лишь в просветах между высокими, в человеческий рост, травами просматривались плантации кокосовых пальм, поля, засеянные земляным орехом, и кофейные деревья. Приблизительно час езды — и на горизонте с правой стороны засинела горная цепь Финистерре, расположенная на полуострове Хьюон. На противоположной от нее стороне находится пролив «Витязь», открытый Н. Н. Миклухо-Маклаем, который назвал его в честь своего корабля. Русский ученый был первым европейцем, проживавшим длительное время в Новой Гвинее.

По мере нашего продвижения менялся рельеф местности. В этой плодородной зоне живет около двадцати тысяч аборигенов. Построены школы, в которых насчитывается более двух тысяч учащихся. Кооперативы, объединяющие сотни членов и располагающие десятком-другим тракторов. Есть и фермы племенного скота. Ими руководят специалисты. По мнению последних, скотоводство — будущее этой части Острова.

Чиновники местной администрации с гордостью говорили о новых тракторах, сельскохозяйственных машинах, кооперативах. Конечно, это были не европейские масштабы, но для страны, вырывающейся из эпохи каменного века, — бесспорное достижение. И я вспомнил, как гордились польские земледельцы своими успехами, восстанавливая хозяйство в период послевоенной разрухи. Радовались тогда каждому чудом пущенному в ход трактору, каждой заново освоенной пустоши.

Сначала мы ехали быстро, но вскоре показались горы — начались крутые повороты и резкие подъемы. Машина пошла медленнее. Главная транспортная артерия острова не была еще приспособлена для современного движения. Чтобы она могла отвечать своему назначению, по трассе должны ездить и тяжело нагруженные

автомашины. Товары сюда будут прибывать не только воздушным транспортом.

Будущее острова — сельское хозяйство, промышленность и его социальный прогресс — зависит прежде всего от развития колесного транспорта.

Дороги, проложенные по Территории, имеют еще и другое, нигде не встречающееся значение. На них действует своего рода табу, наложенное европейцами. Так, на дорогах и аэродромах запрещается сводить племенные счёты. Поэтому местные жители смело путешествуют по более длинному, но зато и более безопасному пути.

Итак, по дороге идут аборигены. При виде автомобиля они отходят на обочину, причем не было случая, чтобы кто-либо не поприветствовал пассажиров рокочущих машин. Младшее поколение островитян уже привыкло к их присутствию, очень редко кто-нибудь из старых местных жителей с опаской поглядывает на автомобиль и ждет, что тот вот-вот подыметя ввысь. Ведь многие аборигены сначала познакомились с самолетом и лишь потом с автомашиной.

Проезжаем мимо близко расположенных друг к другу селений. Они очень чистенькие, аккуратно подметенные вениками из листьев. Время от времени останавливаемся в придорожных селениях. Встречают нас радушно, и тут же преподносят кокосы, ананасы и разные фрукты. Мы, в свою очередь, угощаем аборигенов сигаретами или табаком. С интересом пробую незнакомые мне кушанья, приготовленные прямо на костре: не то мамалыга, не то разбавленный водой гипс. У островитян нет денег, чтобы покупать продукты; они употребляют в пищу только то, что дает им окружающая природа. Даже деревенские собаки и те жадно набрасываются на мякоть кокосового ореха. Куда им до их цивилизованных сородичей. Ведь те получают со специальных заводов банки с консервами для собак.

На Новой Гвинее проживает семьсот племен. Местное население представляет собою пеструю их смесь. Здесь можно встретить лица, похожие и на ассирийские и с негроидными чертами, с крупными носами и всевозможными оттенками кожи. Папуасская меланезийская раса поражает своим разнообразием. И так обстоит дело повсюду на Острове. Нужно быть опытнейшим

антропологом, чтобы хотя бы приблизительно разобраться в племенах и расах.

Чем дальше отъезжаем от Лаэ, тем меньше попадается навстречу людей в ситце, рубашках и шортах. Пейзаж становится все примитивнее. Кокосовые пальмы исчезают. Видна лишь переплетенная в клубки зелень на склонах гор. Наш «лендровер» все время замедляет ход.

Крутые повороты. Двигатель воеет на самых высоких оборотах. Как тут проехать грузенному грузовику, если «лендровер» с трудом взбирается в гору? С каждым новым изгибом дороги все больше открывается панорама реки Маркем. Точно с медленно поднимающегося ввысь воздушного шара мелькает внизу чересполосица полей и плантаций. По берегам реки заметно присутствие людей. Котловинообразную долину со всех сторон прижимают горы. Перед нами высится обрывистая стена, перерезанная ниткой дороги. Натужно ревет мотор. Добираемся наконец до перевала Кассам-Пасс. Из радиатора валит пар. Выходим из автомобиля, чтобы немного размять ноги.

На обочине траурная табличка. Читаю: *Руперт Р. Хэвиленд, патрульный офицер*. Значит, одна миля дороги к перевалу унесла человеческую жизнь. Долго сооружали этот участок дороги вместе с находящимся на нем мостом.

Однажды, когда работы уже подходили к концу, с горы обрушились огромные глыбы илистой земли: пришлось перенести трассу в другое место. Горную дорогу строили без помощи тяжелых машин и бульдозеров, главным образом лопатами. Крупные обломки скальной породы удаляли, как говорили аборигены, «сваривая камни». Днем под валунами жгли большие костры, а ночью холод сковывал породу. Возникали трещины, и валуны дробились на части.

Так много лет строили дорогу будущего на Новой Гвинее, причем отдельными участками. Только к концу 1965 года она была открыта для движения на всем ее протяжении от Лаэ до Маунт-Хагена, да и то с некоторыми ограничениями для движения грузового транспорта.

Правительство Австралийского Союза не очень-то щедро финансировало свою, столь отдаленную, от Кан-

берры, территорию. Дороги строились медленно. В те времена не хватало не только взрывчатых веществ, но даже обыкновенных лопат. Однако работы велись непрерывно. Тысячи местных жителей за мизерную плату, которую они получали с опозданием, заостренными палками рыли склоны гор, по которым никогда не ступала нога человека... Более миллиона долларов стоило строительство этой в одну милю дороги к перевалу. Однако теперь глубинные горные районы Острова получили через Лаэ связь с внешним миром.

Вода в радиаторе к тому времени остыла. Можно было двигаться дальше. Теперь мы в горах. Бросаем последний взгляд на плодородную долину реки Маркем.. Круто поднявшись на перевал Кассам-Пасс, машина оказалась на высоте полутора километров над уровнем моря.

Кофе и девушки

«Лендровер» сильно заносит на повороте. Впереди большой участок горной дороги. Деревья местами застилают извилистую трассу. Тут нет влажных лесов, как в окрестностях Гуари, видны лишь голые склоны гор, покрытые малахитовой плесенью. Холодно. Клубящиеся на вершинах тучи ничем не напоминают характерных кучевых облаков субтропиков. Если бы я попал сюда ночью, выброшенный с парашютом, то не поверил бы, что очутился в тропической Меланезии. Пейзаж напоминает немного Шотландию, быть может, Закарпатье.

По этому пути шли, видимо, в Каинанту те австралийские чиновники, которые не успели эвакуироваться из Лаэ перед взятием города японцами. Пронесется одна за другой мили бесплодной земли. Но вот видны уже огороженные участки и группы бредущих женщин с сетками на голове,— очевидно, мы подъезжаем к какой-то деревне.

Стах приводит в порядок свою кинокамеру. Предстоит нанести первый визит жителям этого района. Съезжаем с дороги к маленькой площадке-гумну, окруженной несколькими хижинами. Впервые на Острове вижу двух общипанных куриц, с громким кудахтаньем

выскакивающих из-под колес автомобиля. Издали замечая обнаженного до пояса лулуаи, который исчезает в своей хижине, чтобы через мгновение появиться, но уже в рубашке. Он немного удивлен отсутствием каких-либо официальных церемоний. Необычные в этих краях киносъёмки Стаха возбуждают всеобщее любопытство. И вот уже вокруг нас собирается большая толпа жителей селения.

Только две пожилые женщины не прерывают своей работы. Подхожу к ним. Обе почти слепы; искривленными, возможно от ревматизма, пальцами они перебирают разложенные на циновке кофейные зерна. Одна из женщин оставляет на мгновение работу и скрипучим голосом повторяет, как мне кажется, одно и то же слово. Из зарослей на зов выбегает маленький черный поросенок и мчится к зовущей его старушке. От водителя узнаю, что местным свиньям дают, как и детям, собственные имена.

Сельский староста, дезориентированный, видимо, действиями диковинных гостей, сообщает нам кое-какие данные о деревне. Оказывается, что возделывание кофе дает основную товарную продукцию ее жителям, которые занимаются также еще и промывкой россыпного золота в горном ручье.

Решаем остаться и, если понадобится, переночевать здесь. Но сперва нужно заснять на киноплёнку сбор кофе.

Лулуаи, продолжая недоумевать, что же, собственно, эти европейцы ищут на столь прозаичной плантации, все-таки выделяет нам двух рослых подростков в качестве проводников. От австралийцев в Лаэ мы слышали, что здесь в горах возделывают только аравийский кофе «арабика», который составляет девяносто процентов всех культур, выращиваемых на Территории. Другие сорта кофе в горах не прививаются. После того как в глубь гор были проложены дороги, производство кофе на Территории резко поднялось с нескольких десятков до десяти тысяч тонн и более. Годовой экспорт кофе из Папуа Новой Гвинеи достигает уже девяти миллионов долларов и занимает второе место после копры.

Однако я тут же забыл о цифрах. Мое внимание привлекли работницы плантации — исключительно молодые девушки, совершенно обнаженные, если не считать

сакраментальной сетки на лбу, нескольких бисерных (европейских) браслетов и маленьких травяных передничков, заменяющих фиговый листок. У этих весьма миловидных даже на европейский вкус девушек были длинные, стройные ноги и красивая грудь. Стах фотографировал их, не скупясь на крупные планы. Особый интерес он проявлял к стройной Таите. По его словам, исключительно потому, что она одна собирала кофейные зерна в плетеную корзину, тогда как все остальные клали их в обыкновенные тазики. Следует признать, что эти эмалированные «продукты цивилизации» немало портили живописную картину, которую представляли занятые работой женщины.

В деревню мы возвращались все вместе, успев уже подружиться, и осмелевшие девушки охотно позировали теперь перед кинокамерой.

В тот день мы так и не отправились на промывку золота, а до самого вечера наблюдали за незатейливой жизнью деревни. Женщины были заняты главным образом приготовлением пищи; пожилые мужчины жевали бетель, смешанный с известью, и выстругивали какие-то палки, назначение которых нам было непонятно. Вскоре появилась молодежь, возвращавшаяся с золотосносного ручья. Добыча оказалась весьма мизерной: по десятку-другому крупинок золота в маленьких аптекарских пузырьках.

Наше участие в общественной жизни деревни ограничивалось дружественными жестами, несколькими словами на языке «пиджин» и сигаретами, которыми мы угощали местных жителей. Взамен нас потчевали испеченными в золе клубнями батата *кау кау*, а также кашцей какого-то неопределенного вкуса. Впервые в жизни я попробовал бетель с известью, преподнесенный мне в разукрашенной тыкве вождя. Должен признаться, что он не доставил мне никакого удовольствия, скорее наоборот.

Нам показали затем несколько великолепных черно-белых плюмажей из перьев попугая. Мы слушали также концерт, исполненный на бамбуковых дудках. Диву даешься, что из этого примитивного инструмента можно извлечь столь нежные звуки.

Когда наступил вечер, лулуаи сперва произнес речь, а затем позвал двух девушек и дважды посылал их

куда-то. По его жестам мы догадались, что он приказал им прибрать две хижины. Когда наступило время идти спать, вождь лично проводил нас в хижины и на прощание предложил, как мы поняли, чего-нибудь закусить (я разобрал повторявшиеся в разных интонациях слова «каи кай»).

Действительно, через несколько минут в хижину явилась девушка и поставила передо мною деревянную миску с горячим картофелем. Мы начали счищать с него кожуру...

На следующий день сын вождя проводил нас к золотоносному ручью. Прогулка оказалась не из легких. Глинистая почва, множество подъемов и внезапных спусков, увы, на собственных брюках — все это доставило нам немало неприятностей. Наш проводник глядел на нас, увальней, слегка посмеиваясь; сам он отлично удерживался на босых ногах. Наконец на дне котловины показались люди. Мы прибыли на место.

Золотой прииск оказался чрезвычайно примитивным. Длинная бамбуковая труба, подводящая воду, и устройство, напоминающее гидромонитор для размыва вязкого грунта. Островитяне, по колено испачканные илом, работали не щадя сил. Вода отваливала пласты липкой породы, перемешанной с мелким гравием. Затем в ход шли лотки и сита — элементарные орудия золотоискателей. Трудолюбивые руки месили землю, удаляли камни. Курчавые головы склонялись над тонким слоем ила, остававшимся на дне сит. Острые глаза долго и тщетно выискивали тускло блестящие крупинки. Мы терпеливо ждали с кинокамерой наготове не столько, пожалуй, появления первой крупинки золота, сколько реакции счастливец. Но диво это свершилось без какого-либо видимого энтузиазма. Золотая крупинка просто очутилась в пузырьке, а ее владелец склонился над следующим ситом. Весь интерес у нас сразу пропал. Мы поспешили выкарабкаться из глубокой котловины и направились обратно в деревню.

На полпути нас настиг ливень. Укрыться было негде, и оставалось лишь со стоическим спокойствием продолжать путь. Спешить было незачем. Через минуту мы все промокли до нитки. Я чувствовал себя так, как будто

оказался в бассейне фонтана перед Дворцом культуры в Варшаве.

В деревне мы вновь поели кашицы. Единственное ее достоинство состояло в том, что она была горячей. Не оставалось теперь ничего другого, как снять мокрое белье и укрыться под пальмой.

С блаженством надеваю свитер на голое тело. Оказалось, что в деревне нет ни радио, ни света, ни кафе (хотя есть кофе!). Даже в очко и то нельзя поиграть: иметь карты на Острове запрещено. Есть лишь мокрая от дождя площадка-гумно, на которой валяются черные, косматые свиньи. Безрадостна жизнь в Нагорье!

К нам пробирается шофер, прикрывая голову большим банановым листом. Он спрашивает, не собираемся ли мы ехать, но по всему видно, что сам водитель не имеет ни малейшего желания трогаться в путь. Мы, конечно, остаемся. Ведь сейчас не может быть и речи о съемках. Стоит ли жертвовать киноплёнкой, чтобы сквозь ветровое стекло «лендровера» заснять струи дождя или густые тучи?

Делаю кое-какие заметки, а Стах побрякивает своими жестяными коробками. Сырость вызывает у него новый приступ страха за киноплёнку. Отдыхаем, что далеко не лишне при нашем довольно интенсивном образе жизни на Острове. Хотя ход времени здесь когда-то и остановился, однако постоянно приходится помнить о нем: Гэс, самолеты, какие-то люди, с которыми необходимо встретиться... словом, одолевают заботы, которых нет у живущих в соседних хижинах людей. Но несчастны ли они? Думаю, нет. С этой мыслью я и засыпаю.

Вечером меня будит наш новый друг Кум, который принес бататы. Вижу, как Таите с подобной же пищей исчезает в хижине, где дремлет Стах.

Утро среди малахитовых гор выдалось на редкость погожим. Оставив все что можно в дар нашим друзьям, мы снова отправились в путь. «Лендровер» покатил по горной дороге на запад. Вскоре мы выехали из округа Моробе и попали в Восточное Нагорье. Следующая остановка предстоит нам в Қайнанту.

Каинанту — административный центр подокруга, одного из самых населенных во всем этом районе, в котором проживает около четырех тысяч жителей. Это, впрочем, стало заметно уже на дороге. Все чаще попадались нам маленькие группы путников и характерные округлые хижины на склонах.

Погода ненамного улучшилась со вчерашнего дня. Лил дождь, было холодно. Полуголые местные жители пытались согреться, охватывая шею скрещенными руками. Такой способ казался мне малоэффективным, и я довольствовался поэтому теплой курткой.

Когда наш автомобиль наконец остановился, мы с большим удовлетворением обнаружили, что стоим перед самым настоящим отелем. Вскоре оказалось, что отель «Каинанту» — это не просто громкое название, а вполне почтенное заведение со всеми присущими ему атрибутами. Нашу искреннюю радость омрачил лишь подозрительный треск одной из кинокамер, послышавшийся при выгрузке ее из автомобиля. Ну что ж, какую-то жертву здешним горам и сырости пришлось все-таки принести.

Шофер знал, куда нас доставить. В этот час, по окончании рабочего дня, все, кто только мог, будь то житель города или его окрестностей, сидели в ресторане отеля или у стойки бара. Правительственные чиновники, купцы, местные плантаторы, специалисты по горному делу, учителя. Одним словом, по меньшей мере половина всей европейской колонии. И не удивительно. Новая Гвинея вследствие неравноправного положения там женщин всегда была и остается по сей день Островом мужчин, а для европейцев — Островом одиноких мужчин. Где же еще несчастный одиночка может встретиться с другом, если не в баре? Как можно завязать беседу без рюмки или сигареты? Не следует забывать также, что Остров находится под контролем австралийцев, которые без пива, что называется, жить не могут. (Прошу читателей не делать здесь поспешных выводов о дурных наклонностях автора, который довольно часто, но исключительно истины ради, начинает свое повествование с кружки пива, когда ему приходится вводить на страницы книги новое лицо.)

В Каинанту также не обошлось без этого сакраментального напитка. Тем более что в баре находились начальник подокруга Род Доновэн, глава местной больницы, и католический священник, француз из ближайшей миссии. Наша национальная принадлежность произвела некоторое впечатление, хотя в баре было немало австралийцев самого различного происхождения. Один из них, выходец из Голландии, даже сражался бок о бок с поляками под Тобруком²⁷.

Тем для разговора (да и сопровождавших его кружек пива) было поэтому не счесть. Две из них нас особенно заинтересовали. Первая касалась временного прекращения движения по направлению к Маунт-Хагену. Это было подлинным несчастьем, поскольку нас связывали жесткие сроки; уже заказаны лодки и билеты на самолеты. Другое известие нас обрадовало. Французский священник со всей уверенностью утверждал, что в приходах, расположенных между Мадангом и Маунт-Хагеном, работает несколько польских миссионеров. Новый шанс встретить соотечественников! Вопрос о дороге должен был окончательно выясниться на следующий день, а миссионер обещал сообщить нам утром более подробные сведения о польских священниках.

Направляясь в отведенную нам комнату, мы уносили с собою кроме бесчисленного количества кружек выпитого пива приглашение осмотреть местную больницу.

Несколько ночных часов мы посвятили ремонту кинокамеры, которую привели наконец в рабочее состояние, хотя единственным инструментом, имевшимся в нашем распоряжении, был... простой перочинный ножик.

Позвонив утром в управление подокруга, мы не узнали ничего нового в отношении дороги и поэтому решили воспользоваться приглашением врача.

Больница — не то место, которое посещаешь с особым удовольствием. Здесь, в Каинанту, она также была сосредоточием всяких недугов. Лишай, нарывы, сломанные конечности. Встречали нас санитарки — местные жительницы и лишь несколько человек европейского персонала. Мы следовали за врачом без особого воодушевления, подмечая в то же время удивительно хорошее и современное оборудование лечебных кабинетов.

В одной небольшой палате доктор остановился у койки довольно привлекательной молодой женщины:

— Она из племени форé!
Это ничего не говорило нам.

— У нее уже наблюдались первые симптомы *куру*.
Мы продолжали слушать молча.

Видя, что никто не реагирует на его слова, врач явно обрадовался, поняв, что напал на профанов. Он начал объяснять:

— Куру, или «смеющаяся смерть»,— самая загадочная болезнь, с которой столкнулась современная медицина. Она встречается только на Новой Гвинее, а точнее говоря, исключительно в ближайшем к Окапа районе. Болезнь эта поражает почти исключительно женщин из племени форе и очень редко других аборигенов, причем только в случаях связей, возникших в результате кровосмесительных браков. В настоящее время куру уносит около ста пятидесяти жизней в год.

— Но у этой пациентки вполне здоровый, даже цветущий вид!

— Только на первый взгляд,— пояснил врач.— Как я уже сказал, у нее были первые симптомы страшной болезни. Куру на языке племени форе означает «дрожание, потряхивание». Первые симптомы— это именно дрожание мышц. Затем больная слабеет настолько, что уже не в состоянии проглотить даже слюну, и умирает. Медицина здесь бессильна! По-видимому, это наследственная болезнь, ее переносчики вирусы, но мы понятия не имеем, какие. Откровенно говоря, таких больных следовало бы не класть в больницу, а дать им спокойно умереть в кругу близких. С момента появления первых симптомов больная умирает примерно через год.

— А почему куру называют «смеющейся смертью»?

— У людей, пораженных этой болезнью, часто возникают пароксизмы необузданного хохота; они жаждут танцевать и шутить. Большинство из них чувствуют себя некоторое время великолепно. И тем не менее, около половины женщин и каждый десятый мужчина или юноша из племени форе умирают от куру. Эта болезнь, сфера распространения которой столь ограничена, несомненно связана с обычаями данного племени. Принадлежащие к нему люди еще сравнительно недавно слыли колдунами, совершавшими ритуальные убийства. Кстати, в 1955 году доктор Гайдуска, чех по происхождению, производил здесь исследования этой болезни.

Доктор закончил свой рассказ, а в моей голове начали роиться сцены, как в кошмарных снах. Уходя, я еще раз взглянул на молодую, но уже приговоренную к смерти девушку, которой предстоит поплатиться жизнью за грехи своих предков.

В отеле нас ожидало известие от Рода: не может быть и речи о том, чтобы продолжать путешествие на автомобиле. То ли подмыло какой-то мост, то ли обвалилась где-то земля. «Но не волнуйтесь,— телефонировал он,— существуют ведь еще самолеты. Как раз сегодня днем летит „Дакота“ прямо в Хаген...»

Другого выхода у нас не было. Несколько дней задержки в Каинанту могли обойтись очень дорого и значительно осложнили бы намеченный спуск по реке Сепик или даже лишили бы нас возможности побывать на архипелаге Бисмарка. И хотя нас вовсе не устраивали стремительные «прыжки» на самолете, в этих краях он один сулил спасение.

— Хорошо, Род. Летим, бронируй места.

В миссию мы не дозвонились. Вопрос о польских миссионерах остался неясным. Мы рассчитывали, однако, в Маунт-Хагене на Гэса. Он-то, безусловно, разузнает обо всем, что нас интересует.

По маршруту Колумбов

На аэродроме собралась группа миловидных, весело хихикающих местных девушек, их груди были образцово выточены матерью-природой. Правильные черты лица напоминали мне обреченную пациентку в местной больнице. Тягостно было думать, что, возможно, и этих цветущих девушек настигнет «смеющаяся смерть».

Короткий старт — и мы в воздухе. Курс на северо-запад. Видимость не из лучших. Порывы ветра нещадно кидают машину. Насколько доставал взор, повсюду по склонам гор клубились бурые тучи. С четверть часа мы летели в тумане над долинами и перевалами, пока не выглянуло солнышко. Внизу заблестела лента реки и несколько крыш.

— Бенабена и река Асоро,— любезно сообщил пилот.

В Бенабена было положено начало одному из величайших географических открытий нашего столетия. Отсюда отправилась экспедиция Майкла Лики, которая в начале 30-х годов обнаружила совершенно неизвестный мир людей. Сотни тысяч местных жителей не слышали здесь о самом существовании белого человека, не знали, что есть моря, лодки, металл, не говоря уже о собаках, коровах или, скажем, самых обыкновенных штанах.

В мае 1933 г. пришло поразившее мир известие. Поседевшие в биржевых схватках банкиры не могли поверить, что существуют еще места, где деньги не находят применения. Управляющие заводами Круппа, выпускавшими пушки, с интересом разглядывали украшенные узорами стрелы, которых было достаточно, чтобы лишить человека жизни, а в воображении миссионеров возникали целые легионы язычников, нетерпеливо ожидающих приобщения к истинной вере.

А тем временем люди, словно пребывающие еще в каменном веке, статные, счастливые, улыбчивые, гордые и уверенные в себе, по-дружески приветствовали чужестранных пришельцев, живо интересуясь всем, что было для них совершенно новым.

Майкла Лики современники не случайно окрестили Колумбом. Подобно последнему, он отправился искать золото и пряности в неизведанных краях. Колумб открыл полмира, а Майкл — одну из самых красивых его долин с четвертьмиллионным населением, одаренным незаурядными способностями. Каким удачливым надо быть, чтобы в эпоху, когда весь земной шар (за исключением, пожалуй, лишь немногих троп у реки Амазонки) был уже исхожен вдоль и поперек, найти этот затерянный мир, живой реликт каменного века.

Честь этого изумительного открытия века австралийский золотоискатель разделил со своим братом Даном, правительственным чиновником Джимом Тэйлором и небольшим отрядом местных полицейских и носильщиков — жителей окрестностей Бенабена. Совершая свои открытия, эти люди в то же время сами становились их объектами. Каждая деталь их одежды, даже шерсть собаки, которая сопровождала Майкла, — все это внимательно исследовалось аборигенами. Они подглядывали даже за физиологическими отправлениями участников

экспедиции. Как только кто-либо из белых удалялся в сторонку, все, что он там оставлял, тщательно сгребалось на лист и подвергалось дальнейшему исследованию. По мере продолжения похода путешественники научились понимать приветственные оклики, которыми их встречали. Так исподволь возник первый словарь для повседневного пользования. Местные жители называли хижину — *нгар*, бананы — *тан*, луну — *эмил*, женщину — *ия*, ребенка — *армп* и т. д.

Лики и его спутники, отлично знакомые с Новой Гвинеей, неоднократно поражались тем не менее всему, что они увидели в районе Чимбу-Вагхи. Они неожиданно застали здесь сравнительно высокоразвитое земледелие, даже с дренажем (!) полей, правда примитивным, и восхищались физической красотой мужчин и женщин, которые представляли резкий контраст некрасивым жителям низин или таким племенам, как кукукуку. Кроме того, их изумляли не встречавшиеся нигде в других местах украшения, выполненные с большим вкусом, как в отношении формы, так и расцветки. Перья редчайших райских птиц, живых экземпляров которых ни один европеец еще не видел, попадались здесь в таком изобилии, как ни в одном другом районе Острова. Богатейшие украшения головы, носа и ушей, грим, перья казуаров, птичьи крылья — все это представляло собой в большинстве случаев маленькие шедевры и изобиловало тысячами разновидностей, в зависимости от племени, которое открыватели встречали на своем пути. Как оказалось впоследствии, в долине Вагхи обитало около ста пятидесяти разных этнических групп. Особенно большое впечатление на новогвинейских Колумбов произвели пресловутые каменные топоры, вырабатываемые, кстати, до сих пор.

Я глядел с самолета на чересполосицу полей, которые, пожалуй, мало чем изменились со времен Лики.

Именно по этому пути его экспедиция пробиралась все глубже и глубже в девственные районы, не встречая ни малейших признаков враждебности со стороны аборигенов, хотя в те времена в долине было далеко не спокойно. Путешественники вскоре убедились, что межплеменные войны были нередки в этих горных районах. Однако в волшебной долине Вагхи никогда не было ни одного проявления каннибализма.

Целый месяц странствовали три австралийца со своей группой в сто человек по этим неизведанным краям. А затем, как намечалось планом экспедиции, оборудовали в центральной части долины импровизированный аэродром для самолета, который должен был доставить им припасы для дальнейших странствий. Прибытие этой машины стало памятным событием для жителей долины.

— Когда мы услышали,— рассказывали аборигены,— странный шум, то начали гадать, что это: грохот водопада, землетрясение или же крик большого казуара. Потом на небе появился огромный блестящий *балус*. Мы были уверены, что это смерть прилетела к нам, страшно перепугались, и все пали ниц. Было ясно, что тот, кто взглянет на возвращающихся из страны духов, вскоре умрет сам. Но любопытство взяло верх. Мы стали наблюдать. Из чрева птицы вышел белый великан. Сегодня мы знаем, что это был «маста, что принадлежать балус», в белом комбинезоне и больших зеленых очках...

Для нас, поляков, небезынтересен тот факт, что этого авиатора-Колумба, первого пилота, приземлившегося в затерянном мире долины Вагхи, звали... Ян Грабовский²⁸.

Наш самолет вновь начало немилосердно трясти. Я вопросительно взглянул на пилота.

— Вот так здесь приходится летать,— сказал он с улыбкой. Неожиданные завихрения воздуха. Немало хороших пилотов погибает у нас каждый год... Мы уже подлетаем к месту назначения, только что прошли над Нондуглом. Но поглядите вот туда...

Я посмотрел. Под нами у подножия высокого горного гребня простиралась бетонная полога, на которую как раз садился самолет «Дакота».

— Именно здесь, в долине Вагхи, впервые приземлился самолет. Вы слышали, наверное, о Майкле Лики и его экспедиции...

— Да, слышал.

Итак, здесь посадил свой самолет Грабовский. Странными свойствами обладает польская кровь. Ян Нагурский, будучи на русской службе, стал пионером полетов в Арктике над Новой Землей, а Ян Грабовский первым приземлился на своем самолете в том районе

Новой Гвинее, который застыл на уровне каменного века.

С нетерпением ждал я конца этого полета, который сам по себе казался малоинтересным. Уж очень хотелось поскорее взглянуть на людей, которые еще недавно «не существовали» для мира и для которых не существовал мир. А ведь в этих горах шла борьба. Люди боролись за свое существование. У якобы первобытных жителей Вагхи были свои заботы и желания: еще одна раковина, еще одна жена! Не обходилось и без честолюбивых притязаний вождей, жажды отвоевать участок густых джунглей. Далеко ли ушли люди XX века от всего этого? Жители долины Вагхи вели полнокровную жизнь в стороне от быстротечного времени белых. У них были свои легенды, свои устные предания, своя история. Что же происходило там до 1933 года?

К несчастью, почти повсюду в мире авангардами исследователей выступали, обычно, авантюристы, гнавшиеся исключительно за наживой. Как жаль, что это не были социологи или этнографы! Быть может, сегодня мы знали бы больше о первобытных народностях? И может быть, последние не перенесли бы из-за нас стольких страданий?

У нас, европейцев, есть своя зафиксированная история, свои археологические раскопки, свои памятники старины и монументы. У аборигенов долины Вагхи ничего этого нет. Прожорливые джунгли и сырость уничтожают здесь все. Остаются лишь магические обряды, туманные свидетельства прошлого. Память местных жителей не простирается дальше, чем на два, три поколения назад. Всего этого никогда не наверстать, даже если юноша из племени кукукуку окончит открытый недавно в Порт-Морсби университет и пожелает посвятить себя изучению своего племени.

Вар-ша-ва

Самолет наклоняется на одно крыло. Вижу скопление крыш, серые полосы улиц. Колеса машины вздрагивают на неровностях бетонного аэродрома. Мотор замолкает. Я разочарован. Деревянное здание аэровокзала, яркие рекламы австралийских бюро путешествий...

Вот тебе раз! Чудесная панорама гор, и голыш с зонтиком — я ожидал большего. Да еще эти современные такси перед зданием. На аэродроме тишина, несколько дремлющих машин, пустые конторы агентств воздушных сообщений. Стах куда-то отлучился. Ждем багаж.

Мое внимание привлекает мальчик лет, пожалуй, двенадцати. «Шныряет по аэровокзалу, очевидно, в поисках какого-нибудь заработка», — подумал я. Вид у мальчика потешный. На правой ноге — ботинок, огромный, словно предназначенный для великана, левая — босая. Мальчуган с тележкой, которую он тащит за собой, нерешительно вертится около меня и вдруг, набравшись храбрости, спрашивает по-английски, старательно акцентируя слова:

— Откуда вы?

— Издалека, — ответил я и добавил: — Из Польши.

— О-о-о-о?! — удивился малыш.

Любопытство теперь охватило и меня.

— Ты знаешь, где это? — спросил я недоверчиво.

— Знаю, — преспокойно ответил чудесный малыш. — Между Германией и Россией. Самая большая деревня в Польше называется Вар-ша-ва.

Я опешил. Когда вернулся Стах, я всё еще стоял с разинутым ртом.

— Что случилось?

— Погляди на этого парня.

— Вижу, у него чудесный ботинок.

— Да будет тебе известно: хозяин чудесного ботинка знает, что Варшава — самая большая деревня в Польше.

Теперь остолбенел Стах.

— Невозможно! Откуда?

— Надеюсь узнать.

В киоске, торгующем сладостями, мы купили мальчишке шоколад, конфеты и леденец на палочке в придачу. При этом узнали, что парнишку зовут Олулу.

— Скажи, Олулу, кто тебе рассказал о деревне Варшава?

Мальчик, всецело занятый шоколадом, ответил весьма лаконично:

— Отец Павел.

— А откуда он, этот отец Павел?

— Из миссии.

Стало ясно. Сведения, которые дал нам священник в Каинанту, подтвердились. В Маунт-Хагене есть польские миссионеры.

Когда прибыл багаж, мы церемонно пожали руку «ученому» Олулу, и оставили ему на прощание несколько мелких монет. В город двинулись в прекрасном настроении.

Первый визит мы должны были нанести в банк, где следовало инкассировать наш, увы, скромный чек. Преодолевая несколько километров, которые отделяли нас от центра города, мы рассуждали о нашем мальчике-с-пальчике.

— Хорошее предзнаменование, — радовался Стах, — миссионеры — сведущие люди и обычно пребывают в самой глубине гор. Узнаем у них немало любопытных вещей.

Я толкнул никелированные двери банка и чуть не отпрянул в изумлении. В помещении стояли трое бородатых верзил с заткнутыми за пояс топорами. Рост каждого из них был не менее ста восьмидесяти сантиметров. Поражало их одеяние, состоявшее из черных поясов шириною в две ладони, надетых прямо на голое тело. Такие пояса носят у нас гонщики-мотоциклисты. При более тщательном рассмотрении оказалось, что пояса растительного происхождения, из древесной коры, стянутой лыковой тетивой, словно бочка с огурцами. С поясов спереди спускались густые плетенки, доходившие почти до земли. Зато сзади... не было ничего, если не считать пучков свежих листьев, только символически прикрывавших ягодицы.

Робея, я взглянул выше. На бицепсах мужчин красовались сплетенные из трав браслеты, также с заткнутыми за них листьями. На руке одного из них был изящный браслет из бисера. Несколько выше в их убранстве бросалась в глаза значительная разница. Один носил на шее кусок выпуклой раковины, вырезанной в виде капли и свисавшей более тонким концом вниз. У второго было некое подобие нагрудника, сделанного из бамбуковых палочек и спускавшегося до середины живота. У третьего — тоже нагрудник, но намного короче.

Голова мужчины с длинным нагрудником была покрыта чем-то вроде княжеской шапки из разноцветных обрезков материи, увенчанной снежно-белыми перьями

попугая и оранжевым хвостом райской птицы. Владелец короткого нагрудника замотал голову меховой повязкой; кроме того, у него был головной убор, похожий на епископскую шапочку, к которому он изобретательно прикрепил птичьи крылья, тоже, кажется, попугая. У третьего мужчины, на мой взгляд самого статного, торчала в носу заостренная с обоих концов косточка, длиною в пятнадцать сантиметров, ко лбу он приладил раковину в форме эллипса, а на голову надел некое подобие треуголки, также украшенной мехом и пучком свежих трав.

За этими тремя молодцами я покорно стал в очередь к окошку кассира, внимательно наблюдая за тем, что произойдет дальше. Ничего особенного, однако, не случилось. Первый, с коротким нагрудником, высыпав перед кассиром из мешочка целую грудку монет, подождал, пока их сосчитают, получил квитанцию и отошел. Следующий подал настоящий чек — я не заметил, как он был подписан, — получил деньги, поблагодарил и ушел. Наконец, последний снова высыпал грудку монет, взял бумажку, воткнул ее в свой универсальный пояс и направился к выходу. Служащий, сидевший у окошка, обслуживал их так, как у нас обслуживают вкладчиков в сберегательной кассе. Он даже не удостоил посетителей взглядом.

Хотя моя очередь подошла, я не удержался и выбежал за последним молодцом на улицу. И не зря. Я увидел, как мой красавец с плюмажем откинул листья с ягодиц, сел в... стоявший поблизости пикап, запустил мотор и отъехал, ловко маневрируя рулем.

— Скажите, пожалуйста, спросил я служащего, возвращаясь к окошку, — много у вас таких клиентов?

— Мы обслуживаем почти исключительно местных жителей. Эти трое — члены правления кооператива. У них здесь свои личные текущие счета. Немного хлопотно только с мелкой монетой. В прошлом году аборигены держали у себя около ста тысяч долларов в одношиллинговых монетах.

Что ж, тридцать пять лет — это все-таки уйма времени. Немного маловато, чтобы заменить листья на ягодицах штанами, но вполне достаточно, чтобы добиться водительских прав и инкассировать чеки. Маунт-Хаген начинал мне нравиться.

В конторе окружного комиссара иностранных журналистов приняли весьма гостеприимно и сразу же снабдили массой разных сведений и цифр: двадцать пять аэродромов, свыше тысячи миль дорог, производство кофе и чая, добыча золота (на сумму свыше сорока тысяч долларов), более одиннадцати тысяч учащихся, шестнадцать больниц, органы местного самоуправления, кооперативы, автобусные линии, лесопильни... Хватит! Данные эти звучали достаточно внушительно, если учесть, что эта богом и людьми забытая долина осваивалась в течение всего только тридцати с небольшим лет (с перерывом на время войны).

Западное Нагорье — это двадцать пять тысяч квадратных километров и триста двенадцать тысяч жителей. Полторы тысячи европейцев помогают людям, которые, в сущности, лишь в конце 40-х годов нашего века перестали вести междоусобные войны.

Сыпались как из рога изобилия географические названия: Байер-Ривер, Минь, Вабаг, Вапенаманда, Поргера...

Подавленный всем этим, я оживился лишь тогда, когда услышал слова: «запретная зона». Ибо если запрещено, то... интереснее всего ехать именно туда. Однако комиссар Бэлл и его заместитель Литтлер тут же начали рассказывать о проектах развития скотоводства и расширении плантаций чая, и было бы просто неучтиво напоминать нашим милым хозяевам об участке в тысячу квадратных километров, где у них оставалось немало забот и куда они никого не пускали.

Мы жестоко поплатились за свою щепетильность, так как, не успев подумать, уже сидели в автомобиле, который ехал на... завод. Я возненавидел себя. Разве для того новогвинейские Колумбы открыли эту затерявшуюся на краю света долину, чтобы я стал осматривать здесь какие-то уродливые машины? Но отступить было уже некуда. В довершение всего по пути нам попадались современные уродцы в виде теннисных кортов, площадок для гольфа, купальных бассейнов и т. п.

— Стах, а ты знаешь хотя бы, что такое пиретрум?

Он не знал. Мы ехали поэтому на завод пиретрума как обреченные.

На месте, однако, оказалось, что это предприятие было чем-то родственным для нас, славянским. Оно построено в 1965 году по последнему слову техники. Здесь производили вытяжку из цветов дикой хризантемы югославского происхождения. Я сразу же почувствовал запах привислинских лугов и, перебирая пальцами лежащие в ящиках белые цветки с желтым пестиком, напоминающие незабудки, рассеянно слушал ученые рассуждения инженера, руководящего всеми операциями. Из этих мелких цветков бездушные машины производили ядовитое вещество против насекомых, пользующееся большим спросом на мировых рынках.

— Это хороший шанс для аборигенов,— говорил преданный своему делу инженер.— Пиретрум лучше всего произрастает на высоте двух-трех тысяч метров над уровнем моря, то есть там, где ни кофе, ни земляные орехи культивировать нельзя. Государственная администрация стала выращивать это растение в горах на площади в три тысячи акров. После сбора урожая мы производим около шестисот тонн готового экстракта, но посевная площадь будет вскоре увеличена, вероятно, вдвое.

Мы сердечно поблагодарили инженера и, исполненные недоверия к белым незабудкам, поехали дальше. Садясь в машину, я еще раз мельком взглянул на расклеенные на здании государственной администрации листовки, призывающие население принять участие в предстоящих выборах в местные органы власти. На листовках был изображен фотоснимок какого-то тучного европейца и напечатан текст на языке «пиджин». Точного смысла я, увы, не понял, но, по-видимому, он увещевал избирателей самым упрощенным образом: «Взгляните на этого маста, какой у него большой живот. У человека с таким большим животом должно быть много каи каи, поэтому и у вас будет достаточно еды, если вы выберете его». Предвыборная агитация в этом духе уже велась раньше на Новой Гвинее, и, говорят, с неплохими результатами.

Листовка напомнила мне, что путешествие по Острову подходит к концу. Срок наших виз на пребывание на Территории заканчивался как раз в день выборов.

Следующим местом, которое нам предстояло посетить, была чайная плантация. Ее владелец, бизнесмен

из Сиднея, продал свои торговые предприятия и перевел капитал сюда, в долину Вагхи.

С наслаждением потягивая крепкий чай, который довольно редко пьют в тропиках, я слушал рассказ хозяина. Он начал с того, что качество чая в значительной мере зависит от высоты, на которой произрастает куст. Чем выше, тем чай лучше.

— Я не жалею, что занялся этим делом,— говорил хозяин.— Пробная партия моего чая произвела фурор на лондонской товарной бирже, где оценили его достоинства. Теперь остается только расширить плантацию. Пока что я скупаю у островитян сырые листья, которые они собирают на своих участках. Государственная администрация обещала передать под чайные плантации до 1972 года свыше четырнадцати тысяч акров. Четвертая часть этой площади пойдет аборигенам.

Плантатор не щадил усилий, чтобы показать нам все свое хозяйство. Пришлось осмотреть его сверкающую, крытую нержавеющей желью «чайную фабрику», где зеленые листья подвергались сушке, скручиванию и другим операциям. Конечным их результатом были кипы, содержащие чай в том виде, в каком он обычно поступает на рынок. Хозяин не преминул сообщить нам, что все оборудование обошлось ему более чем в миллион долларов, а устройство плантаций на целине — предприятие чрезвычайно капиталоемкое.

Однако самое большое впечатление произвел на меня не капитал миллионера. Я позавидовал прежде всего чудесной коллекции сотен цветных таблиц, заполняющих интерьер его дома. На них было изображено все птичье царство Острова. Почетное место занимали, разумеется, райские птицы. Здесь, в уединенном бунгало плантатора, я получил возможность вдоволь насладиться феерической гаммой красок и форм, какими щедрая природа одарила этих пернатых избранников, состоящих, как ни странно, в тесном родстве с обыкновенными воронами.

Хозяин, как подобает завязтому любителю-коллекционеру, мог бесконечно долго рассказывать о гнездах чудесных птиц, об их повадках во время токования и даже об отдельных перьях. Свой рассказ он иллюстрировал великолепными рисунками. Ведь даже самые цветистые слова не в состоянии передать всего богатства

красок и оттенков этих «порхающих сокровищ». Глядя на тщательно исполненные таблицы, я не удивился тому, что редакция австралийской энциклопедии упрашивала владельца разрешить скопировать их. Пользуясь случаем, я высказал хозяину свою заветную мечту, возникшую у меня еще в Порт-Морсби.

— Живые райские птицы? О, это сегодня не так-то просто, — сказал он. — Быть может, вы найдете их где-то высоко в горах, окружающих нашу долину. Да и там для этого нужно быть специалистом. Единственное, что могу вам посоветовать, это посетить заповедник в Байер-Ривер. Там есть некоторые виды...

Я решил запомнить название этой местности. В конце концов, лучше увидеть птичку в клетке, чем на рисунке или только в воображении.

Случай поехать в Байер-Ривер неожиданно представился уже на следующий день. Услужливый мистер Литтлер решил прельстить нас новой станцией племенного скота, разведение которого должно было стать перспективной отраслью хозяйства и в Западном Нагорье.

Проехав несколько десятков миль, мы уже неплохо освоились с окружающим нас ландшафтом и открыли одну из характерных особенностей местного жилищного строительства. Так, в районе Вагхи не наблюдается, как правило, скоплений хижин. Большинство жителей этого густонаселенного района строит свои круглые хижины обособленно, скрывая их в зарослях. По соседству живет не больше трех-четырех семейств, а поэтому здесь нет деревень, столь типичных для низинных районов Острова.

Во время езды по извилистой дороге, то взбирающейся на вершины холмов, то ведущей через узкие перевалы, мы обратили внимание на чересполосицу полей, больших и малых, с самыми различными культурами. Время от времени нам встречались заботливо обсаженные деревьями и украшенные цветами танцевальные площадки. В этих горах они издавна выполняют ту же роль, что и дощатые площадки наших сел. Здесь проходят народные гулянья и празднества. Такие же увеселительные площадки открывал в свое время Майкл

Лики, поражаясь их благоустройству, ни в чем не уступающему ухоженным аллеям английских парков. К сожалению, ничто не говорило о том, что нам удастся стать свидетелями большого праздника местных жителей.

Съезжая по крутому спуску в долину, мы уже издали заметили строения скотоводческой станции, расположенной близ аэродрома.

В Байер-Ривер постоянный полицейский пост был создан лишь в 1965 году. В это же время сюда был завезен и первый скот. Сотрудники станции подробно информировали нас о его породах и достоинствах, описали перспективы развития скотоводства на ближайшие годы... и на этом программа нашего пребывания закончилась. Остается лишь добавить, что эта станция отличалась от других подобных предприятий только тем, что находилась в месте, где тридцать пять лет назад даже не подозревали о существовании столь «диковинного» существа, как корова.

Покончив со скотом, мы поспешили к заповеднику птиц, который помещался в небольшой, поросшей деревьями котловине у реки.

Первое знакомство с заповедником оказалось очень удачным. На меня кинулся, пронзительно крича, молочно-белый попугай. Птица была размером с большого цыпленка, с красным хохолком и немалой дозой нахальства. Дежурный зоолог пояснил, что вообще-то дружелюбный попугай просто требовал от меня угощения. Птица горланила до тех пор, пока не получила своей порции зерна.

Более благовоспитанным оказался крупнейший в мире хохлатый венценосный голубь *goura*. Не обращая ни малейшего внимания на окружающих, он степенно расхаживал по земле, демонстрируя свое серо-голубое оперение. Птица была крупной, величиной приблизительно с индюка. Ее голову увенчивал красивый, легкий как дымка хохолок из обтрепанных перьев, заканчивающихся чем-то вроде белых треугольничков. Этот франт не летает, у него крепкие ноги с красным оттенком и глаза цвета киновари.

В числе других диковинок мы видели древесного кенгуру— довольно крупное животное с симпатичной мордочкой и длинным хвостом, а также метровой длины

водяную крысу, встречающуюся только на Новой Гвинее.

Наконец наступил долгожданный момент, но вместе с ним пришло и... разочарование. Я совсем забыл, что у райских птиц тоже есть свои периоды оперения. В результате вместо великолепных экземпляров, изображенных на цветных таблицах плантатора, я увидел за сеткой птиц, правда, цветистых, но далеких от картинного великолепия. В довершение всего большинство из них оказались самочками, то есть существами со значительно более скромным оперением, чем их бесподобные супруги.

Отчасти спасла положение *paradisea apoda* — та самая птица, которая пять столетий назад привела в восторг испанский двор. Наша райская птица блистала во всем своем великолепии. Глядя на это цветное диво, можно было понять восхищение испанцев. Верхняя часть ее головы и шея сверкали темно-желтой, а подгрудок — золотисто-зеленой окраской. Одни перья имели теплый бронзовый оттенок, другие были черно-зелеными. Чудохвост этого существа напоминал вуаль, состоящую из целой кисти нежных перьев разных оттенков — от оранжевого до почти белого. Из гуши хвоста выступали словно проволока два метровой длины пера, совершенно лишенные опахал.

Я долго не мог оторвать глаз от ветки, на которой красовалась эта давным-давно известная разновидность райской птицы. Из немного созерцания меня вывел назойливый, а заодно, пожалуй, и завистливый попугай. Его пронзительный крик прогнал нас из райского сада.

Миссионеры

Обратный путь в Маунт-Хаген не изобиловал вначале приключениями. Ехали мы без особых затруднений, фотографируя по пути присевших на корточки близ дороги рослых пастухов с их неизменными топориками. После одной из таких остановок, не далее чем в двух милях от города, мотор автомобиля внезапно заглох. Мы стали возиться под капотом, но строптивая машина стояла как заколдованная.

После получаса безуспешных попыток пришлось

сдаться и пройти оставшуюся часть пути пешком. Мы захватили кинокамеру и кратчайшим путем, указанным водителем, побрели в город. Сперва дело шло неплохо. Мы шли довольно легко по неглубокому ущелью. Через четверть часа, однако, хлынул дождь. Тропа в мгновение ока превратилась в скользкое болото, а предполагаемая прогулка — в подлинную муку, требовавшую особого внимания, чтобы обеспечить сохранность камер.

Легко себе представить, в каком настроении мы брели. Неожиданно навстречу нам показались какие-то люди. Странно было глядеть на них. Под зонтиком жались друг к другу двое белых, третий нес над головой банановый лист, двое островитян также защищались от дождя импровизированными зонтиками.

Должно быть, вид у нас со Стахом был не из лучших, так как из-под зонтика раздался полный недоумения вопрос на английском языке:

— Что вы делаете здесь?

— Мокнем, — ответили мы.

А затем, обращаясь к Стаху, я добавил уже польски:

— И чертовски к тому же.

Тут под зонтиком сразу же засуетились.

— Поляки?! Здесь! Откуда?!

Оба остолбеневших островитянина с изумлением глядели на обнимавшихся людей, брошенный наземь зонтик и растоптанный лист. Дождь лил как из ведра, а мы целовались по-старопольски — по три раза и говорили, перебивая при этом друг друга.

Немало времени прошло, пока мы стали разыскивать зонтик польских миссионеров. Ибо это они шли на вечернюю службу в соседний приход. Так неожиданно подтвердились сведения, полученные нами в Каинанту.

Когда мы все кое-как укрылись под зонтиком и вновь сорванными листьями, Стаху пришла в голову сумасбродная мысль:

— Я должен заснять эту сцену на кинопленку!

Что оставалось делать? Он так увещевал нас, что мы наконец сдались. Наш кинооператор устроился под зонтиком, который держали над его головой, а мы... Мы должны были вновь повторить всю сцену встречи, сперва средним, а затем крупным планом, и еще раз... Словом,

как в киностудии. А дождь тем временем продолжался. Вскоре все «актеры» были похожи на мокрых куриц, так что зонтик и листья стали лишними.

К счастью, сопровождавший польских миссионеров абориген, исправный, должно быть, прихожанин, пригласил нас в свою находившуюся поблизости хижину. Мы сушились, как могли, у костра, а гостеприимный хозяин тем временем угощал нас печеным картофелем.

В клубах дыма, наполнившего хижину, я начал спрашивать трех священников об их судьбе. Оказалось, что только один из них, Павел Ксёнжек, работал в местной миссии. Двое других, Антони Булла и Вильгельм Курц, просто гостили у него. Их приходы находились в районе Чимбу.

— Два года назад мы выехали из Польши,— рассказывал ксендз Курц, выжимая свой вполне светский костюм.— К предстоявшей работе готовились некоторое время в Сиднее, а сейчас, здесь, все еще изучаем местные диалекты и понемногу принимаем в свое ведение отдельные приходы. Ксендз Миозга уже работает самостоятельно на побережье, близ Маданга.

Глядя на трех молодых священников, я все еще не мог опомниться и представить себе, что мы, пятеро поляков, находимся на Новой Гвинее и сидим в хижине человека, недавно расставшегося с каменным веком, уплетаем печеный картофель, словно в лагере харцеров в Спале²⁹. В этот день прихожане ксендза Ксёнжека так и не дождались богослужения. Уже стемнело, когда мы влятером добрались наконец до станции миссии в Маунт-Хагене.

Разрешить новым гостям переночевать здесь мог только преподобный епископ Джордж Бернардинг. Мы застали его в маленьком бараке радиостанции, где он разговаривал с одной из подчиненных ему миссий. Ксендз Ксёнжек шепнул мне на ухо, что таким способом епископ лично руководит движением принадлежащих миссиям самолетов и другими делами своей епархии.

Епископ Бернардинг, небольшого роста американец, сразу же согласился на наше пребывание в миссии и заверил, что мы можем оставаться здесь столько, сколько пожелаем.

— Итак, вы из Польши! Приветствую, приветствую

вас тем охотнее, что моя мать по происхождению полька. Ее девичья фамилия, если память мне не изменяет, Воевода.

Больше всех был удивлен ксендз Павел.

— Я не имел понятия,— говорил он, провожая нас на квартиру,— что наш епископ наполовину поляк. Он никогда не говорил об этом!

Долго в ту ночь мы не могли вдоволь наговориться... А когда в миссии выключили (для экономии) электричество и пришлось зажечь свечи, мы затянули польские песни под аккомпанемент гитары, на которой мастерски играл ксендз Вильгельм. Мог ли я предполагать летом в Варшаве, что полгода спустя за рюмкой вина стану распевать польские песни с соотечественниками в долине Вагхи.

Когда на следующее утро я вышел из своей по-спартански обставленной комнатки, в миссии уже давно кипела работа. Черная сутана епископа мелькала то здесь, то там, но каждый раз исчезала на какое-то время в помещении радиостанции. Именно там я обратился к нему с просьбой познакомить меня с Уильямом Россом, священником, прославившим легендарной личностью, причем не только в результате его пасторской деятельности. Американский миссионер Росс прибыл в район Маунт-Хагена всего лишь несколько месяцев позднее Майкла Лики и не покинул этой долины до сих пор.

С большим интересом ожидал я предстоящей встречи с маститым миссионером, участником и свидетелем перемен, происшедших в жизни населения долины Вагхи, которое за тридцать пять лет совершило скачок из каменного в атомный век. Росс застал этих людей соблюдавшими обычаи, которые оставались неприкосновенными в течение тысячелетий. Я его представлял поэтому кем-то вроде Ф. Магеллана или по меньшей мере — епископа де Лас-Касаса, появившегося в Испании³⁰ во время конкисты³¹.

В приемную вошел седой как лунь человек, с длинной патриаршей бородой и поразительно бодрым лицом. Я не ожидал встретить великана, но все же был удивлен: рост американского миссионера не превышал ста шестидесяти сантиметров. Энергичным жестом он пригласил меня сесть и первым начал разговор:

— Мне уже немало приходилось беседовать с жур-

наLISTАМИ, и расскажу вам все сразу. Так вот, было время, когда кроме распятия я всегда имел при себе револьвер и собаку.

Револьвер? Это поразило меня. После короткой паузы завожу разговор о переменах в жизни аборигенов и спрашиваю его мнение на этот счет.

— Что ж, — продолжает миссионер, расчесывая пальцами свою холеную бороду, — цивилизация довольно резко изменила их жизнь. По-моему, налицо два основных явления: избыток свободного времени, которым они ныне располагают, и рост цен. Замена каменных топов стальными значительно сократила время, необходимое, например, для того, чтобы срубить дерево. Вообще говоря, работа, на которую местные мужчины затрачивали раньше, скажем, месяц, сейчас отнимает всего неделю. Как им использовать свободное время? Особенно, если учесть, что их излюбленные некогда занятия, связанные с боевыми действиями, сейчас уже не имеют смысла. Конечно, введение новых сельскохозяйственных культур, строительство дорог или даже популярный в последнее время среди аборигенов спорт — всё это играет известную роль, однако в балансе их времени произошли некоторые сдвиги. Стоит при этом добавить, что численность населения в долине почти утроилась с тех пор, как я впервые явился сюда. Можно ли удивляться поэтому, что цена невесты возросла с тех пор в десять раз? А это значит, что только состоятельный островитянин, на которого уже работает несколько жен, может позволить себе купить новую. Для молодых людей обоего пола такое положение прямо невыносимо. Юноша не может жениться на девушке, которая ему нравится, так как у него нет для этого средств. А при наличии множества незамужних женщин и молодых мужчин неизбежна проституция. Нужно было как-то предотвратить такое положение. Окружной комиссар созвал митинг. Старшие, влиятельные, а следовательно, и состоятельные местные жители предпочитали сохранить существующее положение вещей. Ведь они могли беспрепятственно одерживать верх над своими соперниками — молодыми, красивыми, но бедными мужчинами. Однако большинство собравшихся высказалось против богатеев. В результате были установлены новые расценки на невест. Эта операция, подлинный переворот в существую-

ших отношениях, оказалась успешной. Неудержимый рост цен был приостановлен.

— Итак,— задумчиво продолжал Уильям Росс,— жители Вагхи довольно быстро приобщились к современной цивилизации. Они оказались вовлеченными в банковский и денежный оборот. Но еще долгое время упорствовали в своем убеждении, что смерть — явление естественное, результат колдовства и магии. Впрочем, и по сей день многие даже обученные нами фельдшера верят этому. Для нас, миссионеров, здесь еще немало трудностей. Так, например, таинство соборования многие местные жители воспринимают как своего рода колдовство, после которого наступает смерть.

Старый священник задумался, в его голове, вероятно, оживились воспоминания.

— Прививать людям веру здесь нелегко, даже если полностью овладеть языком какого-нибудь племени. Ведь аборигенам совершенно чужды многие понятия, особенно абстрактные. Они не знают таких слов, как надежда или любовь. А как же проповедовать слово божье без этих основных понятий? Ближе всего к понятию «любовь» здесь стоит определение: «я делаю тебе добро», но это ведь не одно и то же...

Священник Росс вновь задумался.

— Вопреки распространенному мнению, местные женщины не противятся полигамии. Если в доме только одна жена, на нее падают все обязанности: возделывание земельного участка, уход за свиньями, приготовление пищи. Если же у мужчины больше жен, обязанности делятся между ними. Свиньи все еще остаются основным богатством многих семейств. Я неоднократно наблюдал, как женщины кормили грудью поросят.

После беседы со священником Россом я убедился, что еще очень мало знаю о жителях Вагхи. Цена невесты, вездесущее колдовство, полигамия... Следовало бы познакомиться поближе с обычаями здешнего населения.

Помогли мне в этом польские священники.

— После открытия долины Вагхи,— рассказали они,— за один всего год на участке между Каинанту и Маунт-Хагеном было создано десять миссионерских пунктов. Однако деятельность миссионеров не обошлась без жертв. В 1934 году были убиты два католических миссионера — Моршхейзер и Эжен.

— Долину Вагхи, а также прилегающие к ней с запада районы наводнили золотоискатели. Поиски прекратились, когда оказалось, что в этом районе не сыщешь даже крупницы золота, которой «хватило бы на зубную пломбу», как выразились двое английских золотоискателей-близнецов братья Фокс. Тем не менее золотоискатели натворили немало бед, отнимая порой у аборигенов съестные припасы и допуская насилие. Один из них, австриец Людвиг Шмидт, был осужден за убийство четырех островитян и повешен в 1936 году в Рабауле. Тем временем белый человек узнавал все больше об обычаях местных жителей. Оказалось, в частности, что, хотя войны велись с помощью луков, жители Чимбу-Вагхи никогда не отравляли своих стрел, что у них были чудесно разукрашенные церемониальные копья, а также два вида каменных топоров: *ди* — орудие для работы и пресловутые боевые топоры, называемые на местном языке *кендуанбу*.

Отец Ксёнжек прервал свой рассказ и принес упомянутое орудие — подлинное произведение искусства. Топор напоминал короткую алебарду. На деревянную рукоять была насажена остро заточенная лопасть из серо-голубого камня. К задней стороне рукояти, в качестве своего рода противовеса, было прикреплено некое подобие лопасти, целиком покрытое плетенкой.

Целыми часами продолжались наши беседы с миссионерами. Речь шла и об обряде посвящения, и о том, что матери не отнимают от груди даже своих подросших уже детей и что молодых девушек опекает весь род, считая их своеобразным семейным капиталом, так как после совершения брачного контракта родственники получают за них определенное количество ценных предметов.

Мы узнали также, что к числу важнейших обрядов в жизни местных горных племен относится так называемая *канана*.

Это церемония, которую можно было бы сравнить с сугубо интимным ухаживанием в европейском смысле этого понятия.

Молодежь встречается парами в хижине, являющейся своего рода клубом. Юноши и девушки одеты по праздничному, на них лучшие украшения, их лица полностью загримированы. В хижине горит несколько ма-

леньких костров, огонь которых поддерживают пожилые женщины. Пары усаживаются на циновках. Девушка перекидывает свои ноги через ноги партнера и касается лбом его лба. Оба закрывают глаза и, медленно вращая головой, не отрываются друг от друга ни на мгновение. Одновременно оба напевают специально приуроченные к этому случаю песни. С течением времени костры затухают, а погруженные в раздумья пожилые женщины начинают вспоминать свои собственные кананы, считая их немногочисленными счастливыми мгновениями в жизни. Молодые тем временем, в зависимости от степени эротического возбуждения, натирают себе лицо чуть ли не до крови, а отдельные пары то и дело выходят из хижины или, если костры уже едва тлеют, совокупаются тут же на месте.

Канана длится обычно всю ночь. Ее инициаторами всегда выступают девушки. Ибо женщины с гор до брака сексуально агрессивны. Принято даже, что невеста проводит канану не с будущим мужем, а с другим мужчиной. На этот обряд мужчину всегда приглашает девушка, причем неважно, женат ли он или имеет даже несколько жен... Ни один мужчина не вправе отклонить такое приглашение. Наибольшей свободой девушки из племен Нагорья пользуются в период между помолвкой и браком. Полноправная же жена обязана соблюдать абсолютную верность.

Пожилые женщины готовят порой для своих дочерей противозачаточные снадобья. Есть также травы, стимулирующие молоко у молодых матерей. Когда девушка созревает и у нее впервые появляется менструация, то это событие отмечается трехдневной церемонией, во время которой женщины и мужчины племени посвящают ее в тайны половой жизни. В дальнейшем в периоды менструаций женщине не разрешается ни до чего дотрагиваться в доме, и она обязана на все это время уходить в буш³².

В миссии мы чувствовали себя превосходно. Отдохнули, наговорились вдоволь по-польски. Но когда явился Гэс и предложил длительную поездку по направлению к Вабагу, в сторону границы с Западным Ирианом, мы охотно согласились, тем более что ксэндзы Булла и Курц уже уехали в свои приходы в районе Горока. Поэтому нам осталось попрощаться только с ксендзом

Павлом и епископом Бернардингом. Уезжая, мы получили заверения от епископа, что в районе реки Сепик сможем воспользоваться принадлежащим миссии самолетом³³.

Прощание с горами

«Лендровер» резко тормозит. И не мудрено, так как зрелище, открывшееся перед нами, необычно. По дороге шествует весьма красочная группа. В глаза бросается, прежде всего, двухметровый щит, который несут на своих плечах аборигены. Его середина заполнена плоскими раковинами, вырезанными в форме полумесяца, причем каждый из них заключен в оправу в виде плоского деревянного круга; по краям каждый круг окрашен красной охрой. Весь щит декорирован пестрыми перьями райских птиц. С волнением различаю среди этих украшений перья, знакомые мне по цветным таблицам, которые я видел у плантатора. Это оперения таких редких райских птиц, как «Принцесса Стефания» и «Король Саксонии». Щит скомпонован с большим вкусом и незаурядным чувством цвета. Единственным диссонансом в этом ансамбле казался заурядный кухонный нож, подвешенный внизу щита.

Но больше всего меня заинтересовали плоские раковины. Это же пресловутые *кина* — местные деньги, неотъемлемый элемент денежного оборота наряду с долларами, банковскими счетами и другими «штучками», завезенными европейцами. Все эти новинки отнюдь не умаляют ценности кина, разве только они обрели теперь соответствующий паритет в денежных единицах белого человека. Пожилые аборигены, приверженцы старины, полагают, что только кина может обеспечить их владельцам необходимый престиж. Но поскольку в повседневной жизни нелегко носить тяжелые круги, они демонстрируют свою состоятельность посредством бамбуковых передничков *омаак*, в которых каждая палочка означает одну кина.

В группе, которую мы встретили, обращали на себя внимание двое рослых аборигенов, несущих на жерди живую свинью, подвязанную к ней за ноги. Все сомнения рассеялись — это сваты, несущие подарок для не-

весты. Следует, впрочем, взглянуть повнимательней на статных жителей Нагорья. Одеты они празднично: меховые повязки, наплечники из раковин каури, плюмажи, цветные полосы на лицах. Судя по свадебным подаркам, невеста также должна была сверкать великолепием.

Мы в раздумье: идти за ними или не идти? Накануне в районе Вапенаманды в течение пяти часов мы наблюдали за церемонией, связанной с заключением брачного контракта. Правда, там не было тяжелых (в полном смысле слова) денег кина, но на циновке сватов резвились две косматые свиньи, лежало несколько монет, бумажный доллар и два стальных топора. Та невеста была, вероятно, золушкой по сравнению с девушкой, которую намеревалась выкупить у ее семьи встреченная нами группа. Итак, идти за ними?

По вчерашнему опыту мы знали, что совершение брачной сделки длится не менее десяти-пятнадцати часов. Речи, одна за другой, осмотр подарков отдельными лицами и группами. Похвала одних и оговорки других. Даже дождь не в состоянии утихомирить два спорящих новогвинейских клана. Единственным реальным результатом, который я заметил после пяти часов цветистых речей и споров, был пронзительный визг поросенка, измученного бесконечными ощупываниями.

Наши колебания окончательно пресек дождь. Оставив группу в покое, мы посетовали Гэсу на ненастную погоду.

— Что вы хотите,— защищался он,— для сезона муссонов это еще небольшой дождь.

Только этих слов, видно, и ждал подлинный потоп, который внезапно хлынул с неба. Старика Ноя не было поблизости, а поэтому мы укрылись на мостике, прикрытом пальмовым козырьком³⁴. После Вапенаманды такие сооружения стали встречаться нам постоянно.

Под шум ливня мы решили расспросить Гэса о брачных обычаях местных горцев.

— Что ж,— начал Гэс,— за неверность муж был некогда вправе убить жену; он мог совершить это безнаказанно и в том случае, если супруга изводила его непослушанием. В начальный период брака молодая жена фактически становится прислугой матери мужа, он же в это время строит хижину. Когда жена впервые сама

приготовит мужу еду, брак считается оформленным. Муж чаще всего ночует (в зависимости от обычаев данного племени) в «мужском доме», а жена носит ему туда пищу. Для мужчины считается позорным помогать женщине в ее обязанностях. Если жена не в состоянии родить ребенка, клан приобретает мужчине новую жену. Если же складывается особенно тяжелая обстановка, когда другие жены издеваются, например, над новопривывшей, особенно если она происходит из враждебного ранее племени, то новобрачная может вернуться в свою семью. Однако подарки, которые преподнес, будучи женихом, ее муж, должны быть ему возвращены. Это своего рода развод.

Дождь перестал столь же внезапно, как и начался. Поехали дальше. По мере приближения к Вагабу мы останавливались все чаще. Заметно изменился внешний облик людей, встречавшихся нам по пути. Остались, правда, пояса из древесной коры и пучки зелени на ягодицах, были и непременные топоры, зато на головах появились ранее не встречавшиеся уборы, издали казавшиеся не то треуголками наполеоновских времен, не то шляпами испанских тореадоров. Эти диковинные уборы походили порой на шапки викингов, а порой — на горизонтально уложенную подушку с торчащими вверх уголками. Лица владельцев этих необычных шляп были намазаны подобно тому, как это делают женщины-европейки. Чаще всего они красили в черный или белый цвет веки, некоторые дорисовывали ресницы. Попадались также окрашенные в красный цвет носы или вымазанные черной краской лица.

— Это люди из племени энга, — пояснил Гэс. — В полном парадном наряде они имеют еще более красочный вид, чем жители района Маунт-Хагена. Они тщательно украшают себя перьями райских птиц, раковинами и бусами.

Любопытнее всего показались мне диковинные шляпы. На очередном привале я угостил сигаретой какого-то молодого человека с искусственно подсиненным глазом и указал пальцем на шляпу. Он снял ее без колебаний.

Я держал в руке странную, с каркасом из прутьев конструкцию, покров которой состоял, несомненно, из человеческих волос. Это был своеобразный парик!

— Маса, тебе нравится *пенг*? — спросил парень на неплохом английском языке.

— Очень хорош,— ответил я откровенно, ибо этот пенг-парик действительно меня поразил.

Гэс, этот надежный информатор, тут же не преминул объяснить нам, что у некоторых племен производство париков обычно поручается одному или двум мастерам, так называемым *пенг эзим йэ*. Работают они в особых хижинах, куда доступ открыт лишь для посвященных.

Дни текли, а мы продолжали разъезжать на нашем «лендровере» по стране, которая, не принося ущерба ее обитателям, так долго обходилась без белого человека. Наблюдая за увлечением новогвинейских жителей гор всякого рода раковинами, я невольно вспомнил, что и наши горцы в Закопане украшают ими свои шляпы. Быть может, это какая-то извечная и универсальная склонность горных племен к раковинам?

Почти повсюду в мире племена или группы людей, проживающие в горных местностях, более статны, чем их собратья, обитающие в низинах. Так обстоит дело в Польше, на Новой Гвинее, на Кавказе — повсюду, куда ни кинь взгляд. Не хуже и их женщины. Эта истина находила свое подтверждение в районе Вабага. Я подумал, что достаточно было бы иметь крупную свинью, немного раковин и пару бумажных долларов, чтобы стать владельцем женщины, которая ухаживала бы за огородным участком. Но эта мысль быстро вылетела из моей головы, когда я вспомнил, что для завоевания сердца местной жены следует до конца дней щеголять с пучком зелени на ягодицах!

Наше путешествие на запад от Маунт-Хагена было последним рейсом по этой стране, где строители дорог еще до окончания работ обсаживают (по чисто эстетическим соображениям) обочины цветами, где в поте лица сажают и собирают югославскую ромашку, земляной орех, кофе, чай и где владельцы текущих счетов в банке ходят без штанов.

Я был в восторге от горного края первобытных эстетов, совершающих стремительный прыжок из каменного века в эпоху современной цивилизации. Мне казалось, что на Западном Нагорье я увидел многое, если не все.

Однако на аэродроме в Маунт-Хагене выяснилось, что я пропустил самое главное.

Прощаясь с нами у самолета, мистер Литтлер сочувственно вздохнул:

— Как жаль, что вы не попали на большой праздник. В 1964 году было сразу забито около двух с половиной тысяч свиней, и многие тысячи жителей явились в полном церемониальном облачении. Такого не встретишь нигде на свете. Подобные зрелища запоминаются на всю жизнь...

Из Маунт-Хагена я улетел поэтому несколько расстроенный.

«МУЖСКОЙ ДОМ»

Мы шли узкой и столь скользкой тропой, что даже привыкшие к походам в джунглях носильщики то и дело хватались за свисавшие отовсюду лианы и ветки. Целью нашего перехода была деревня Маприк, расположенная в гористой местности, в тридцати милях от реки Сепик. Изнурительный поход подходил к концу. Неожиданно перед нами оказалось странное здание, возвышавшееся над кронами растрепанных пальм. Мы подошли поближе.

На поляне стоял «мужской дом». Его наклоненный вперед фронтон имел форму перевернутой латинской буквы «V». Это было, несомненно, самое красивое строение, которое довелось мне увидеть до сих пор в моих странствиях по Острову,— знаменитый *тамбаран*, посмотреть на который мечтают все европейские этнографы.

Его фасадная стена сплошь покрыта росписью, изображавшей огромной величины человеческие лица с выразительными глазами. Художники пользовались красными, белыми и черными красками, обильно перемежавшимися с желтой. Большие полосы окрашенной древесной коры на высоком (метров, пожалуй, в пятнадцать) фронтоне образовывали неповторимый по своей экспрессии рисунок. Сбоку, у самого основания дома, виднелось отверстие, немного напоминавшее вход в эскимосское иглу и немного — в собачью конуру; даже ребенку пришлось бы вползать туда на четвереньках.

Мы стояли у подножия тамбарана, «мужского дома», восхищаясь необычайной прелестью этого строения, иг-

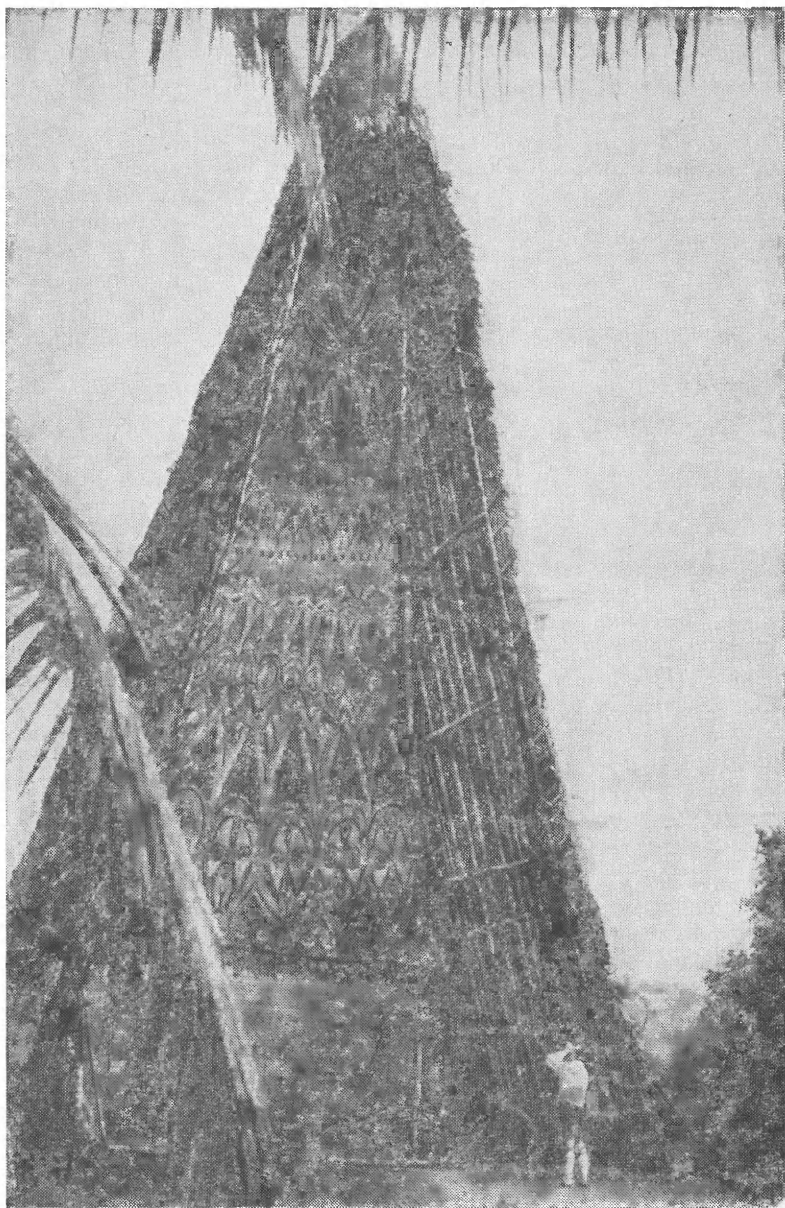
рающего огромную роль в обычаях и обрядах аборигенов. Доступом туда пользовались исключительно взрослые мужчины местного племени. Ибо тамбараны окружены множеством всевозможных табу.

Мы все еще любовались этим великолепным строением, когда явился лулуаи с большой медалью — символом его власти на груди. Предварительно договорившись с Гэсом, я выступил перед ним и окружавшими его старейшинами с длинной речью. Каюсь, я молот польски всякий вздор, какой мне приходил в голову, и если Стах не лопнул со смеху, то, вероятно, только потому, что уж очень ему хотелось заснять всю эту сцену на кинопленку.

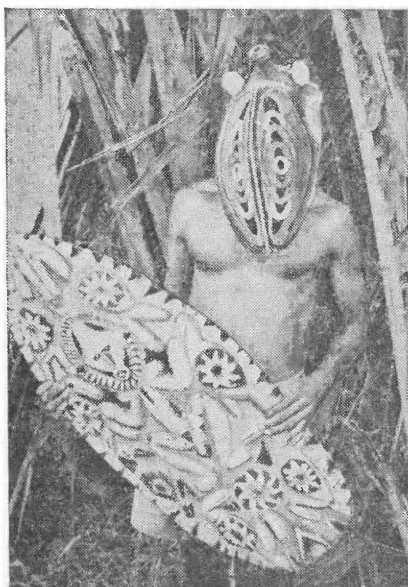
Вслед за мною слово взял наш провожатый. Уже на понятном для хозяев языке он попросил вынести священные предметы, которые, безусловно, «вызовут восхищение у пришельцев из страны столь далекой, что плавание туда на каноэ заняло бы больше времени, чем трижды по три месяца».

Старейшины деревни начали совещаться, разрешив нам тем временем заглянуть внутрь тамбарана. При тусклом свете, проникавшем сквозь щели, мы увидели своеобразные барельефы, украшавшие чуть ли не все балки здания. Это были фигуры, вырезанные в натуральную величину, или совсем маленькие. Повсюду виднелись оригинально расписанные маски, пучки трав, подвешенные на стенах, а также другие предметы, значения которых мы не могли ни определить, ни разгадать. Все было красиво и таинственно.

Тем временем совет старейшин принял решение. Мы можем снимать на кинопленку! Стах схватил камеру. Островитяне также начали необходимые, по их мнению, приготовления. Они извлекли из тамбарана две длинные (по полтора метра), богато украшенные священные флейты. Затем под непрерывные звуки флейт началась церемония выноса предметов культа, в частности, масок, представлявших духи предков. Вынесли также несколько маленьких фигурок (*маселаис*). Все эти изваяния олицетворяли покровителей местного племени, божков, отвечающих за сбор ямса и охраняющих здоровье членов племени. Своего рода состав руководства местного страхового общества! Почти у всех маселаис пропорции нарушены. Носы фигурок растягивались, как правило,

Тамбаран в Маприке

Маска и щит из Маприка

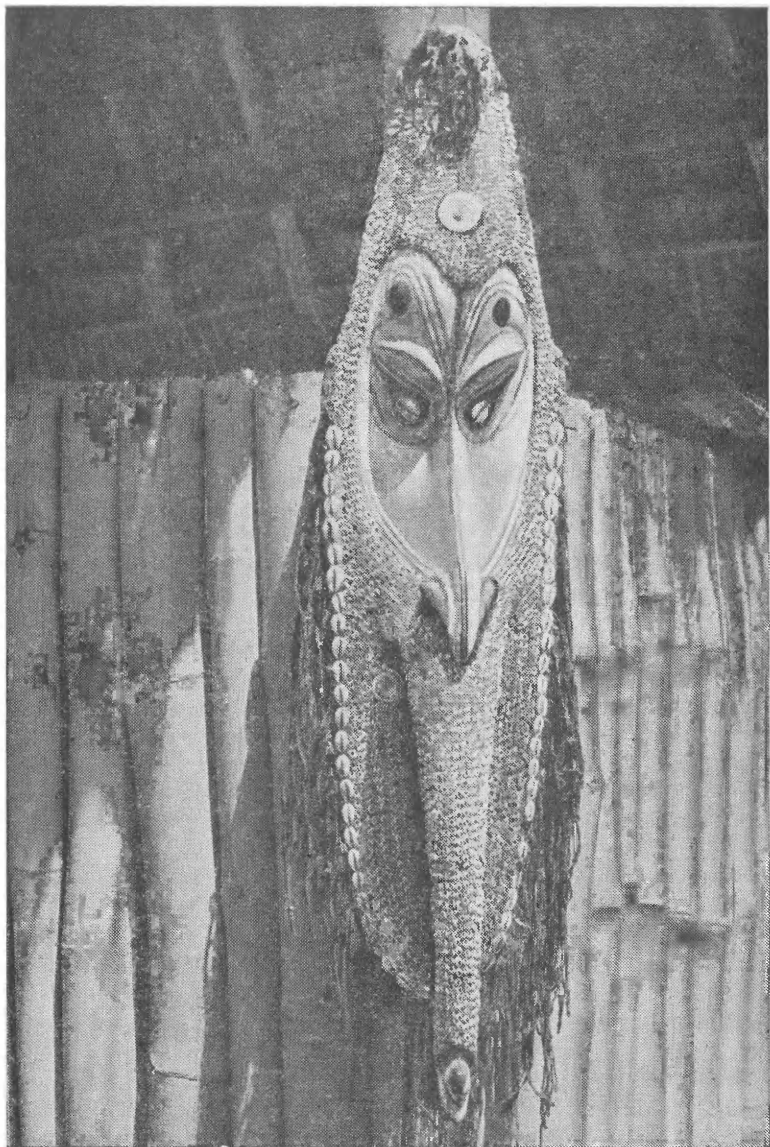
ниже пупка, мужские органы — внушительных размеров. Звуки флейт не прекращались ни на мгновение. Это был предупредительный сигнал для женщин и молодежи обоего пола, которые не имели права и близко подходить к тамбарану. Согласно верованиям жителей района реки Сепик, взгляд брошенный женщиной, мальчиком или девочкой на предметы культа, обрекает их на неминуемую смерть.

К маскам, инкрустированным маленькими, вдавленными в глину раковинами и расписанным белыми и розовыми полосами, были приделаны бороды из окрашенных растительных волокон. Фигурки же большей частью сохраняли естественный цвет, только некоторые были расцвечены растительными пигментами, подобно росписи на коре. При полном освещении все эти произведения искусства производили отличное впечатление, как в отношении формы, так и цвета.

Маприк — селение хоть куда. Оно окружено кольцом густонаселенных деревень. Это центр подокруга и место пребывания чиновника государственной администрации Брониславаса Альгимантаса Бесаспариса. Мы поспешили нанести ему визит вежливости.

От господина Бесаспариса мы узнали много интересных подробностей о подчиненной ему территории, и в частности историю кратковременной «золотой лихорадки» в этом районе. В заключение беседы он сообщил, что для нас приготовлено жилье и будет предоставлен автомобиль.

— Будете жить рядом с японцами, «искателями могил». Они причиняют мне немало забот. Такие партии

Маска из Маприка

разъезжают сейчас по огромному театру военных действий, которые вела бывшая императорская армия; приезжают они и сюда, так как здесь были японцы во время последней войны. Местный совет хорошо помнит те времена, не забыл и о жестокостях японских солдат. Поэтому никто из аборигенов не имеет ни малейшего желания помогать в розыске их могил...

Я невольно задумался. Удивительное явление наблюдалось во время второй мировой войны. Островитяне, которые еще недавно беспощадно убивали работорговцев, сборщиков налогов и иногда миссионеров, рисковали во время войны собственной жизнью ради спасения белых и, состоя в отрядах береговой охраны, выслеживали японцев. Почему? Ведь с самого начала военных действий весь прежний местный административный аппарат развалился, и только немногие чиновники скрывались в горах или в заболоченных районах. Во всех столицах заинтересованных европейских государств с беспокоеством следили за тем, как отнесется население Меланезии к войне. И поступавшие сообщения оказались весьма утешительными; все они свидетельствовали о большой самоотверженности и героизме новогвинейских воинов в борьбе с японцами.

Одним из многочисленных доказательств этого была деятельность аборигена-полицейского по имени Воуза, который, попав в плен к японцам, не выдал, несмотря на пытки, ни одной из известных ему военных тайн. Воузу искололи штыками и, полагая, что он мертв, бросили в джунглях. Однако старый полицейский остался жив и, несмотря на тяжелые раны, добрался к своим белым союзникам, сообщив им бесценные сведения о японских позициях. За этот подвиг он был награжден почетными орденами и вызвал восхищение своих соплеменников, которые с большой похвалой отнеслись к его героизму.

Несомненно, поведение новогвинейцев во время войны делает им честь.

Аборигены рука об руку с командами авианосцев оказывали упорное сопротивление агрессорам. А военные операции были не из легких. Уже одни сухопутные бои на Новой Гвинее в труднодоступной местности и ужасных климатических условиях сами говорят за себя. Шаг за шагом целыми месяцами приходилось оттеснять

японцев, например, с горного перевала Кокода, находящегося всего в тридцати милях от Порт-Морсби, овладение которым дало бы японцам реальные шансы на вторжение в Австралию. В этой кампании новогвинейские партизаны сыграли существенную роль³⁵.

Конечно, определенное влияние на действия аборигенов в войне оказало само поведение японских солдат, которые зачастую, будучи отрезанными от собственных источников снабжения, беспардонно отнимали у жителей скудные запасы, нередко лишая при этом их жизни. Последующие колонны солдат довершали зверства передовых японских отрядов. Не удивительно поэтому, что хотя после окончания войны прошло уже немало времени, староста Маприка и слышать не хотел об оказании помощи даже японским «искателям могил».

Мы встретились с ними на следующий день за завтраком. Это были усердно раскланивавшиеся со всеми, учтивые джентльмены и одновременно ходячие выставки японской фотографической аппаратуры. Я с интересом разглядывал новейший сверхавтоматический фотоаппарат, который мне показывали, когда до меня донесся голос:

— *Masta, ju lajk hu nejn kai-kai?* (Какая имя ты любить завтрак?)

Передо мной стоял темнокожий парень с подносом в руке.

— О небо, какая имя!

Такие обороты мы, бывало, находили в юные годы в романах Джека Лондона. Теперь пришло время услышать их. Я храбро ответил:

— *Sospa bilong kopi, leg bilong pik, plis*³⁶.

И с большим удовлетворением убедился, что успешно сдал первый «экзамен» на «пиджин инглиш». На столе действительно появилась чашка кофе и несколько ломтиков ветчины.

К тому времени я уже усвоил десяток-другой слов этого универсального в районе Тихого океана языка, из которых только слово *gaus* («убирайся») будило во мне неприятные воспоминания. Другие выражения звучали значительно лучше. Так, например, сгущенное молоко называется *strongpela susu*, спальня — *rum slip*, москитная сетка — *klambu*, насекомое — *binatang*, девушка-аборигенка — *meri*, ребенок — *pikinini*, запретный — *itambu*,

ты забыл — *ju losim tink-tink*, глупый, пьяный — *long-long*, маленький, немного — *lik-lik*, разрушенный, сломанный — *bagarap*, большой — *bikpela*.

«Пиджин инглиш» не чуждается и новых понятий. Так, аэродром называется *plejs balus*, холодильник — *bokis ajs*, а стюардесса — *missis bilong balus*. Разговор на этом жаргоне, или *tok-tok* (от английского глагола *to talk*), по мнению знатоков, нетруден, если знать три основных выражения: *Em-nau*, *maski* и *samting nating*.

Em-nau — это универсальное слово-отмычка, которое может означать все и ничего. Можно употреблять его, услышав забавный анекдот, или разбив что-либо ценное, или в том случае, если чья-либо жена изменит мужу. То же самое относится к слову *maski*, означавшему приблизительно «не беда», «это не проблема». Выражение *samting nating*, дословно означающее «что-то ничего», имеет подобное же значение.

Стах неоднократно скрежетал зубами, когда в случае разногласий между нами я обращался к нему, ради языкового упражнения, со следующей фразой:

— *Maski, ju bikpela boi* — какую надо иметь голову, чтобы быть таким *long-long*.

Телефон в джунглях

После завтрака, обвешанные кино- и фотоаппаратами, мы сели в вездеход, чтобы побывать в соседних деревнях. Далеко все равно не удалось бы уехать, так как дороги вокруг Маприка заканчиваются тупиками. Лишь через несколько месяцев предполагалось сдать в эксплуатацию более длинный участок шоссе, соединяющий Маприк с приморским городом Вевак.

Путешествие началось с переправы вброд через некогда золотonosную реку Амугу, после чего перед нами развернулся калейдоскоп поразительно похожих друг на друга деревень, где мы встретили множество жизнерадостных людей и массу детворы.

Днем мы увидели, как строился новый тамбаран. Приблизительно через каждые семь лет эти священные здания отстраиваются заново из-за разрушительного действия влаги и насекомых. Все коренные сваи, как, впрочем, и другие балки, заботливо украшаются резь-

бой и окрашиваются. Аборигены считают, что старые тамбараны теряют со временем силу и их нужно соорудить заново. Так же поступают и со всем содержимым «мужского дома». Время от времени изготавливаются новые комплекты маселаис. Женщинам не разрешают взглянуть даже на использованные предметы культа. Их заворачивают ночью в кору и уносят далеко в глубь джунглей.

Наше прибытие в деревню прервало строительные работы. Когда в ход пошли сигареты, атмосфера потеплела, и молодежь, стремясь показать свое искусство, начала петь и танцевать. После демонстрации нашего, незаменимого в таких случаях магнитофона, начался настоящий праздник. Пошли танцы, песнопения, откуда ни возьмись появились маленькие барабанчики и дудки. Жители деревни надели головные уборы, своей формой напоминающие большие диадемы княжен и изготовленные, на мой взгляд, из окрашенных ивовых прутьев. Этот импровизированный праздник, или, вернее, вечерние посиделки, был тем более кстати, что жители деревни собирались вечером поохотиться на «летучих лисиц».

Так называют огромных летучих мышей, размах крыльев которых достигает двух метров; благодаря ему они считаются крупнейшими летающими млекопитающими в мире. «Летучие лисицы», или *black bokis*, днем спят, повиснув на деревьях, а с наступлением сумерек отправляются добывать пищу. Установив, куда эти животные охотнее всего летают, аборигены прорубают просеку в лесу и развешивают в этом месте сети, сплетенные из луба.

Благодаря таким сетям мы получили возможность ознакомиться с местной системой связи. В деревне, где мы находились, было слишком мало сетей, и хозяева пожелали занять их у соседей. Связь оказалась по-детски простой. В ход пошел *гарамут* — предмет, на который вначале мы не обратили никакого внимания. Это был кусок выдолбленного пня диаметром в один и длиной в два метра. Сверху пня вырезана продолговатая щель, а его округлые бока покрыты тонким резным орнаментом. Ударяя палкой о пень, наши друзья стали передавать таким путем свою просьбу соседям. Разговор лесных «ударников» продолжался довольно долго, но

в конце концов вопрос был улажен, и, когда мы пришли на место, там уже ожидали соседи с дополнительными сетями.

По дороге мы узнали, что гарамуты действуют безотказно, причем на значительных расстояниях. Говорят, каждая деревня в окрестностях и даже отдельные видные особы имеют свои «позывные номера». Таким образом «телеграммы» доходят непосредственно до адресата.

Охота продолжалась долго. Всего было поймано восемь «летучих лисиц», которых извлекали из сетей и добивали палками. Это был, видимо, большой успех, так как руководивший охотой тултул великодушно заявил, что мы принесли им счастье. Следует отметить, что «летучие лисицы» играют в районе реки Сепик большую роль. Некогда их кожу использовали в качестве передничков. Правом носить именно такой фиговый листок обладал исключительно мужчина, добывший голову врага.

Несмотря на неприятный запах, мясо «летучих лисиц» также идет в пищу аборигенов. На недоуменные вопросы белых, зачем они едят столь дурно пахнущую пищу, местные жители со стоическим спокойствием и неотразимой логикой отвечают, что «они едят не зловолие, а мясо».

Я не узнал, какой вкус мяса летучих мышей, подобно тому как несколько недель назад не попробовал свинину в районе Гуари. Помешала опять злосчастная, подгонявшая нас на Острове спешка. Приготовление котлет из «летучих лисиц» должно было занять, как говорили, не менее двух часов. А нам уже пора возвращаться. На рассвете следующего дня предстояло покинуть Маприк в самолете миссии.

В тот вечер произошло еще одно событие. На обратном пути до нас донеслись во мраке звуки, удивительно напоминавшие медленно трогавшийся с места паровоз. Это был, несомненно, рогоклюв, о котором некогда ходили легенды. Говорили, что он в состоянии легко похитить кенгуру или большую черепаху и что размах его крыльев достигает будто бы шести метров. Услышав в темноте этот грохот, я не удивлялся больше представлениям первых исследователей. Теперь установлено, что шум, вызываемый летающими рогоклювами, возникает

вследствие резонирующих воздушных подушек, находящихся под их крыльями.

Рогоклювы обычно целыми часами неподвижно просиживают на верхушках деревьев. Лишь время от времени они взлетают и садятся на какое-нибудь другое дерево. Очень странны повадки этой птицы во время гнездования. Снеся пять-шесть яиц, самка остается сидеть в дупле, а самец доставляет ей через небольшое отверстие пищу. Он приносит ее и после появления птенцов. Таким образом, на самца ложится тяжелое бремя, и по окончании гнездования он бывает совершенно изнурен.

Местные жители охотятся на рогоклювов главным образом в погоне за их мощными клювами, которые охотно используют в качестве оригинальных украшений.

Пилот VH-SHC

Точно в назначенный (неимоверно ранний) час до нас донесся урчащий рокот авиационного мотора, и через мгновение приземлился небольшой самолет с опознавательным знаком VH-SHC. За штурвалом сидел мужчина в расцвете лет, ничем не напоминавший священнослужителя в европейском смысле этого слова. Комбинезон, задорная шапочка, очки, милая улыбка — одним словом, это был брат Джером, доставивший какой-то груз для местной миссии.

Полчаса спустя я сидел рядом с ним и наблюдал, как он готовится к перелету в Тимбунке, находящемся у самого берега реки Сепик, приблизительно в двухстах милях от места ее впадения в Новогвинейское море. В Тимбунке самолет должен был ожидать патрульный офицер Брезертон, которого известили по радио о нашей экспедиции. Он продлил срок своего патруля, чтобы проплыть с нами вниз по реке.

Взлет прошел гладко, хотя миссионер и не позаботился предварительно проверить мотор и рули, как это обычно практикуется при полетах с пассажирами. Брат Джером сразу запустил мотор, дал полный газ, разогнал и поднял машину.

Вскоре кончились поросшие мхом холмы, и мы очу-

гнились над болотами. Через мгновение под нами показалась река. С птичьего полета причудливые извилины Сепика выглядели как впрессованная в зелень блестящая лента. Илистые воды этой семьсотмильной водной артерии проникают, как говорят, на пятнадцать миль в глубь Новогвинейского моря. В мире еще нет исчерпывающих сведений о Сепике и жителях бассейна этой реки, особенно горных его районов. А ведь Сепик имеет такое значение для Новой Гвинеи, как Конго для Африки или Амазонка для Южной Америки.

Эта река была открыта лишь в конце XIX века, и немногие экспедиции немецких ученых в то время получили только весьма скудные данные об этой девственной стране. Первая экспедиция проникла, правда, на четыреста миль в глубь русла реки, однако вследствие враждебного отношения аборигенов смогла совершить лишь две короткие остановки на берегу. Экспедиция дала незначительные результаты. Влияние белого человека в районе реки Сепик начало утверждаться лишь после перехода в 1920 году немецких колоний под управление австралийцев. Однако во время второй мировой войны оно вновь ослабло. В настоящее время население этого района, за исключением небольшого участка близ границы с Западным Ирианом, находится под контролем. Был достигнут также заметный прогресс в борьбе с малярией, значительно улучшилось состояние здоровья местного населения.

Во время полета мы болтали с братом Джеромом о разных вещах, пока наконец он не спросил о нашей национальности.

— Поляки? Это любопытно! — заметил летчик-миссионер.

— Видите ли, — начал пилот, энергично работая рулями, — я не знаю ни слова по-польски, но девичья фамилия моей матери — Бугала, а отец происходил из... пу, оттуда, где был этот гитлеровский лагерь смерти...

— Освенцима? — спросил я.

— Вот именно, оттуда!

Брат Джером не сказал мне больше ни слова, так как наш самолет уже стремительно шел на посадку, чтобы приземлиться на подмокшем аэродроме у строевой затерянной в болотах миссии Тимбунке. Пилот даже не выключил мотор и не вышел из кабины. Он принял

из рук местного священника какой-то сверток, пожал нам руки и сразу же улетел по направлению к Веваку. Долго глядел я вслед исчезавшему в новогвинейском небе самолету. Ведь за рулем его сидел чистокровный, хотя и родившийся в Америке, поляк.

Мои размышления прервал мистер Брезертон. Он с нетерпением ожидал нас, так как имел какое-то срочное дело на трассе. Несмотря на приглашение местного священника, мы бросили только беглый взгляд на миссию, где внимание привлекал стоящий у небольшой церкви украшенный резьбой столб, и направились к реке. Шаги наши оживили тучи комаров, которые сразу же бросились в атаку.

Плоскодонный открытый понтон с солидным подвесным мотором (*путт-путт*, как прозвали эту махину аборигены) оказался для нас, пользующихся попутными судами, чрезвычайно удобным средством передвижения по большой реке. Его быстрый ход не давал возможности комарам спокойно осуществлять свои гнусные замыслы. Если бы не кратковременные дожди, путешествие было бы, право, вполне приятным.

— Комары — это проклятие здешних мест, — рассказывал патрульный офицер. — Я лично предпочел бы встретиться с ягуаром на Амазонке, чем с этими местными тварями. У устья реки, в Ангораме, москиты еще крупнее.

— Ангорам — это место, куда мы направляемся? — кисло спросил я.

— Не беспокойтесь, — засмеялся офицер, — у меня есть запасные сетки от комаров. Здесь на Сепике мы обычно рассказываем новоприбывшим следующий анекдот о двух местных комарах. Однажды два комара похитили маленького мальчика и в воздухе размышляли о том, куда полететь, чтобы сожрать его. «Может быть, в Ангорам?» — спросил один. «Ты с ума сошел, — ответил другой, — ведь там водятся эти огромные комары, они могут отнять у нас мальчика».

Капризный фарватер реки вынуждал понтон петлять, что неизменно удлиняло путь. Если идти по прямой, то расстояние составило бы около двухсот миль, но в действительности длина Сепика почти в четыре раза больше. Время от времени мы проплывали мимо столь характерных для него унесенных течением целых

участков суши с цветами, деревьями и птицами. Низкие, болотистые берега, поросшие травой *пит-пит*, сахарным тростником, банановыми деревьями и саговыми пальмами, не представляли особо живописных ландшафтов. Однако здесь было далеко не столь мрачно, как у реки Кикори.

Берега Сепика довольно густо заселены. Свидетельствовали об этом селения, разбросанные на небольших возвышенностях, и множество сновавших по реке лодок-однодеревок. Как правило, они были украшены изображением головы крокодила. Встречались нам также большие плоты с продуктами.

Из рассказов Брезертоня следовало, что население бассейна Сепика находится постоянно в движении в поисках пищи. В ближайших к селениям окрестностях уже давно нельзя найти достаточного количества съестных продуктов. Местные жители непрерывно занимаются поисками саговых пальм, создают новые делянки для возделывания ямса, выискивают подходящие места для ловли рыбы. Они ищут также лес для лодок и ритуальной резьбы.

Основной продукт питания жителей бассейна Сепика — *сак-сак* (саговая мука), кроме того — ямс, сахарный тростник, бананы, рыба и значительно реже — свиньи и крокодилы. В этих местах едят также некоторые корни кустарников и других растений, а также плоды определенного сорта водных лилий. Нелегка жизнь обитателей Сепика. В то же время их материальная культура и искусство стоят на высоком уровне.

Те, кто топчет крокодилов

Причаливаем к примитивной пристани на правом берегу реки. Деревня Тамбунум. Прямо на берегу — высокая, характерной формы хижина, увенчанная маленькой человеческой фигуркой на башенке. Несколько ниже — огромная, выразительная маска из коры, а сверху — полукруглый козырек. Весь фронтон этой хижины на сваях покрыт искусной фреской из выстриженной циновки. Красочные пучки трав и диковинная бахрома сделали бы честь любому этнографическому музею.

Лулуаи с достоинством приветствует гостей. Появ-

ляется также европеец — начальник медицинской службы. Это с ним мистеру Брезертону необходимо уладить какие-то дела. Однако деятельность администрации меня не очень интересует.

Все дома в деревне построены на сваях. Высокие воды Сепика не представляют для них опасности. Селение блещет чистотой. Тщательно подметенные тропинки, разветвляясь, ведут к многочисленным домам. По-видимому, здесь проживает по меньшей мере несколько сот человек. Окруженные детворой, мы следуем от хижины к хижине. Здесь никто не порывается нас угостить, предложить кокосовый орех. И не мудрено — продовольствие не так-то легко достать.

Сразу видно, что Тамбунум — селение истых художников. Почти у каждого дома лежат бревна, кое-где частично уже обработанные. На наших глазах один из жителей вырезает деревянный диск для овальной маски с очерченными по-сатанински глазницами. Художник не пользуется никакой моделью, работает по наитию. Удивляет уверенность движений. Быстрые удары примитивного резца не допускают никаких исправлений.

Следующие два дома — подлинная выставка произведений искусства. Десяток-другой готовых масок, изготовленных приблизительно в одном и том же стиле. Но что за творческая изобретательность! Какая находчивость! Сотни мелких раковин образуют брови, веки. Две более крупных удачно имитируют закрытые глаза. Почти на всех масках — характерные комбинации мелких раковин, изображающих скуловые кости. Нужно быть многоопытным этнографом, чтобы в этой сложной символике обнаружить следы старых мифов. Одни маски искусно покрыты фиолетовой или кирпично-красной краской. Другие, наполовину выкрашенные белой, напоминают лица цирковых клоунов.

Подходим ближе к берегу реки. Там строится новый тамбаран. С недоверием гляжу на огромный столб, поддерживающий всю эту конструкцию. Он весь покрыт барельефами. Жалею, что не присутствовал, когда его вкапывали в землю. Бревно столь массивно, что ни один инженер не взялся бы установить его без помощи подъемного крана или полиспаста. И тем не менее столб стоит. Одни аборигены поддерживают огромную балку, подтягиваемую с помощью канатов. Другие — подpira-

ют груз палками. Подмости, лестницы — все сколочено без единого гвоздя, все связки сделаны из полосок коры. Изобретательность местных строителей поражает.

Какой-то пузатый малыш сует мне в руки предмет, похожий на орех. На нем вырезано лицо, украшенное инкрустацией и мелкими перьями казуара. Кладу монетку в ручку темнокожего мальчика. С этого момента у меня не было отбоя от мальчишек, предлагавших подобные орехи. Хотя ни одному из них, пожалуй, не больше пяти лет, все они умеют делать такую резьбу, причем лица на орехах разные, выражают то печаль, то радость. Значит, не погибли традиции местного искусства, у него есть достойные преемники.

Под одной из хижин сидит пожилой человек. За деревянный браслет на руке заткнута костяная кисточка. Как говорил Брезертон, такой предмет служит в этих краях для счета. Сколько черточек — столько убитых врагов. У деда невозмутимый вид, однако я насчитал на кисточке... одиннадцать зарубок. Никаких украшений у старого воина нет. Зато над его головой висит... японский велосипед. Но это, видно, уже имущество его внука.

Один из гостеприимных жителей Тамбунума приглашает меня зайти в его хижину. Взираясь по лестнице, глаза с трудом привыкают к мраку, царящему в помещении. Оно почти пусто — вижу лишь маску, немного трав, циновки и большую, как бы расколотую глиняную вазу для высушенных лепешек из саговой муки. В углу на деревянном полу какой-то ящик, напоминающий собачью конуру.

— Какая имя? — спрашиваю, указывая пальцем.

— Кламбу (сетка).

Значит, комары у Сепика кусают не только новичков. Сетка от москитов — древнейшее изобретение.

К большому удовольствию хозяина забираюсь, не раздумывая, внутрь и закрываю густой плетеной сеткой входное отверстие. Свет сюда не проникает. Невыносимо душно. Скорее выбираюсь наружу. Как только выдерживают здесь ночью целые семьи? Еще раз гляжу на плетеную сетку, растянутую на бамбуковых прутьях. Нужно адское терпение, чтобы из растительных волокон сплести столь густую ткань.

Видно, в недобрый час поинтересовался я москитной

сеткой. На дворе все буквально гудело от комариных крыльев. Одного хлопка ладонями было достаточно, чтобы умертвить несколько сотен кровожадных насекомых. К счастью, вскоре явился Брезертон, и мы отправились с ним в мужской «клуб». Под навесом без стен пылал костер. Комары здесь уже не так досаждали. Пришли начальник медицинской службы, тултул, лулуаи и сельские старейшины. Близ центрального столба навеса виднелась резьба, наполовину замазанная черной краской. Тултул на ломаном английском языке начал рассказывать нам местный племенной миф.

Резьба изображала легендарного Туата-воина, одна половина которого была каменной. Это делало его непобедимым, так как, сражаясь, он подставлял под удары каменную половину тела, и враги были бессильны поразить его.

Я невольно подумал, что сегодня, в эпоху бронебойных снарядов Туату вряд ли удалось бы защитить себя. Из рассказа тултула вытекало также, что люди с Сепика издавна сражались парами. Пары состояли из копьеносца и невооруженного щитоносца, который не участвовал в бою, а только охранял своего товарища. Жизнь обитателей этого речного района пронизывает магия. Во время былых сражений на боевой ладье помещали обычно маску, изображавшую одного из предков. Если вражеское копьё или стрела попадали в такую маску, ладья тут же возвращалась, пусть даже никто из находившихся в ней воинов не был ранен.

Тултул продолжал бы, наверное, свой рассказ, если бы в расположенных поблизости кустах неожиданно не раздался какой-то шелест. Тултул начал на кого-то громко кричать.

— Видно, дети,— шепнул мне Брезертон.— Старичок рассердился и начнет теперь репрессивные действия. Мальчикам до обряда инициации запрещено приближаться к навесу. Видите эти два продолговатых, вертикально установленных камня? Они обозначают дозволенные границы для детворы. Когда-то на эти камни воины водружали головы поверженных ими врагов.

Тем временем тултул достал висевшую на столбе огромную маску с приклеенной к ней длинной бородой из трав. Старик, вероятно, в прошлом шаман деревни Тамбунум, надел маску, словно плетеную корзину, и пошел

по улицам деревни, сопровождаемый звуками дудки, в которую заиграл один из старейшин.

— Дудка — это голос предка. Теперь он будет пугать и поучать мальчуганов, — шепнул Брезертон.

Тултул в маске вышел на деревенскую улицу. Первый малыш, который его увидел, остановился как вкопанный. Маска долго раскачивалась перед ним, чему-то поучала его, и видно было, что карапуз перепуган не на шутку.

Тултул пошел страшить других мальчиков, а мы поспешили к костру. Комары кусали немилосердно.

Ночь мы провели в деревенском «доме отдыха», который администрация обязывает аборигенов строить в каждой более или менее крупной деревне. Мистер Брезертон извлек ужин из жестяного ящика, который принесли из понтона.

На рассвете мы отправились к реке. Шли несколькими путями, чем накануне. По дороге наткнулись на тщательно огражденное маленькое болотце, в котором лежали два крокодила, казавшиеся спящими.

— Это естественная кладовая. — пояснил Брезертон. — Местные жители редко убивают всех этих рептилий сразу. Их мясо быстро испортилось бы... А так крокодилы сами заботятся о себе. Здесь, у Сепика, охота на крокодилов ведется довольно своеобразно... — тут офицер сделал паузу.

— Расскажите подробнее, пожалуйста.

— Итак, здесь водятся два основных вида крокодилов. Ближе к устью реки попадаются соленоводные, выше — пресноводные. Когда уровень воды падает, а болота подсыхают, пресноводные крокодилы зарываются группами в ил и становятся менее живучими. И вот тогда начинается самая опасная охота, какую я вообще знаю.

Выстроившись цепью, аборигены бродят порой по шею в воде, стараясь набрести на крокодила. Когда одному из них это удастся, он созывает остальных. Потом осторожно пытается нащупать голову крокодила. Затем наступает самая трудная часть охоты. Абориген ныряет и нажимает как можно сильнее на глазницы животного большими пальцами рук. Подвергшийся нападению кро-

кодил — это известно по опыту — притворяется мертвым, пока не почувствует боль в глазах. Задача остальных состоит теперь в том, чтобы вытащить из воды рептилию вместе с охотником. Если они замешкаются и их товарищу не хватит воздуха, дело заканчивается чаще всего трагически. Не спастись также и тому охотнику, который случайно наткнется на соленоводного крокодила.

— Что касается меня, то я знаю более приятные способы самоубийства,— заметил я после некоторой паузы.

— Однако именно такой фокус часто удается. Лучшее свидетельство тому — данная пара крокодилов.

Говмена (правительственный чиновник), которым был Брезертон, пришел проводить на берег лулуаи в сопровождении старейшин. Мы уже уселись все на понтоне, когда тултул кинул нам гроздь бананов. Патрульный офицер сразу же вновь вылез на берег и вручил жертвователю несколько шиллингов.

— Мы строго соблюдаем правило всегда платить за продукты,— пояснил он, вновь усаживаясь на место.

Путт-путт заревел во всю мощь, и мы вышли на стрежень реки.

Я покидал деревню Тамбунум, восхищенный местными жителями. Они были, возможно, менее статными, чем люди Западного Нагорья, и менее нарядными, зато отличались трудолюбием и мужеством. Повсюду их окружали предметы искусства. Каждая хижина, лодка, копье, предметы домашнего обихода — все это было красиво украшено. Рослые горные племена уделяли больше внимания нарядам, а эти люди, живущие у Сепика, заботились о всей окружающей их среде. С любопытством ожидал я встречи с их соседями. Понтон тем временем плавно скользил по извилистой реке.

Торговля замужними женщинами

Мы определенно недооцениваем народы Океании. Те, из них, кого самонадеянные европейцы склонны считать дикарями, ухитряются из кусков дерева, раковин и растительных красителей мастерить чудесные маски и резьбу. Из скудных даров, которые преподносит им окру-

жающая среда, эти неприметные люди способны извлекать средства к существованию и, сверх того, бескорыстно создавать красоту.

Если бы кто-либо из белых, попав на тропический, заросший джунглями остров, совершенно голый и одинокий, был бы вынужден самостоятельно изготавливать все, что необходимо для жизни, он счел бы такую задачу невыполнимой. Однако для местного населения рубка деревьев, постройка лодок, создание оружия и добавок украшение всего этого — лишь частица жизни. Так называемый «дикарь» умеет искусно ткать, красить, возделывать землю, ловить рыбу, птиц и зверей. Он знаком и с астрономией, так как должен ориентироваться, каким курсом вести ночью свою ладью; он и историк своего племени, топограф, канатчик, поэт, воин, оратор, а также ваятель, архитектор, зоолог и ботаник.

Всевозможные работы он выполняет отлично. Вряд ли можно встретить в районе реки Сепик примеры небрежного отношения к делу. Каждый изготовленный жителями предмет превосходен, повсюду его можно было бы отметить «знаком качества». Нужда оказывается наилучшим средством технического контроля. Терпение, прилежание, ловкость, отвага и художественный вкус — вот качества, которым мы, белые, должны учиться у «дикарей», осуществляющих свою многостороннюю деятельность в условиях нередко полуголодного существования.

Наша лодка без особых затруднений преодолевала причудливые излучины реки. Палящее солнце, которое светило то с одного борта, то с другого, покрывало загаром лица. Временами мы плыли в течение четверти часа по несколько раз в противоположных направлениях. Наш путт-путт отлично справлялся со всеми затруднениями. Подчас было просто жалко смотреть на утлые, плывущие против течения лодки, управляемые натруженными руками гребцов.

Вскоре мы оказались у места впадения реки Юат в Сепик. Поблизости находились большие поймы, на протяжении целых километров покрытые листьями водных лилий. Зеленые чаши с подогнутыми вверх краями легко удерживали по несколько копошившихся над водой птиц. По примеру аборигенов мы отведали немного зерен, содержащихся в плодах этих растений. Однако

такая пища не доставила мне никакого удовольствия. Видно, полуголодное существование и сформировало своеобразно сложившиеся обычаи в деревне Камбарамба, куда мы прибыли пополудни. Это селение напоминает Венецию, естественно, довольно примитивную, со своим Большим каналом и стоящими в воде на сваях бамбуковыми «дворцами». В то же время это — нечего греха таить — и дом терпимости на большой реке. Ибо в Камбарамбе моряки испокон века покупают ласки замужних женщин. Подоплека здесь весьма проста. Земля вокруг деревни не поддается возделыванию, мало саговых и кокосовых пальм. Пропитания для населения, насчитывающего около шестисот человек, не хватает, а поэтому... мужчины вынуждены предлагать путникам своих жен, чтобы добыть средства к существованию.

Но замужняя женщина ни в коем случае не продает себя сама. Все сделки совершаются при посредничестве ее мужа. Однако до замужества девушка в Камбарамбе должна сохранять девственность.

Мы медленно плыли вдоль главной улицы. С вполне понятным любопытством глядел я на эту деревню со сложившимися многовековыми традициями. С борта лодки были видны занимающиеся починкой сетей рыбаки, а также женщины, которые ловили крабов. Камбарамба ничем не отличалась от других деревень, расположенных у большой реки, в которых мы побывали. Жители были столь же горды, как и их соседи, а женщины — не менее привлекательны. По берегу носились красивые дети. У причалов стояли искусно украшенные лодки.

На здании совета деревни снова вижу плакаты, призывающие избирателей к участию в выборах, которые должны вскоре состояться. Для нас это мрачное напоминание, так как, вступив на территорию Острова, мы дали властям обязательство покинуть ее не позднее начала выборов. Мы со Стахом много раз размышляли об этом строгом условии, но так и не могли понять его причину.

В Камбарамбе ни о каких прогулках не могло быть и речи. Нашим личным островком стал очередной заезжий дом, и только на четверть часа нам удалось проехаться в лодке, чтобы поглядеть на нырявших за крабами девушек.

Укладываясь спать, расспрашиваю о мерах, принимаемых австралийской администрацией в вопросе, стяжавшем Камбарамбе сомнительную славу.

— Установили же вы на реке врачебно-гигиенический надзор и справились с малярией.

Мне ответили, что уже издавна прилагаются усилия, чтобы ликвидировать в деревне это традиционное «ремесло». Но пока безуспешно. Жители селения, как говорят, с олимпийским спокойствием приводят в свое оправдание следующий довод: «Коль скоро говмены велют платить налоги, мы не можем отказаться от единственной деятельности, которая приносит нам доход».

Засыпая под плеск окружающей хижину воды, я думал что вряд ли нас сочли за солидных клиентов. Ведь нам не сделали никаких предложений. Или, быть может, здесь не любят блондинов?

Диковины большой реки. Тамбараны, маски, крокодилы... А теперь еще и водные стрекозы.

На пристани в Ангораме, близ фактории «Кровавый пират», мальчишки сидят над водой и с хлопущими в руках охотятся за огромными стрекозами. Сверкают на солнце хитиновые, достигающие в размахе пяти сантиметров крылышки. Редкие удары всегда метки. Поверженная стрекоза тут же исчезает... во рту маленького охотника. Слышится хруст прозрачных крыльев, и охота начинается заново. Всюду, где мне только приходится бывать, я с удовольствием пробую местные блюда, но на этот раз не испытываю никакого желания полакомиться. Будь они хоть печеными, как термиты... Но сырыми... право, не решаюсь.

В Ангораме проживают почти две тысячи человек, в том числе довольно большая колония европейцев из шестидесяти человек. Есть маленькая гостиница, есть пиво и радио. Приходится даже переодеваться к ужину. Надев измятую в вещевом мешке сорочку, устраиваюсь у радиоприемника...

Чиновник местной администрации не очень точно знает, где находится Польша. Я разъясняю и мы выплаваем по кружке пива. Поданное прямо из холодильника, оно превосходно.

За следующей кружкой чиновник рассказал мне слу-

чай, происшедший несколько лет назад с австралийцем Эдвардом Макдональдом, представителем правительства в расположенной неподалеку от Ангорамы местности Амбунти. На находившемся в его ведении участке служил проводник, абориген-полицейский. Он имел любимую собаку. Однажды ему пришлось отправиться в дальний путь, и собаку передали его товарищу. Однако, когда владелец вернулся, новый опекун не проявил ни малейшего желания вернуть собаку обратно. Дело было передано на рассмотрение Макдональда, который попытался вынести «соломоново решение». Поместив обоих полицейских в одну комнату, он потребовал, чтобы они одновременно позвали собаку. Та сразу же подбежала к новому владельцу, и Макдональд присудил ее ему.

В ту же ночь первый полицейский застрелил спавшего под москитной сеткой Макдональда, а затем вскарабкался на пальму и, спрыгнув с ее верхушки, попытался покончить жизнь самоубийством, но лишь сломал ногу. Убийца был схвачен, осужден и повешен.

В Ангораме существует некое подобие «Цепелии»³⁷, конторы и склады которой помещаются в старом тамбаране. Аборигенов долгое время обманывали всякого рода торговцы, скупая за бесценок произведения их искусства. Маска из района Сепика или роспись на древесной коре стоит в Нью-Йорке сотни долларов. Здесь же, на месте, их приобретали за несколько пачек табака или стальной нож. Администрация решила повести с этим борьбу. Был создан кооператив. Теперь местные жители работают на скупку, однако цены за их изделия все еще невысоки.

В этом большом здании немало дешевых массовых изделий, но попадаются и старинные предметы, произведения прежних мастеров. Но даже на них цены вполне доступны. Какой-то молодой человек вертится перед зданием. Там хранятся бревна с нанесенной на них красивой резьбой. Это лавочник из Сиднея. Как-то не верится, что он увлекается искусством Сепика.

Возвращаясь в гостиницу, еще раз оглядываюсь назад. Заходящее солнце подчеркивает выразительность большой маски на фронте тамбарана. Удивительно, как это американцы не успели еще купить все здание. Оно, бесспорно, прекрасно. А, может быть, именно поэтому и не купили?

Прощаемся с Сепиком и совершаем короткий перелет в Вевак. Справа с борта самолета виден ровный конус действующего вулкана на острове Манама. Там, в дымящемся кратере, согласно верованиям обитателей нижнего Сепика, пребывает всемогущий бог Пекойа. Это он в незапамятные времена, когда весь мир был покрыт илом и водой, развел на маленьком клочке земли все существующие ныне над рекой саговые пальмы, травы и свиней. Благодаря ему же из ила произошли два брата (один из них был женат), и этим было положено начало человечеству...

НЕБЕСНЫЙ ОСТРОВ

Самолет летел над ультрамариново-синим Новогвинейским морем. Четверть часа назад, стартовав из Вевака, мы покинули «Большую землю». В административном отношении ничего, правда, не изменилось, поскольку острова Адмиралтейства, как и вся остальная часть архипелага Бисмарка, входят в состав Папуа Новой Гвинеи. Но под нами расстилался теперь совершенно иной островной мир. Тут и там виднелись утопавшие в голубых бороздах волн рогалики безлюдных рифов, островки с одной или несколькими пальмами, рогатые паруса лодок, атоллы и лагуны. Голубизна под нами и над нами. Райский, казалось бы, уголок света. Природа старалась из всех сил, но все испортили люди...

«Благодеяния» цивилизации

Архипелаг Бисмарка, как и не очень отдаленные от него Новые Гебриды и Соломоновы острова, издавна снискал себе плохую славу. Когда же в эти края проникла цивилизация, то стало... еще хуже.

Так, прежде всего белый человек заинтересовался сандаловым деревом. Пионером в этой области на Коралловом море стал авантюрист Джеймс Эйкен. На своей шхуне он перевез тридцать тонн этого пользующегося большим спросом дерева из Фиджи в Сидней и, продав его, нажил состояние. Этот ставший историческим рейс развязал подлинную «сандаловую горячку». Различные подонки общества — ссыльные преступники, беглецы с

кораблей и т. д.—разбрелись по всем островам в поисках ценного дерева. Строительство небольших шхун переживало в Сиднее небывалый расцвет. На островах Луайоте, Соломоновых и Новых Гебридах сандалового дерева было вдоволь, а островитяне не отдавали себе отчета в его ценности. Они охотно собирали бревна и обменивали их на железный лом и другие бросовые предметы. Никаких правил, регламентирующих эту «торговлю», разумеется, не существовало, и банды белых жуликов, пробиравшиеся на коралловые острова (сандаловые деревья росли повсюду), попросту расхищали драгоценные бревна, убивая не только аборигенов, но и своих конкурентов.

Типичным примером взаимоотношений, создавшихся в «эпоху сандалового дерева», может служить Эроманга, один из островов в архипелаге Новые Гебриды, откуда белые торговцы вывезли в начале XIX века сандалового дерева на общую сумму в семьдесят тысяч фунтов стерлингов. Около 1830 г. на Эромангу отправилась целая армада кораблей, команды которых насчитывали в общей сложности пятьсот человек. Аборигенов прогнали в глубь острова, на берегу соорудили укрепления, и срубили все сандаловые деревья. Каждого попадавшегося на пути местного жителя белые бандиты убивали. Многие из грабителей, правда, сами погибли от отравленных стрел оборонявшихся аборигенов, но их товарищей это мало трогало: гибель каждого увеличивала долю остальных в огромных барышах.

«Операция Эроманга» оставила на острове неизгладимые следы. Его жители объявили белым беспощадную войну. Они нападали на каждую приближавшуюся к острову лодку и убивали всех, кто попадался им в руки. За грехи жестоких спекулянтов платили головой в течение многих лет люди, терпевшие кораблекрушения в этих местах, и миссионеры. Наученные горьким опытом, жители Эроманги люто расправлялись с пришельцами.

С течением времени по мере сокращения ресурсов сандалового дерева на островах торговцы прибегали ко все более коварным способам его добычи. Они не останавливались даже перед тем, чтобы продавать аборигенов с одного острова на другой, где жили их враги.

Неизбежным результатом безрассудной, грабитель-

ской эксплуатации сандаловых лесов на островах Кораллового моря было полное их истребление, что положило конец «торговле». Эпоха эта, не столь от нас отдаленная, породила жгучую ненависть к белому человеку у обитателей всех пострадавших островов.

Торговля древесиной не была, однако, самым постыдным занятием, с которым белые выступили перед нецивилизованными отравитянами. После «эпохи сандалового дерева» вскоре наступила «эпоха охотников за рабами».

Сомнительные лавры пионера в этой области принадлежат австралийцу Бену Бойду, который во второй половине прошлого столетия вознамерился основать в Австралии собственное государство. С этой целью он разослал по всем морям вербовщиков, которые начали привозить в Австралию меланезийцев. Его примеру спустя десять с лишним лет последовал капитан Роберт Таунс из Квинсленда, в честь которого благодарные соотечественники назвали один из городов Таунсвиллом. В тропических условиях Квинсленда физически выносливые жители прибрежных районов Новой Гвинеи, Соломоновых и других близлежащих островов оказались хорошими работниками на плантациях хлопка, табака, сахарного тростника и кофе. Вербовка аборигенов, завуалированная видимостью юридических договоров, сводилась, по существу, к похищению островитян всеми мыслимыми способами. Кровавые ухищрения и уловки, к которым прибегали похитители, вызывали, в свою очередь, немало ответных действий.

Работорговцы не брезговали никакими средствами. Они торжественно шагали по палубам своих шхун, задрапированные в простыни, имитирующие стихари, раздавая листки, вырванные из старых книг. Один работорговец, стремясь как можно естественнее подражать миссионерам, обзавелся даже фисгармонией. Когда он прибывал на уединенный остров и местные жители толпой собирались на палубе, его люди бросались на них и, угрожая палками, загоняли в трюм. Затем закрывали люки, и шхуна уплывала, чтобы повторить ту же операцию в другом месте, или же придумывали какой-либо другой подвох. Жестокие работорговцы без зазрения совести выбрасывали за борт детей и стариков, «не представляющих рыночной ценности». Если не удавалось за-

манить аборигенов на палубу, охотники за рабами нападали на их лодки в море и вылавливали людей из воды.

Торговцы рабами на Коралловом море шли на любую подлость, чтобы добиться своей гнусной цели. Одним из таких способов была «помощь», оказываемая аборигенам в охоте за черепами. Среди многих племен на Новой Гвинее и Соломоновых островах существовал обычай, согласно которому молодой мужчина, чтобы стать полноправным воином и получить право жениться, должен был доставить сперва в свою деревню голову другого воина. Учитывая это, работорговцы перевозили молодых мужчин на уединенные острова, жители которых, не знакомые с подобными обычаями, становились легкой добычей пришельцев. Затем «новопосвященных» возвращали на их собственные острова, где те в уплату за оказанные «услуги» добывали определенное количество сильных рабов. Зачастую белые привозили на острова собственноручно добытые ими головы для обменной торговли. Высушенные головы островитян в прошлом были в Сиднее побочным предметом торговли.

Небольшое количество патрульных военных кораблей пыталось воспрепятствовать преступным действиям охотников за рабами. Однако они были не в состоянии радикально пресечь это зло; к тому же австралийские суды в те времена не торопились выносить обвинительные приговоры. Пойманные с поличным негодяи с улыбкой покидали залы судебных заседаний в Сиднее, осужденные за преступления, за которые в других местах их вздернули бы на виселицу. Сегодня трудно определить масштабы, каких достигла торговля рабами, похищенными с островов Южных морей. Известно, что с 1863 до 1904 года с островов Кораллового моря было доставлено в Квинсленд около шестидесяти тысяч аборигенов. Из них пятнадцать тысяч скончались там в сравнительно короткий срок. Рабов привозили главным образом с Новых Гебридов, Соломоновых островов, Луизиады, Новой Ирландии, Новой Британии и с островов Торрессова пролива. С архипелага Бисмарка их доставили такое множество, что владевшие тогда этими островами немцы запретили вывоз людей, но отнюдь не из гуманных побуждений, а ради сохранения рабочей силы для плантаторов-немцев.

Торговля рабами с островов Меланезии была ужасающим делом. Она привела к резкому сокращению на них населения. С Новых Гебридов было вывезено так много аборигенов, что для работы на местных плантациях французам пришлось впоследствии привозить тонкинцев, а европейские плантаторы на Фиджи начали ввозить индийцев. По сей день на этих островах больше пришельцев из Индии, чем коренных жителей. Память о позорном ремесле охотников за рабами жива на Коралловом море до сих пор.

Впоследствии на эти острова Меланезии обрушились все ужасы второй мировой войны. Появились военные корабли, пушки, самолеты, а руководившие всем этим цивилизованные люди из далеких стран устроили друг другу кровавую баню.

Во время последней войны архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова (включая пресловутый Гуадалканал) были японским форпостом на тихоокеанском театре войны, и союзники потеряли много тысяч солдат всех родов войск, чтобы сломить его и бить японцев на их собственной территории. В одном только сражении на Новогвинейском море в начале марта 1943 года Япония потеряла двенадцать военных кораблей и свыше трех тысяч солдат. Часть из них сумела доплыть до берега, но и их вскоре настигла смерть. Глядя на безумие, охватившее цивилизацию, островитяне возобновили охоту за черепами. Самой мощной японской крепостью, которая практически никогда не была непосредственно захвачена союзниками, был в этом регионе Рабаул, куда сейчас и направлялась наша «Дакота».

Летели мы по большому кругу рейсовым самолетом, которому предстояли посадки в Лоренгау на острове Манус и в Кавиенге на острове Новая Ирландия. Об этих местностях можно было бы, пожалуй, рассказать немало, если бы удалось побывать там. Но нелегко писать репортаж с австралийской военно-морской базы на острове Манус, если наш самолет заправлялся там горючим всего двадцать минут.

В то же время нельзя не вспомнить, что именно в Лоренгау, местности, называвшейся в эпоху немецкой оккупации Зееадлер-Харбор, произошел один из необыкновенных эпизодов, которыми изобиловала вторая ми-

ровая война. В то время Зееадлер-Харбор был выдвинутой к японским позициям военно-морской базой США. От Рабаула, главной японской базы, его отделяло меньше четырехсот миль.

Во второй половине октября 1944 года на острове Манус было сосредоточено около тысячи (!) морских судов, причем вся эта армада готовилась к решающему удару по японцам. В конце октября в проливе Суригао на Филиппинах при участии этих сил произошло одно из крупнейших морских сражений в истории.

В начале ноября, когда сражение уже закончилось, в состав флота, стоявшего на якоре в Зееадлер-Харборе, входило еще двести разного рода главным образом вспомогательных кораблей (военно-транспортные суда, плавучие доки, танкеры и т. п.). Посреди этой эскадры, вопреки элементарным правилам безопасности, стоял на якоре нагруженный до самых верхушек мачт взрывчатыми веществами транспорт «Маунт-Худ».

Американский флот на острове Манус был, естественно, лакомой приманкой для зачастивших туда разведывательных японских самолетов. Такой визит они нанесли, в частности, 9 ноября. Около восьми часов утра над островом был замечен японский самолет-разведчик, а затем очень низко летевший бомбардировщик с американскими опознавательными знаками, эскортируемый двумя истребителями.

Буквально через несколько секунд в Зееадлер-Харборе начался ад кромешный. Там, где стоял на якоре «Маунт-Худ», взвилась к нему молния, а через мгновение раздался потрясающий взрыв. Четыре с половиной тысячи тонн взрывчатки взлетели на воздух. От «Маунт-Худ», кроме стальных осколков, которые серьезно повредили около тридцати стоявших рядом судов, осталось лишь несколько листов из тетради сигнальщика. А на месте, где стояло злосчастное транспортное судно, глубина дна увеличилась с двенадцати до двадцати восьми метров. Все триста пятьдесят человек команды погибли, а с палубы соседнего корабля «Минданао» смело взрывной волной всех работавших на ней матросов. Многие члены команды, находившиеся в трюмах судна, также погибли: даже стальные борта их не уберегли. Общее число убитых и раненых в Зееадлер-Харборе достигло тысячи человек.

Через четыре часа после взрыва на «Маунт-Худ» токийское радио сообщило, что «на острове Манус взорван американский корабль», и указало его название, неопровержимо доказав, что японцы были хорошо информированы. Несмотря на все факты, свидетельствовавшие о том, что трагедия на «Маунт-Худ» была делом рук японцев, американские власти после продолжавшегося целый месяц следствия заявили: «Причина взрыва не установлена».

С нами, однако, на острове Манус ничего катастрофического не приключилось, если не считать раздавленного экземпляра чудесной зеленой раковины, встречающейся только на этом острове. Но и эта потеря обошлась всего в десять центов. Старт самолета прошел благополучно.

На «Дакоте» было немало пассажиров, сидевших на жестких скамейках вдоль стен, как на военно-транспортном самолете, а посередине лежала груда поклажи, закрепленная сеткой. Итак, вряд ли это был флагман крупной австралийской компании воздушных сообщений, как его в шутку называл веселый толстяк мистер Браун, почитавший своей святой обязанностью забавлять всех попутчиков. Ко мне он воспытал особой симпатией. Рассказывал о разных, преимущественно мрачных, военных происшествиях.

— Знаете ли вы, милостивый государь, — гремел толстяк, — что такое культ *карго*.

Когда я сказал, что точно не знаю, он явно обрадовался.

— Так знайте, что этот культ доконает нас, европейцев. Это почти то же самое, что освободительное движение в Африке. Он вытекает из старых верований островитян в духов и черную магию, а также из незнания ими простейших производственных процессов. В их представлении брюки, автомобили, сладости, а также пиво берутся прямо с неба или моря. Оттуда же происходят острейшие топоры, оружие, которое убивает с громким треском, и многие другие неизвестные им вещи. Они знают, что белые, повелевающие всеми этими чудесами, достают их, выписывая какие-то бумажки или произнося несколько слов в какой-то черный ящик. Все это в представлении аборигенов — магия. Отсюда только один шаг к простейшему вопросу в мире: почему

у белых есть все, а у нас нет ничего? Вера в духов подсказывает им, что все продукты присылают из потустороннего мира предки, и они адресованы островитянам. Однако белые нагло перехватывают все им причитающееся, попросту обкрадывая их. Зачастую в каком-нибудь племени появляется вождь, провозглашающий, что приближается Великий день, когда, по его словам, появится посылка от предков. После этого сразу же прекращается всякая работа. Жители деревни не ухаживают больше за свиньями, так как предки, дескать, пришлют более крупных животных; не возделывают землю, считая это теперь ненужным; порой вырубают даже бананы, ибо предки доставят деревья, которые будут давать лучшие плоды. В деревне зачастую вкапывают в землю столб, имитирующий антенну радиостанции, ставят письменный стол, за которым аборигены «пишут» весь день на клочке бумаги. Порой они сооружают из палок неуклюжий макет самолета. Когда все, что необходимо по мнению островитян, сделано, племя ждет эскадрилью транспортных самолетов (если дело происходит в глубинном районе) или просиживает над берегом моря, высматривая «большой каноэ» с вождельеными сокровищами. Самый печальный результат культа карго — зачастую полное уничтожение посевов, поголовья свиней, съестных припасов. Целые недели пустых фантазий и безделья катастрофически отражаются на экономической жизни племени.

— А как реагирует на это правительственная администрация? — спросил я.

— Что ж, правительство делает все возможное. Возили островитян даже в Сидней. Показывали, объясняли им, что из чего делается. Проводили целые экскурсии на фабрики, заводы, склады, в магазины. Но в итоге все это оставалось для них просто чарами. Ведь в представлении людей, не понимающих значения денег, получение конкретного предмета за кусок отпечатанной бумажки — не обменная операция, а магический акт. А что здесь творилось перед выборами в палату Ассамблей в 1964 году!

— Расскажите, пожалуйста, — попросил я, надеясь, что, быть может, этот толстяк поможет мне понять, почему срок нашей визы заканчивается как раз в день новых выборов.

— Ну, так представьте себе... Впрочем, погодите. Сперва должен вам рассказать, что здесь происходило еще в 1963 году, когда Организация Объединенных Наций склонила Австралию как своего опекуна провести выборы. Вот была потеха, но одновременно и адская работа. Вы уже немало насмотрелись у нас. Так скажите на милость, может ли абориген с горного Кикори понять, что такое парламент и чего, собственно, добиваются эти белые? Пришлось начать их просвещать. Сотни правительственных патрулей отправились в глубинные районы и стали разъяснять островитянам такие понятия, как «выборы» и «парламент». Естественно, в работу пошло все, что было возможно: репродукторы, фильмы, магнитофоны. Так в конце концов удалось подготовить свыше миллиона избирателей.

— Ну и как прошли выборы?

— Представьте себе, что, вопреки всем опасениям, вполне благополучно. На время выборов отдельные племена заключали между собою перемирие, и к урнам явилось довольно много избирателей. Голосовали, конечно, по фотографиям кандидатов, так как большинство аборигенов не умеют читать. Неожиданно в так называемых «открытых» избирательных округах³⁸ белые получили шесть мест. Хотя выборы прошли отлично, повсюду на острове ожил культ карго.

Я машинально покачал головой. Меня вдруг осенило, почему австралийцам хочется, чтобы иностранные журналисты покинули Территорию до приближающихся выборов. Власти, видно, опасаются, что вновь вспыхнет культ карго. Это ясно!

— Я не рассказал вам еще одной забавной истории,— заметил толстяк и выглянул в окно.— Видите там, внизу, это уже Новый Ганновер (ныне Лавонгай) — небольшой остров, ранее принадлежавший немцам. Итак, слушайте внимательно. Здесь в 1964 году построили самую большую тюрьму на всей Территории. А знаете почему? На этом острове во время выборов вспыхнул «культ президента Джонсона». Жители его отказались платить налоги. Почти треть семитысячного населения острова захотела использовать эти деньги на «покупку» Джонсона в качестве властелина Нового Ганновера. Не хотели голосовать за выдвинутых кандидатов, а вписывали в избирательные бюллетени фамилию американ-

ского президента. Я лично полагаю, что это было связано с воспоминаниями о войне... Но даю голову на отсечение, что руку к этому приложили и американские миссионеры. Говорят, и теперь они причиняют немало забот на острове Бугенвиль, входящем в состав Территории.

— Но, боже мой,— неожиданно вскрикнул Браун,— мы уже приземляемся!

Толстяк так заговорил меня, что я не успел собрать все свои пожитки перед посадкой в Рабауле. Под крыльями самолета мелькнул кратер какого-то вулкана, и вскоре наша «Дакота» мягко покатила по взлетной полосе аэродрома Лукунаи.

Валюта на метры

Я сперва не поверил своим глазам. Но покупки следовали одна за другой. Ямс, фрукты, овощи, рыба — все это переходило из рук в руки весьма необычным образом. Как-никак дело происходило в 1968 году на местном базаре в Рабауле, втором по величине городе Территории. Нет, это не был обман зрения. За продукты покупатели действительно рассчитывались... ракушками. Хозяйки вынимали из ловко сплетенного листа спизки раковин, а продавцы столь же ловко отсчитывали ногтем определенное, им одним известное количество даров моря и вручали взамен свои товары.

Понаблюдав несколько минут, я не удержался и бросился обменивать мои австралийские доллары на эту действительно твердую валюту. «Банк» работал под пальмой. Усевшийся здесь новогвинеец держал большую низку ракушек и жестами дал мне понять, что готов обменять их на мои деньги. Я вручил ему бумажный доллар, а он стал уже отсчитывать раковины, но в последний момент заколебался и вернул мне ассигнацию.

— Шиллинг, маста, шиллинг!

Я понял. Мой контрагент был знаком с бумажными деньгами, но явно предпочитал звонкую монету. Пожа-жалуйста, подумал я и полез в карман... Удалось собрать девять монет по десяти центов. Новогвинеец отложил их на лежавший рядом камень и начал тщательно отсчитывать причитающееся мне количество ракушек.

Проделывал он это довольно ловко, хотя я вовсе не был уверен, что владелец *тамбу* знает таблицу умножения. Получив свой «капитал»... шестьдесят сантиметров ракушек, я отошел в сторону, чтобы, словно венецианский купец, насладиться видом своего сокровища.

Мелкие, белые, почти одинаковые ракушки были наизаны, как бисер, на лубяную нитку, которую с небольшим трудом мой «банкир» скрутил в месте, где кончились, по его расчетам, мои девяносто центов. Я стал внимательно рассматривать свою наличность. Маленькую ракушку на конце нитки долго не удавалось стянуть. Быть может, луб был подвергнут специальной обработке и разбух... Наконец я стянул свою «монетку». Она оказалась обыкновенной ракушкой с искусно просверленным отверстием размером, не превышающим травинки. Поистине немалое искусство требовалось, чтобы просверлить такие отверстия в тысячах раковинок, которые я видел в тот день в действии.

Вдоволь наглядевшись на свою новую валюту, я стал подсчитывать количество раковинок. Их оказалось сто восемь штук. Число каблистическое. Но, погодите... Двенадцать раз по девять составит как раз сто восемь. Я начал догадываться. Ведь австралийская денежная система только недавно подверглась реформе, до этого в ходу были фунты вместо долларов, фунт делился на шиллинги, а те, в свою очередь, на пенсы — двенадцать пенсов за шиллинг. Все стало ясно: раковинные деньги основывались на прежней австралийской денежной системе и продолжают базироваться на ней поскольку в настоящее время десятицентовую монету называют по старинке шиллингом.

Гордясь своей проникательностью, я поспешил на базар, чтобы сделать покупки. Однако в какой-то момент засомневался. А может быть, мои деньги — подделка? Я еще раз поглядел на снизу. Печати и подписи директора банка не было. Но если это даже были подделки, то у фальшивомонетчика они отняли бы столько же времени, что и настоящие.

Я смело подошел к лотку с ананасами (я всегда питал слабость к этим фруктам, но только не консервированным) и извлек внушительных размеров плод. Не без волнения я подал свою снизу сидевшей на корточках хозяйке лотка, но она как ни в чем не бывало отсчитала

себе девять ракушек, скрутила их вместе с ниткой и отдала мне остаток моих наличных.

Итак, свершилось! Наконец-то здесь, в тропиках, я избавился от денег. Подумать только, какой чудесной могла бы стать жизнь! Собирать ракушки на пляже, готовить снизки и лакомиться ананасами! В радостном возбуждении я купил еще кое-какие фрукты и ожерелье из обломков кораллов, а остаток припрятал на «черный день».

Но уже к полудню наступило отрезвление. В гостинице «Травелин» на Манго-авеню бездушные люди снова потребовали за пиво обыкновенные доллары. Окаянная цивилизация!

Белые в действии

В Рабауле, пожалуй, больше, чем где-либо еще на Новой Гвинее, можно наблюдать соприкосновение цивилизации XX века с пережитками давно минувших времен. Город, расположенный на восточной окраине Новой Британии, крупнейшего острова, входящего в состав архипелага Бисмарка, является административным центром наиболее развитого округа в этом уголке мира. Его население составляет свыше одиннадцати тысяч человек; из них лишь четыре тысячи европейского происхождения.

Аборигены, в основном из племени толаи, издавна образовали на полуострове Газель собственный орган самоуправления, которому городской совет в Сиднее даже подарил изящное председательское кресло. В этом же округе существуют кооперативы, плантации кофе и какао, опытные растениеводческие станции, школы, банки и т. д. Но наряду со всеми «изобретениями» белого человека жизнь аборигена здесь по-прежнему полна суеверий. Так же, как и в давние времена, совершаются таинственные обряды, а рыбаки, вопреки всем усилиям правительственной администрации, пользуются архаичными способами рыбной ловли. Как и прежде, аборигены живут по своим собственным законам.

В городе в основном новые здания, построенные после второй мировой войны. Подобно Варшаве, он возродился словно феникс из пепла. Все, что оказалось

разрушенным, сравнительно недавно восстановлено, и только обломки японских самолетов и судов, ржавеющие среди кокосовых пальм в прозрачных водах залива, напоминают о кровавой бойне, явившейся, увы, также одним из проявлений нашей цивилизации.

После японского вторжения на остров Новая Британия Рабаул превратился в огромную военную базу, на которой была дислоцирована сотысячная армия. Свидетели тех времен — баржи, по сей день укрытые в коралловых тоннелях.

Своего рода символ цивилизации — мемориальная доска, посвященная затонувшему в 1942 году кораблю «Монтевидео Мару», на борту которого погибло множество людей, включая военнопленных, женщин и детей. Войны между тем становятся все более жестокими. Так, в 1914 году, когда австралийцы воевали с немцами за Новую Гвинею, был убит, быть может, всего один солдат. Во время последней войны на этом же самом месте погибла не одна тысяча людей.

А ведь все начиналось так идиллически! В XVI веке Новую Британию впервые увидели со своих кораблей португальские и испанские мореплаватели. Прельщенные, видимо, красотой острова, появившиеся здесь, согласно историческим хроникам, первые европейцы называли его *Isla del Cielo* — Небесным островом. Позднее, в 1700 году, мимо острова проплыл Уильям Дэмпир³⁹, присвоивший ему нынешнее название. В течение двух последующих столетий на острове не произошло никаких существенных событий; его посещали только малайцы и китайцы.

И лишь в 1880 году в этой акватории разыгралась первая трагедия. Ее виновником оказался некий маркиз де Реи, вдохновленный донесениями уже известного нам итальянца Д'Альбертиса. Начитавшись их, легкомысленный маркиз объявил об основании на острове Новая Гвинея колонии так называемой... «Новой Франции» и подбил на эту авантюру свыше трех тысяч французов, бельгийцев, итальянцев и даже флегматичных швейцарцев. Желаящим выехать на остров обещали «за 100 франков 20 гектаров земли и четырехкомнатный дом». Первые два корабля — «Индия» и «Чандермагоре» — вышли из Барселоны в июне 1880 года. После трехмесячного плавания злосчастные колонисты при-

были в Порт-Бретон, который вопреки своему названию оказался вовсе не портом. Это было отвратительное малярийное местечко, расположенное на южной оконечности Новой Ирландии. Здесь до сих пор выпадает больше осадков, чем где-либо в Меланезии, и совершенно нет пригодной для земледелия почвы: берега острова скалисты, поросли джунглями.

Плачевные результаты безумного предприятия маркиза сказались очень скоро. Болезни безжалостно косили пришельцев. Из тысячи колонистов, покинувших Европу, уцелело не более семидесяти. Сам маркиз, естественно, не попал в число этих несчастных, так как никогда и не собирался отправляться в Порт-Бретон.

Через несколько лет после злополучной «Новой Франции» на территории Новой Гвинеи должна была возникнуть и «Новая Венгрия». Свыше тысячи колонистов готовились в 1885 году к новому заморскому вояжу, однако, к счастью для любителей дешевых земель, колония так и не была основана.

В 1884 году на архипелаге Бисмарка и на Острове в районе залива Астролябия был водружен флаг кайзеровской Германии. Если немцев косила малярия, то для аборигенов наступили подлинно трагические времена. Колонизаторы показали, на что они «способны». Рабский труд на плантациях, пропуска в джунгли (!), корабельные пушки и, конечно, карательные экспедиции вооруженных до зубов полицейских, направленные против людей, способных отстаивать свои права одними руками и бамбуковыми ножами.

Немцы проиграли, и прежде всего морально, еще до того как против них выступили австралийцы. Но и тогда нашелся некий капитан Децнер, типичный представитель так называемой «расы господ», который четыре года странствовал по Новой Гвинее с развернутым знаменем кайзера Вильгельма. Когда его в 1914 году в конце концов доставили в Рабаул, Децнер кичливо заявил от имени всех своих соотечественников: «Мы еще вернемся сюда!» Его предсказание не сбылось. Оказывается, на Тихом океане, как и в Европе, немцы не обладали чувством реальности.

В те времена правительства некоторых держав порой напоминали маленького ребенка, который не дотронется до игрушки, пока за ней не потянется его

На рыбную ловлю

собрат. Так именно было и с Новой Гвинеей. У англичан и в мыслях не было завладеть Меланезией, пока там не появились немцы. И как только последние посягнули на Новую Гвинею и высадились в Миоко, подданные английской королевы тотчас же водрузили ее знамя в Порт-Морсби, на противоположной стороне острова.

Населяющие Новую Британию толаи не разбираются пока что в замысловатых делах белых людей. Меньше всего интересуются ими племена, обитающие в западной, гористой части острова. Их собратья с полуострова Газель ловят рыбу, как и их прадеды, и продают ее на базаре в Рабауле, но даже самые цивилизованные из них все еще пересчитывают австралийские доллары на свои тамбу.

Корзины и рыбы

Восхищенный красочностью местного базара, я решил посетить деревушку прибрежных толаи. Нам повезло, и вот однажды мы очутились со Стахом в большом построенном на пляже деревенском сарае. В нем хранились какие-то огромные искусно сплетенные, похожие на удлиненные балки корзины, высота которых иногда превышала два метра. Внутри их находилось нечто похожее на ажурный, суженный посередине столб. Вероятно, эти изобретательно сплетенные ловушки были плодом многовекового рыбацкого опыта. Естественно, рыба, очутившаяся в жерле этого маленького шедевра, не имела ни малейших шансов выбраться из него и неизбежно попадала на обед рыбаку.

Однако не корзины поразили нас больше всего в этой деревне, а сама операция, которую рыбаки проводили, перед тем как показать нам эти редкостные объекты. Прежде чем открыть ворота сарая, мужчины отослали на противоположный конец деревни всех женщин, девушек и мальчиков. А когда мы извлекли одну из корзин из сарая, чтобы при полном свете дня заснять ее, рыбаки внимательно следили, не появится ли поблизости женщина.

Эта бдительность поразила меня, и я спросил, в чем тут дело. Пожилой рыбак кратко объяснил на ломаном английском языке:

— *Мери* видеть корзину, рыбак быть голодный.

Ответ прояснил многое, но не все. Лишь немного спустя я узнал некоторые подробности об этом освященном традициями обычае рыбаков Новой Британии. Оказывается, женщины и девушки, а также мальчики, не подвергшиеся инициации, не вправе не только дотрагиваться до корзины, но даже глядеть на нее, как во время ее плетения, так и после окончания работы. Ибо рыбаки свято верят: достаточно им взглянуть на корзину, как акула уничтожит ее и голод станет уделом рыбака.

Эти обычаи очень строги. Так, рыбак, который тратит на плетение корзины свыше сорока суток, не должен спать в это время в доме, «оскверненном» присутствием женщины, не говоря уже о половой жизни с собственной женой. Эти жертвы «окупаются», так как готовая корзина, по местным мерилам,— это целое состояние (в раковинах). В ее стоимость входят как продолжающаяся почти два года замысловатая сушка корзины, так и ряд магических процедур, которые обеспечивают успешную рыбную ловлю.

Рыбачьи корзины очень заинтересовали нас. В тот же день мы отправились посмотреть их в действии. Это оказалось не так просто, как могло бы показаться, так как единственным транспортным средством была здесь лишь маленькая лодка с балансиром, рассчитанная максимум на двух человек.

Мой гребец не испытывал никаких затруднений. Я же неуклюже вскарабкался в маленькое выдолбленное корытце и с трудом втиснулся между его тесно расположенными бортами. Снизу на меня повеяло холодом, так как на дне лодки собиралась вода. Но это было не самое страшное. Несмотря на небольшую волну, лодка сильно раскачивалась, а брызги соленой воды угрожали кинокамерам. Стах, разместившийся в подобной лодке, находился, естественно, не в лучшем положении. Мы поплыли в сопровождении всей флотилии к месту, известному одним рыбакам.

На поверхности воды виден был только длинный бамбуковый плот. Как оказалось, он играл роль буя, к которому была прикреплена корзина, свисавшая вертикально вниз на глубину около трех метров. Снизу к ней был подвешен мешок из пальмового луба, запол-

ненный камнями. В прозрачной воде было видно, что корзина совершенно пуста. Мы поплыли дальше.

Следующая ловушка уже издали переливалась всеми цветами радуги. С большим трудом рыбаки втащили ее на одну из лодок нашей флотилии. Это была тяжелая работа, причем дольше всего продолжалось извлечение «якоря» со стометровой глубины. Когда корзина-ловушка легла наконец горизонтально в лодку, один из аборигенов забрался в нее по пояс и начал по одному вытаскивать сокровища, которыми море одарило рыбаков.

Я с интересом рассматривал пойманных рыб, которые, несом-

ненно, восхитили бы любого ихтиолога. Почти все они были разные: плоские, рогатые, пузатые. Вся эта коллекция вызвала у меня глубокое уважение к изобретательности природы. Рыбы сверкали яркими красками, которые все время менялись. Вынутая из воды золотистая рыба обрела сперва зеленую, затем голубую и, наконец, оранжевую окраску. Прямо-таки цветная панорама тропических морей.

Со дна корзины абориген вытащил, пожалуй, метровой длины акулу. Если верить рыбацким приметам, она попала туда, очевидно, потому, что одна из любопытных девушек взглянула перед выходом в море украдкой на корзину.

Лодки с добычей направились к берегу. До него было еще довольно далеко, когда наступила ночь. Вода стала фосфоресцировать, и с каждым движением весел возникали своеобразные зеленоватые водяные ракеты. В глубине ставшей уже бархатно-черной воды появлялись время от времени лучезарные тени, обретавшие порой самые удивительные формы. Тихо плескалась вода, словно аккомпанируя метавшимся в лодке рыбам. Вдали, на берегу в деревне зажглись факелы. Однако эти огни не были предназначены для возвращавшейся флотилии. Просто жены рыбаков, пользуясь отливом, искали на пляже спрятавшихся в углублениях грунта крабов и небольших рыб.

Через час мы уже сидели у костра, сытые и сонные после еды, точно змеи боа. Рыба оказалась столь же вкусной, как и красочной. В колеблющемся пламени костра были видны гуляющие по деревне молодые люди обоего пола. Очевидно, многие юноши не имели ни малейшего желания в тот вечер заниматься плетением корзин.

Рабаул на скорую руку

В саду резиденции окружного комиссара мистера Уэста идет прием гостей. С удовольствием брожу по саду, полному гибискусов и других прекрасно пахнущих цветов, всматриваюсь в черное сплошь покрытое звездами небо и обмениваюсь банальными любезностями с приглашенными гостями.

— Вы уже побывали на «островах Малиновского»? ⁴⁰ — спрашивает меня мистер Нортон, один из высших чиновников округа.

— Нет еще, — отвечаю с огорчением.

— Советую обязательно побывать. Острова Тробриан чрезвычайно интересны, да, кроме того, это ваш патристический долг. Ведь профессор Малиновский был поляком. Это великий, великий человек!

Мистер Нортон направился к другой группе гостей. Его слова стали дополнительным стимулом для осуществления наших давнишних намерений. Да, острова Тробриан мы должны увидеть! Но ведь виза, провалилась она, кончается...

Краткое совещание со Стахом. Затем Гэс, припертый к стене, бормочет что-то о разрешении Департамента заморских территорий в Канберре. С ходу атакуем мистера Уэста. Комиссар не предвидит никаких трудностей.

— Ну конечно же, охотно дам телеграмму, и пока вы вернетесь с островов Герцога Йоркского, то есть с Ней-Лауэнбурга, как называли эту группу островов ваши милейшие европейские соседи, получу, надеюсь, положительный ответ. А теперь давайте выпьем чего-нибудь!

В ту ночь мы долго болтали со Стахом. Туманные варшавские проекты начинали обретать живую плоть.

Но до запланированной экспедиции на острова Герцога Йоркского нам пришлось сперва выполнить своего рода «повинность». Полуостров Газель хорошо благоустроен и, не в пример многим другим районам Новой Гвинеи, может похвастать даже асфальтовыми шоссе. Поэтому мы легко перебирались из лесопильни в кооператив, из рыбацкой артели на плантацию кокосовых пальм.

Основные хозяйственные предприятия в районе Рабаула — это плантации какао (свыше четырех миллионов деревьев), копры (пять миллионов деревьев) и деревообрабатывающая промышленность (одиннадцать лесопильных заводов). Ведется также опытная культивация масличной пальмы, и на месте проводится обогащение разных видов сырья. Мы посетили также фабрику кокосовой муки, где используют лишь мякоть орехов, а кокосовое молоко просто выливают. У одной из установок работал рыжий, как морковь, абориген с типичным лицом немецкого крестьянина. Это сочетание показалось мне очень забавным.

Затем мы посетили местный совет, встретились с несколькими видными аборигенами, которые в отрядах береговой охраны во время войны помогали союзникам, следя за передвижениями японских войск и транспорта. Это были своего рода новогвинейские партизаны. Их донесения нередко оказывали бесценную помощь вооруженным силам генерала Макарура.

На полуострове Газель мы часто встречали мрачные следы войны, хотя с тех пор прошло уже немало лет. Порой это был бетонный бункер на берегу моря, а иной

раз попадались обломки японского самолета-истребителя, ржавеющие среди кокосовых пальм.

Печальный памятник тех времен — военное кладбище в Битапака. Мне никогда не приходилось видеть столь тщательно ухоженной усыпальницы погибших воинов. Это был настоящий сад, полный осыпанных цветами кустов и красивейших деревьев, встречающихся в тропиках. Если бы не ряды мраморных надгробий, доставленных из самой Австралии, это место можно было бы принять за роскошный парк, который не посрамил бы резиденции любого миллионера.

Побывали мы и в вулканологической обсерватории, построенной на одном из взгорий, окружающих порт в Рабауле. Здесь покой никому не был нужен, наоборот, в счет шли лишь сотрясения и колебания почвы и километры перфоленты, выдаваемые сейсмографами.

На Новой Британии находится немало действующих вулканов, и наблюдения за движениями земной коры имеют здесь большое значение. От руководителя обсерватории, доктора Аддарио, мы узнали, что в Рабауле практически ежедневно происходят землетрясения, к счастью, незначительные. Последнее крупное извержение вулкана Матупит (находящегося у самого входа в порт) произошло в 1937 году и нанесло большой ущерб. Самый высокий вулкан на острове Новая Британия — Улавун⁴¹ («Отец») достигает двух тысяч трехсот метров в высоту. А вулкан Рабананакая («Мать»), прямой конус которого доминирует над Рабаулом, имеет всего семьсот семьдесят метров в высоту. С демонами вулканов трудно договориться, даже если располагаешь чувствительными приборами. Поэтому доктор Аддарио оказался не в состоянии обещать нам извержение в ближайшие дни, которое можно было бы заснять на киноплёнку.

Не оставалось, таким образом, ничего другого, как просмотреть снимки извержения вулкана Матупит тридцатилетней давности и прогуляться по улицам Рабаула, которые прямо-таки кишели китайскими лавочками. Преобладали там, конечно, японские товары, ибо, хотя Страна восходящего солнца и не завоевала Новую Гвинею, она находится сейчас на пути к тому, чтобы овладеть ею экономически. Почти все курсировавшие по улицам Рабаула автомобили были японских марок «Тойота» или «Датсан».

Судно было небольшим, но для Рабаула вполне могло считаться лайнером. У трапа нас приветствовал сам капитан, который, представившись, назвал себя: Билл-Бестия.

Уильям Джонстон — так по-настоящему звали капитана — оказался милым рыжеволосым человеком — шотландцем по происхождению. Он знал чуть ли не все непристойные анекдоты со всего архипелага. Истый ветеран морских путей западной части Тихого океана, он угостил нас пивом из холодильника и сразу же покорила своей сердечностью, простотой и обходительностью. Не прошло и десяти минут, как мы почувствовали себя так, словно проплыли с ним по меньшей мере половину Тихого океана.

Билл-Бестия проследил за отплытием судна, а стюард тем временем проводил нас в маленькие, но уютные каюты. Суденышко проворно выскользнуло из залива, оставив за левым бортом почтенное семейство вулканов, и взяло курс на острова Герцога Йоркского. Вдали маячили очертания Новой Ирландии. Вскоре наше судно стало качаться на океанских волнах, вторгающихся в пролив Святого Георгия.

На кормовой палубе, похожей на затененную веранду, Бестия рассказывал нам разные истории, не менее красочные, чем местные рыбы. Даже извержение вулкана, мимо которого мы проходили, или былые сражения с японцами он умудрялся описывать как уморительные приключения. Пожалуй, именно такие, как он, мореходы из поколения в поколение по кирпичику складывали склоняющуюся ныне к закату Британскую империю.

Как подобает настоящему шотландцу, Билл недолюбливал англичан и от души смеялся, когда мы рассказали ему популярный в Европе анекдот о том, что англичане все еще продолжают называть свою страну *Великобританией*, отдавая этим дань своему заскорузлому консерватизму.

Час за часом шли мы по залитым ярким солнцем водам, любуясь окружающим пейзажем. Через каждые несколько миль рифы и вулканы представляли перед нами во все изменяющихся сочетаниях, словно театральные декорации.

Билл частенько проверял действие штурвального на мостике. В этих водах было столько рифов и сильных изменчивых течений, что нельзя было особенно доверяться всем прелестям Южных морей. Под вечер мы причалили к примитивному помосту в маленькой, тихой бухте, в которой шелестели листьями на ветру склонившиеся над водой пальмы. Я даже не спросил, как называется деревня, куда мы прибыли. Достаточно было благодатной атмосферы этого вечера и улыбающихся бронзовых лиц аборигенов. Билл неспроста зашел сюда. Известными лишь ему одному путями он разузнал, что здесь состоится обряд *Дук-дук*.

— До появления европейцев,— объяснил нам капитан,— *Дук-дук* был тайным обществом аборигенов, основанным на извечных верованиях. Оно было тесно связано с обрядами посвящения мужчин, но занималось также устрашением женщин и вымогательством разных благ у местных жителей, не входящих в общество. *Дук-дук* мог бы послужить отличным образцом для чикагских гангстеров. Его члены, например, навязывали разным лицам «охрану» их огородов и самой жизни. Они прекрасно знали, как разделаться с упрямыми, не пожелавшими прибегнуть к такой «охране». В настоящее время общество *Дук-дук* существенно изменилось, и проведение его обрядов администрация допускает только в течение одного месяца в году. Вам повезло, так как именно сегодня начинается этот период. Обряды *Дук-дук* теперь увидишь не часто.

Протоптанной тропинкой идем в деревню. Торжество, видно, уже началось. Слышны звуки священных флейт и глухой рокот барабанов. Постепенно образуется круг возбужденных аборигенов. Среди них нет ни одной женщины. Звуки дудок отпугивают всю молодежь и женщин деревни. В середине круга вижу юношу в юбочке из листьев и в своего рода манишке на груди. Его ноги, как и «манишка», измазаны белой краской. Кожа юноши блестит — неизвестно, от пота или жировой смазки. В лохматых волосах торчит цветок, лицо припудрено измельченными в порошок листьями.

Раздается тихий свист. Рослый мужчина изо всех сил хлещет гибкими прутьями по поднятой руке юноши, но его лицо даже не дрогнет. Удары непрерывно сыплются на руки и на раскрашенные ноги. Ломаются

прудья, порка продолжается уже добрых пять минут. Слышны лишь тяжелые вздохи зрителей да свист розг.

Барабанная дробь нарастает, сильнее звучат и дудки. Среди костров появляется какое-то странное существо. Это Дук-дук, главная фигура обряда. Она движется под неистовые звуки барабана, чем-то напоминая новогвинейского страуса. Поразительное зрелище: голова Дук-дука прикрыта высокой, конусообразной маской с нарисованными на ней глазами, вся остальная часть тела, от плеч до колен, покрыта плотной массой концентрически уложенных листьев. Дук-дук похож на густую елку. При резких прыжках танцора слышен ритмичный шелест тяжелых листьев. Не могу оторвать глаз от этой диковинной фигуры и чувствую, как меня охватывает возбуждение, не меньше чем моих соседей. Вижу, как на танцора падает сизка тамбу. Очевидно, это дар, предназначенный ему в связи с обрядом инициации. Дук-дук мечется в ритме барабанов так, как он, вероятно, метался веками, когда его племя карало преступников.

Обряды инициации имеют огромное значение для народов Новой Гвинеи. Это своего рода метод общественного воспитания.

Прежде чем быть принятым в общество взрослых, юноши обязаны пройти специальную подготовку и многому научиться. Первоначальное воспитание в семье должно быть надлежащим образом восполнено. Чаще всего юношей отдают под опеку выделенных для этой цели взрослых, которые подвергают их разным процедурам, порой граничащим с истязаниями.

Порка, лишение пищи и сна, татуировка применяются повсеместно. Иногда прибегают к различным манипуляциям, которые сопровождаются обрядами, песнопениями и плясками. Все это сильно действует на психику молодых людей, усиливает впечатлительность, внушает страх и веру в силу магических действий.

Одновременно в процессе всех этих приготовлений к последнему, завершающему обряду кандидатам дают множество наставлений, знакомят их с традициями племени и его моральным кодексом.

Заветы, передаваемые юным новогвинейцам, вовсе не

Обряд инициации. Юноша в момент провозглашения его взрослым

столь примитивны, как это можно было бы предположить. У племени *коко*, например, эти наставления таковы:

«Не укради! Прелюбодеяние греховно, совершая его, вскоре умрешь! Не избивай жену! Не присваивай плоды с чужих огородов! Живя справедливо, проживешь долго! Если собираешься жениться, живи так долго вместе с одинокими мужчинами, пока твои огороды не дадут много плодов! Если сожительствуешь с женой и

она забеременеет до того, как будут готовы огороды, заслужишь презрение деревни!»

На островах Торресова пролива юношей поучают следующим образом:

«Когда к тебе является человек и о чем-то просит, не отказывай ему! Если ему нужна пища, вода или еще что-нибудь, дай ему половину того, что имеешь! Если поступаешь таким образом, ты — хороший человек! Не забывай заботиться об отце и матери, даже если ты и твоя жена ничего от них не получали! Отдай им половину рыб, не будь мелочным! Никогда не груби своей матери! Отец и мать — это как пища в твоём желудке; если они умрут, будешь голодать! Не забывай также заботиться о своих дядях и других родственниках! Никогда не лги, будь откровенным! Если брат идет сражаться, помоги ему. Не давай ему опередить тебя, иди вместе с ним! Если совершишь что-либо недозволенное, будешь убит магической силой или твоими братьями».

Длительный период испытаний, манипуляций, наставлений и упражнений завершается конечным обрядом, который и называется Дук-дук — по имени духа, играющего главную роль в этой заключительной церемонии.

Мы стали свидетелями одного из фрагментов этого обряда.

После этого вечера Билл ходил с нами на своем «лайнере» от острова к острову, от лагуны к лагуне, от атолла к атоллу. Благодаря ему нам удалось посмотреть много празднеств и послушать немало песнопений. У жителей островов Герцога Йоркского — целое собрание песен, причем каждая из них предназначается для строго определенных случаев, как, впрочем, и имеющиеся у них музыкальные инструменты. Все эти песнопения подразделяются на сольные, танцевальные и песни для женщин. Сольные, в свою очередь, делятся на песни *малира*, или любовные; *лили* — женские и *ингиет* — песни одного из тайных сообществ. Деятельность последнего была запрещена германскими властями еще в конце XIX века, однако песни сохранились и в особых случаях расппеваются.

Билл был искушен во всем этом, и мы вовремя поспели в деревню, где исполняли не только песни ингиет, но еще и танец *ката*, тесно связанный со зловещим сообществом. Ката, возможно, не был столь интересен, как танец Дук-дук, но тем не менее это зрелище оказалось достойным внимания, причем особенно занятен был используемый при этом реквизит. Он состоял из деревянных крыльев, которые прикреплялись к обнаженным спинам пары танцоров с помощью растительного луба. Исполнители этой пантомимы, обращенные лицами друг к другу, попеременно сближались и удалялись, подражая движениям птиц. Танец закончился, когда крылья свалились с танцоров, а из ран на спине потекла кровь.

Символика танца была мне совершенно непонятной, но утешала мысль, что подлинных секретов ингиет, по видимому, не разгадал до сих пор ни один белый человек. Известно только, что члены этого замкнутого сообщества никогда не ели свинину и даже не дотрагива-

На островах Герцога Йоркского. Обряд *ката*

лись до посуды, в которой она готовилась. Их считали могущественными волшебниками, они выносили смертные приговоры, шантажировали и убивали своих сородичей, руководствуясь только им одним известным кодом.

Наше плавание с капитаном Бестией закончилось через несколько дней у той же набережной в Рабауле, откуда мы с ним отчалили. Не без сожаления прощались мы с этим любезным «морским волком». Билл тоже, казалось, переживал разлуку с нами: как-никак мы были для него своего рода развлечением. Прощай, Билл, от души желаем тебе всегда благополучно обходить остроконечные рифы и счастливо плавать по коварным водам!

Было бы непростительным побывать в Рабауле и не заглянуть на минуту в... кратер одного из вулканов. Из всего семейства вулканов, окружающих город, предстояло избрать наиболее почтенный, которым мы и сочли известный своими извержениями Матупит («Южная дочь»). По соседству с ним находятся «мать» и еще одна «дочь» — «Северная». Как в талии, так и выше ее, «дочки» представляли собою довольно внушительное зрелище, однако они были далеко не столь красивы, как их «родительница».

Сравнительно невысокий ржавый и лишенный растительности конус Матупита дымился серными испарениями, словно извергавшимися из жерл ада, что невольно наводило на мысль о каких-то совершенных тобою грехах.

Как повествует приключенческая литература, экскурсия в кратер вулкана требует длительной подготовки: альпинистской сноровки, противогазов, асбестовых костюмов и т. д. Все это так, но только не в Рабауле. Чтобы осмотреть Матупит, следует просто в воскресенье совершить среди дня нечто вроде поездки на пароходе в Беяны⁴², а также застись небольшой суммой денег для уплаты местному Харону⁴³. За переправу в ад он требует, однако, несколько больше мифического обола⁴⁴.

Переправа на противоположную сторону залива Симпсон, играющего роль местного Стикса⁴⁵, значительно приятнее, ибо проходит она при ярком сиянии тропического солнца, а лодка с боковым поплавком внушает больше доверия, чем древняя барка Харона. Во время короткого плавания под командой бронзового скудно одетого «капитана» можно полюбоваться предгорьями, окружающими город в виде амфитеатра, а также небольшой одинокой скалой, приютившейся в водах залива, которую не преминет показать туристам любой уважающий себя гид.

Впрочем, Матупит — первая достопримечательность, с которой неизбежно знакомится путешественник, прибывающий в Рабаул по воздуху. Ибо взлетно-посадочная полоса местного аэродрома расположена таким образом, что каждый самолет должен пролететь десять-

двадцать метров над кратером, чтобы приземлиться по всем существующим правилам.

Мы не успели оглянуться, как наш переводчик спустил паруса на своей лодке. И вот под ногами захрустела стекляннистая лава. Предстояло взобраться на вершину, не превышающую, пожалуй, ста метров по вертикали. Но пройдя едва половину этого пути, мы начали задыхаться и все чаще останавливаться словно бы для того, чтобы полюбоваться местным пейзажем. Кстати, во время одной из таких остановок мы заметили сверху моторную лодку, мчавшуюся к подножию вулкана.

Его склон, усталый обломками скальной породы и камнями, мы преодолели довольно быстро, но, когда добрались наконец до кратера, то оказалось, что наша «кавалерийская атака» была совершенно излишней, так как к вершине вела, правда, несколько более длинная, но зато хорошо протоптанная туристами, удобная тропинка.

Кратер имел форму симметричной воронки, а его дно было совершенно плоским, словно пол танцевального зала. Спуск не представлял особых затруднений. Мы смело двинулись вниз в это адское жерло, пропитанное запахом серных испарений.

Все было бы хорошо, если бы где-то на высоте пяти примерно метров над дном кратера я не ступил на внешне вполне солидно выглядевший валун. Но тот вначале дрогнул, а затем скатился на дно кратера. А поскольку законы тяготения, как оказалось, действуют также и на Новой Гвинее, то мне пришлось сопровождать его в этом падении. Пытаясь защитить кинокамеру, которая была у меня в руках, я принял довольно замысловатую позу. Камеру мне удалось спасти, но сам я здорово расшибся.

Стах, как всегда в подобных случаях, сперва весело взвизгнул, а затем стал притворно утешать меня тем, что я первый поляк, проливший свою кровь в кратере Матупита. «Кровь растяпы», — подумал я в бешенстве, так как до сих пор лишь Стах ухитрялся то сорвать подметку на ботинке, то подбить глаз в автомобиле или сотворить еще что-либо подобное.

Подыматься было довольно тяжело, то и дело приходилось останавливаться, чтобы приложить носовой

платок к ссадинам, которые, впрочем, как всегда в тропиках, очень быстро заживали. Оставалось лишь опасение, как бы не прилепились ко мне какие-нибудь скверные грибки или бактерии.

Выбравшись наконец на тропинку, я стал изливать свои чувства в несколько вольных выражениях. Вдруг к нам подбежал какой-то рослый блондин и громко вскрикнул:

— Поляки, здесь? Откуда?!

После обычного в таких случаях хаотического обмена приветствиями оказалось, что нам посчастливилось встретить единственного поляка, обитающего на архипелаге Бисмарка. Это был Ежи Сивковский, родившийся в Кельцах, который тридцать лет не был в Польше, а последние десять лет вообще не имел возможности разговаривать с кем-либо на родном языке.

В пылу беседы я уже позабыл было о своих ушибах, но ими заинтересовался наш новый знакомый. Тщетно ссылаясь я на пустячность ранок, однако пан Ежи проявил особое участие к неожиданно встреченному им соотечественнику. Именно он и был владельцем моторной лодки или, вернее, глissера, который мы заметили, когда поднимались в гору. Глissер стоял теперь у подножия вулкана. Сивковский посадил в него своего пассажира, а также нас обоих, и мы помчались, оставляя за кормой длинный хвост пены. На пристани моими ранками занялась жена пана Ежи — Корал, коренная австралийка.

Следующие два часа мы провели в укромном уголке местного яхт-клуба. Наш соотечественник был его активным членом, как представитель фирмы, продающей подвесные лодочные моторы. Как раз в этот день он организовал регату молодежных лодок класса «кадет».

Юниоры мужественно состязались, заполнив залив массой треугольных парусов, а пан Сивковский мчался на своем глissере, оказывая помощь наиболее незадачливым любителям парусного спорта. Стремительный глissер то и дело отчаливал от берега и несся, эффектно скользя по водам залива. Как гордо подчеркивал его владелец, это было самое быстроходное судно на всем архипелаге.

Регата кончилась. Родители юных победителей не

скрывали гордости за своих детей. Нас же пригласили в гостеприимный дом Сивковских. У его хозяина, как и у большинства поляков, попавших волею судеб в отдаленные страны света, была яркая биография. Во время второй мировой войны, еще юношей, он попал на Ближний Восток. С ручным пулеметом Сивковский прошел немалый путь, воюя с гитлеровцами, а после войны выехал в Австралию. Принимался за разные занятия, испытал множество опасных приключений, добывал золото (этот желтый металл манит почти всех пришельцев), пока наконец не поселился в Рабауле, где и женился. Здесь он ассимилировался настолько, насколько позволяла его истинно польская душа, всегда и повсюду тоскующая по обыкновенной иве, склонившей свои ветви над тихим прудом.

Свои военные воспоминания пан Ежи запечатлел в принятой им новой фамилии. К наименованию оружия (пулемет Брен), с которым он воевал, прибавил букву «д». А так как жене нравилось имя Дик, то появился Дик Бренд, весьма уважаемый житель Рабаула с открытым славянским лицом и огромной копной льняных волос.

Когда дома у пана Сивковского мы просматривали его фамильный фотоальбом, лукавые духи Матупита не преминули вписать дополнительную сенсационную главу в историю нашего знакомства. Одна из фотографий показалась мне знакомой.

— А это кто?

— Мой брат, проживает в Польше.

Все сомнения отпали. Это был инженер Сивковский, принимавший участие в первом рейсе польского судна «Транспортовец». Около года назад я плыл на нем из Кубы в Мексику. Инженер Сивковский находился на его борту в качестве представителя завода, производящего судовые грузовые краны.

Странно оборачиваются порой человеческие судьбы. Братья не виделись много лет, а я неожиданно стал нитью, связавшей этих двух людей,— нитью, равной, шутка сказать, расстоянию между Гаваной и Рабаулом.

В тот вечер наш магнитофон вместо звуков, сопровождавших магические обряды Дук-дук, запечатлел магию сердца сына, передавшего на магнитофонной лен-

те своей престарелой маме в далеком Быдгоще слова, которые в подобных случаях обычно передают матерям.

Пан Сивковский был крайне огорчен, узнав, что завтра рано утром мы покидаем Рабаул. Наш багаж пополнился частицей польского сердца, но эту поклажу мы унесли с чувством истинного удовлетворения.

Распрошавшись с Рабаулом, мы отправились на небольшой шхуне, груженной копррой, в Маданг, один из важнейших портов Новой Гвинеи, до которого было не более двух суток пути. Все путешествие, пропитанное запахом копры, по залитым солнцем водам Новогвинейского моря протекало безмятежно. Трудно было поверить, что всего четверть века назад здесь происходили кровавые сражения, в которых погибли тысячи американских и японских солдат.

К концу плавания перед форштевнем нашей шхуны показались берега залива Астролябия, обязанного своим названием кораблю Дюмона-д'Юрвиля⁴⁶, а со стороны левого борта шхуны легкий бриз покрывал рябью воды пролива Витязь. Перед нами высился над морем горный массив, расположенный на участке побережья, именуемого Рэй-Кост. Одна из его вершин носила имя коренного варшавянина Яна Станислава Кубари.

Гора Кубари, залив Астролябия, пролив Витязь — три названия, увековечившие деятельность выдающихся исследователей трех национальностей на одном небольшом участке экзотического побережья.

Дюмон-д'Юрвиль, французский мореплаватель, наряду с Джемсом Куком, одним из самых выдающихся исследователей Тихого океана, достиг больших успехов в изучении этого региона и обнаружил следы погибшей экспедиции Ж. Лаперуза⁴⁷.

Н. Н. Миклухо-Маклай был первым европейцем, высадившимся в этой части Новой Гвинеи. Знаменитый русский антрополог и этнограф более ста лет назад (в 1871 году) покинул борт «Витязя» и более пятнадцати месяцев провел среди новогвинейцев в районе залива Астролябия.

Мужественный ученый, которому в то время было всего двадцать пять лет, вел ценные научные наблюдения, первым анатомировал еще неизвестное тогда миру животное — древесного кенгуру и даже соста-

вил словарь языка местных жителей, с которыми успел подружиться. И хотя он был совершенно безоружен, аборигены не причинили ему ни малейшего вреда. За дружбу они платили ему дружбой. Благодаря Миклухо-Маклаю на картах Новой Гвинеи по сей день обозначена река Гогол. Н. Н. Миклухо-Маклай измерил также две самые высокие вершины в расположенной поблизости горной цепи Финистерре и дал им названия: гора Шопенгауэра и гора Канта. Однако уже спустя три года имена этих философов исчезли с географических карт, так как командир Морсби, явно отдававший предпочтение политике, переименовал их в Маунт-Гладстон и Маунт-Дизраэли. Н. Н. Миклухо-Маклай еще дважды — в 1876 и 1878 годах — возвращался в залив Астролябия.

Ян Станислав Кубари (родился в 1846 году в Варшаве) был одним из выдающихся исследователей Океании. Хотя он считался английским подданным и работал для немецких научных институтов, Кубари всегда оставался поляком. Он провел более тридцати лет в неустанных путешествиях по Южным морям. Подобно Миклухо-Маклаю, Кубари сумел снискать себе дружбу и доверие аборигенов всюду, где побывал. Чиновники в германских колониях неоднократно порицали его за дружественное отношение к аборигенам, утверждая, что его поведение вредит авторитету и достоинству германских научных учреждений. В своих донесениях они сочиняли каверзные доносы и писали, например, что «Кубари совсем одичал и живет на дереве».

Если учесть к тому же весьма критические выступления Кубари, касавшиеся колониальной эксплуатации аборигенов на островах Океании, то станет понятным, почему с польским исследователем неоднократно расторгали контракты и всю свою жизнь он испытывал финансовые затруднения. Кубари жил чаще всего среди аборигенов, вел с ними одинаковый образ жизни и пользовался их уважением. Красноречивым доказательством этому было присвоение ему ранга вождя на острове Палау, что, впрочем, отнюдь не мешало его исследованиям и сбору коллекций. О важном значении его работ, в том числе картографических (хотя он был прежде всего этнографом), свидетельствует тот факт, что американское адмиралтейство, проводя во время второй

мировой войны операции против японцев, пользовалось некоторыми его картами района Тихого океана, расположенного между Каролинскими и Маршалловыми островами. А ведь эти карты польский ученый составил еще около 1880 года, во время плаваний на утлых челнах аборигенов.

Кубари, которого много раз увольняли с работы «за братание с туземцами», в 1886 году, то есть через тринадцать лет после открытия этих мест, становится управляющим частной плантацией германского консула в Рабауле. Он тяготился, однако, этой скучной работой и через два года подписал контракт с Новогвинейской компанией. Кубари отправился к берегам залива Астролябия, почти в то же место, где жил до него Миклухо-Маклай. Неизменно верный своим принципам, Кубари вновь завязывает дружественные отношения с аборигенами. Польский ученый по-прежнему ведет этнографические исследования в районе залива и собирает экспонаты для европейских, главным образом немецких, музеев. Фактория, которой Кубари руководил в то время, делала большие успехи. Несмотря на это, власти не возобновили с ним контракта, срок которого истек в конце 1891 года.

Польский ученый вернулся в Европу в сопровождении своей жены, красавицы с острова Понапе (Каролинские острова), и дочери. Он и члены его семьи удостоились тогда приема при императорском дворе. Затем Кубари едет в Польшу, где участвует в очередном, шестом съезде натуралистов и врачей. Там он выступает с докладом. Я. Кубари изъявил желание трудиться на благо польской науки и выдвинул предложение создать в Польше музей культуры народов Тихоокеанского бассейна.

Однако его предложение, увы, не было принято. Не желая работать в Германии, Кубари возвращается на Новую Гвинею. Изнуренный болезнью, в 1896 году он умер на острове Понапе незадолго до дня своего рождения.

История Кубари не заканчивается, впрочем, его смертью. В 1899 году испанцы уступают Каролинские острова немцам, которые заводят на архипелаге свои бесчеловечные порядки. В 1910 году вспыхивает восстание островитян. Его руководителем был друг Кубари

вождь Тепиру, принявший фамилию поляка в качестве псевдонима. Восстание было жестоко подавлено, а «Кубари» — расстрелян. По сей день народы Океании чтут память убитых повстанцев, называя их по месту казни «Великими из Йокай».

В наследство от Кубари, кстати, мало известного в Польше⁴⁸, остались его бесценные труды да памятник на острове Понапе. Ныне польский ученый признан мировой наукой самым выдающимся знатоком Каролинских островов.

Наша шхуна, пройдя все эти исторические места, причалила наконец к набережной порта в Маданге, где нас ожидал представитель администрации с... разрешением выехать на острова Тробриан. Мы были вне себя от радости; журналистское счастье нам улыбнулось! Как раз в пятидесятую годовщину окончания исследований выдающегося ученого-поляка мы сумеем побывать в местах, где он проводил свои исследования. Благодаря профессору Малиновскому аборигены островов Тробриан стали наиболее изученным в этнографическом отношении народом Океании, а он сам, в свою очередь, снискал себе славу «Коперника мировой антропологии и этнографии».

Бронислав Малиновский — один из немногих иностранцев, которому знаменитый Гарвардский университет в США присвоил по случаю своего трехсотлетнего юбилея почетную докторскую степень. Родился он в Кракове в 1884 году, учился в Ягеллонском университете, а умер в 1942 году в Соединенных Штатах Америки.

Его научная деятельность, в процессе которой он совершил немало путешествий и опубликовал множество научных трудов, привела, в частности, к тому, что при Лондонском университете специально для него была создана кафедра социальной антропологии. Самой выдающейся его работой была книга «Сексуальная жизнь дикарей» (1929 год), написанная вскоре после пребывания ученого на островах Тробриан.

Всю свою жизнь профессор Малиновский проявлял большой интерес к родной стране и поддерживал постоянный контакт с семьей, по сей день проживающей в Польской Народной Республике. Убежденный либерал и гуманист, Бронислав Малиновский был ярким врагом

нацистов; его книги значились в черных списках Гейббельса. Когда вспыхнула война, заставшая его уже в США, и Польша была оккупирована гитлеровцами, профессор, опираясь на свой большой авторитет, которым он пользовался тогда в этой стране, стал активно выступать за участие США в антигитлеровской коалиции.

АРХИПЕЛАГ ТРОБРИАН

Самолет шел на посадку. Я был крайне разочарован — острова Тробриан оказались плоскими, как вафля. Этого я не ожидал, полагая, что здесь есть горы по меньшей мере столь же красивые и высокие, как маленький архипелаг Герцога Йоркского, который мы покинули несколько дней назад. Под крыльями самолета асимметричным ковром раскинулся едва выступающий из воды крупнейший остров архипелага — Киригина. Острова Тробриан выдавались над поверхностью моря не выше уровня бортов нагруженного каноэ, а прибрежные пальмы, казалось, вырастали прямо из бирюзовых волн. В душе я готов был даже упрекнуть профессора Малиновского в том, что для своих исследований он выбрал место со столь неприглядным пейзажем и как раз в таком уголке мира, где горных цепей хоть отбавляй.

Итак, архипелаг Тробриан! Коралловый отпрыск Меланезии, уголок мира, хорошо известный благодаря книгам профессора-поляка, но чрезвычайно редко посещаемый его соотечественниками. Я очень жалел, что не прибыл сюда морем, как полвека назад Бронислав Малиновский, но в памяти у меня сохранилось описание того, как в 1935 году к островам Тробриан причалил небольшой фрегат «Джозеф Конрад» (сколь подходящее к здешним островам название), капитан которого, выдающийся мореплавателю А. Вильер, так описывал свои впечатления: «Кругом открывается чудесный вид. Остров обрамлен изломанными рифами, а верхушки деревьев вздымаются на высоту почти ста метров над уровнем моря. Земля, насколько хватает глаз, кажется плодо-

родной и тщательно ухожена. Видны многочисленные деревни с рядами сооруженных из травы круглых домиков, воздвигнутыми либо вдоль побережья, либо несколько поодаль от моря. Все они имеют аккуратный и опрятный вид и окружены многочисленными огородами. Я не ожидал увидеть что-либо подобное в этом районе Тихого океана. Казалось, время не оставило разрушительных следов на острове.

Вскоре к нам подплыло несколько лодок с аборигенами, доставившими пряности, ямс, кокосовые орехи, кур и бататы. Местные жители пытались обменять травяные юбочки на прессованный табак, которого у меня, к сожалению, не оказалось. Предлагали также весла, а один из них продавал даже лодку для ловли жемчужниц, за которую просил „пять шиллинг“.

...Они были хорошо сложены, чистоплотны, светлокожи и держались запросто. Походили скорее на полинезийцев, чем на меланезийцев. Никаких уродливых язв, как у жителей соседних островов, мы у них не видели. Все были настроены мирно и дружелюбно.

...Во время пребывания на обширной лагуне мы часто наблюдали за юркими лодками аборигенов, сновавшими между ближайшими островами. Жители архипелага Гробриан всегда слыли великолепными мореходами; душа радовалась при виде того, как они маневрировали своими большими лодками. Когда они проплывали мимо, мы приветствовали их возгласами. Подобно тому, как мы интересовались их лодками, они с любопытством разглядывали нашу „большую лодку“ и всегда подходили к нам очень близко. Некоторые наши люди попытались было немного погрести на лодке, принадлежащей жителям деревни, что находится на южной оконечности лагуны, но не смогли даже удержать лодку в равновесии и сразу же попадали в воду. О том, чтобы поплыть на ней на парусах не могло быть и речи. На лодках жителей острова Гробриан боковой поплавок примыкает так близко к борту, что его балансирующее действие становится минимальным. Эти аргонавты западной части Тихого океана, как метко назвал их Б. Малиновский, были действительно одним из самых ловких народов-мореплавателей...»⁴⁹

Однако вспоминать все прочитанное в литературе о морских плаваниях было некогда: шасси нашей маши-

ны уже касалось длинной бетонной полосы. С трапа, приставленного к борту самолета, была видна небольшая группа темнокожих людей, среди которых выделялось несколько европейских лиц. Это были пассажиры, которым предстояло улететь обратным рейсом в Порт-Морсби.

С интересом присматривался я к островитянам, которых Б. Малиновский прославил в своих сочинениях. Среди собравшихся на аэродроме преобладали улыбающиеся девушки с правильными чертами лица, одетые только в короткие юбочки из цветной рафии. Некоторые из них держали корзины с фруктами и какие-то ожерелья из раковин. В руках у юношей были резные деревянные фигурки и разукрашенные миски. По-видимому, к прибытию самолета, что случалось здесь нечасто, на аэродроме устраивалось нечто вроде базара — несомненный признак того, что местным островитянам уже приходилось сталкиваться с туристами.

Альбиноска

Но вот девушки расступились перед пассажирами, отгеснив в сторону какую-то фигуру, при виде которой я невольно вздрогнул. Это была, несомненно, женщина. Ее разительно белесая кожа неестественного цвета была покрыта крупными, величиной с чайное блюдце, веснушками. Закрытые глаза с бесцветными ресницами и застывшая гримаса на лице производили такое впечатление, будто бы она погружена в каталептический сон. Белая как мел, испещренная беспорядочно расположенными пятнами даже на бедрах, девушка вызвала во мне довольно странное чувство. Никогда до сих пор я не встречал альбиноса, а поэтому пристально рассматривал девушку. В отличие от всех собравшихся аборигенов, она одна прикрывала плечи какой-то грязной тряпкой. Видимо, несчастная пыталась таким путем защитить свою почти лишенную пигмента кожу от палящих лучей солнца. Когда я подошел поближе, она на мгновение открыла глаза, которые оказались розового цвета.

— Здравствуйте, господа, меня зовут Маккеллер,— представился нам молодой человек.— Вижу, вы присматриваетесь к нашей альбиноске. Что ж, это несчаст-

ные люди, их здесь несколько, есть даже дети-альбиносы. Стараемся им помочь, снабдить их хотя бы солнцезащитными очками, чтобы они могли днем несколько лучше видеть. Однако по непонятным нам причинам они стыдятся их носить. К счастью, местные жители относятся к ним терпимо.

Усаживаясь в вездеход «губернатора» островов Тробиан (так, пожалуй, следовало бы именовать этого молодого офицера), я еще раз взглянул на альбиноску. Согнувшись, она искала прищуренными глазами какой-то предмет, который, очевидно, выпал из ее рук.

Мы поехали по удивительно длинной бетонной полосе, уже потрескавшейся во многих местах. Буйная тропическая растительность заявляла о своих правах. Чахлые от природы земные ростки с неодолимой силой прорывались сквозь щели массивного бетонного покрытия. Проехав стартовую полосу, мы повернули на грунтовую дорогу. Как сообщил нам офицер, дорога вела в крупнейший населенный пункт архипелага — Лосуиа, где находились штаб-квартира администрации, миссии разных вероисповеданий, школа и единственная гостиница на этих островах, где нам и предстояло остановиться.

— Тим, то есть владелец отеля «Лосуиа», построил его недавно, — сказал офицер, — и соорудил на нем даже купальный бассейн. В сезон к нам прилетают туристы, один или два самолета в неделю, однако теперь здесь пусто, слишком часто выпадают дожди. Вы избрали не лучшее время, господа.

«На, — подумал я, — если бы мы только могли выбрать! Ведь то, что мы вообще сумели добраться сюда, — великое счастье».

По обеим сторонам дороги — густая зелень, перемежающаяся кокосовыми пальмами. Четверть часа езды — и мы у цели, большого двухэтажного бунгало, вход в которое украшен срезками раковин и цветной резьбой по дереву. Нам предоставили две комнатки на втором этаже. Традиционную рюмку вина мы распили с владельцем гостиницы уже под аккомпанемент проливного дождя, барабанившего по отлогой крыше. До этого Тим дал нам по две таблетки хинина и сообщил, в какие

часы будут подавать пищу. Так мы стали степенными постояльцами на полном пансионе. Во время первого ужина оказалось, что в гостинице кроме нас проживает еще только один постоялец, некий Терри Госгроув, правительственный чиновник, прибывший в командировку из Порт-Морсби для поисков (кстати, увенчавшихся успехом) пресной воды на острове.

Как соотечественники профессора Малиновского мы стали своего рода почетными постояльцами пустующей гостиницы. Вскоре, однако, оказалось, что хотя имя знаменитого поляка было у всех на устах, никто здесь не знаком с его работами настолько, чтобы стать проводником по следам путешествий ученого. К счастью, Тим раскопал где-то английское издание «Аргонатов западной части Тихого океана» Малиновского, и в первый же день пребывания на островах Тробриан я засыпал под убаюкивающий шум ливня с книжкой в руках, раскрытой едва ли на пятой странице. Там, кстати, был помещен фотоснимок альбиноса, сделанный профессором в 1918 году.

Б. Малиновский писал тогда по этому поводу: «Нет ни малейших сомнений, что туземцы очень брезгуют этими несчастными существами; и это вполне понятно: достаточно самому увидеть лишенного пигментации туземца. Мне пришлось, однако, отметить ряд случаев, когда женщины-альбиноски имели многочисленное потомство. И как только они забеременели?..»

Омаракана

С утра я перелистывал «Аргонатов», с трудом одолевая английские специальные термины. Одно удалось мне легко установить: свои исследования профессор проводил главным образом в деревне Омаракана. Нельзя было больше медлить. Напутствуемые советами Тима, мы направились туда в сопровождении переводчика.

«Вдали видны купы деревьев — это раскинувшиеся вокруг Омараканы фруктовые насаждения, пальмы и остатки невырубленных еще девственных джунглей. Миновав рощу, оказываемся между двумя рядами домов, построенных концентрическими кольцами вокруг обширного открытого пространства. Между наружными

и внутренними кругами протянулась окружная улица, на которой видны группы людей, сидящих перед хижинами. Наружное кольцо состоит из жилых домов, а внутреннее — из амбаров, где до следующего сбора урожая хранится ямс — основная пища туземцев.

От жилых домов амбары отличаются лучшей отделкой, более продуманной конструкцией и обильными украшениями. С обширной площади, расположенной в самом центре деревни, видны амбары, обращенные, подобно жилым домам, к центру деревни. В Омаракане посреди селения находится большой амбар с ямсом, принадлежащий вождю. Несколько ближе к внутреннему кольцу, но также на центральной площади, стоит хижина, в которой проживает вождь.

Следует отметить характерную симметрию в планировке деревни, соответствующую определенной социологической схеме. На расположенной в центре площади сосредоточивается общественная жизнь и совершаются всевозможные празднества. Дома, находящиеся вокруг этой территории, как бы освящены и ограждены рядом табу. Улица, пролегающая между двумя рядами жилищ, — арена домашней жизни и повседневных событий. Не будет большим преувеличением сказать, что площадь — это мужской участок деревни, а улица — женский.

А теперь познакомимся с несколькими наиболее знатными жителями Омараканы».

Так писал профессор Малиновский в своей книге «Аргонавты западной части Тихого океана».

Наказ профессора мы со Стахом выполнили с тем большей готовностью, что в рассказе о деревне Омаракана не нужно было менять ни слова. В 1968 году Омаракана выглядела точно так же, как полвека назад, когда ее описал знаменитый этнограф.

С любопытством гляжу на приближающегося великого вождя. Предупрежденный своими подданными, он надел специально для нас европейскую сорочку, своего рода юбочку из белого ситца и кожаный пояс с блестящей пряжкой. Толстый, широкий нос и буйная курчавая шевелюра завершали его облик.

Он любезно здоровается с нами, а тем временем

оокруг начинают собираться старейшины деревни. Мужчины подходят слегка согнувшись, бдительно следя за тем, чтобы их головы были несколько ниже головы почтенного верховного вождя, как австралийцы величают правителя Киривины. Итак, этот старый обычай, описанный Б. Малиновским, сохранился! Никто из жителей острова Тробриан не осмелится сидеть, пока вождь Омараканы стоит, если только ему не подготовлено специальное место на возвышении.

Великий вождь Ванои слышал о белом чужестранце, проживавшем вместе с его предками в Омаракане, но мало что может рассказать об этом. Он требует к себе некоего старика по имени Тобутусава. Полусогнутый, весь в морщинах, старец долго рассказывает что-то на местном наречии, то и дело указывая на какое-то место на окраине деревни. Правительственный чиновник, который переводит нам эту сопровождаемую жестикуляцией речь, кратко резюмирует:

— Тобутусава говорит, что был тогда еще мальчиком, но помнит, как его старший брат Манокева разговаривал с белым чужестранцем перед его палаткой, которая стояла под той вот пальмой.

Гляжу на указанное место и представляю себе одинокого, худощавого человека в очках, стремящегося проникнуть в суть незнакомых ему явлений и обычаев и делающего свои записи перед палаткой в окружении деревенской детворы.

Тобутусава узнает по фотографии (в английском издании книги Б. Малиновского) ее автора, но больше всего его интересуют стоящие рядом с ним дети. Старик так и сыплет именами малышей, давно уже умерших, с которыми он играл в годы своего детства. Тобутусава переворачивает страницу в поисках более подробных сведений о тех временах, но видит лишь зачерненную местами бумагу.

В беседу теперь вступает Ванои:

— Белый чужестранец разбил свою палатку в Омаракане, когда здесь правил великий вождь То'улува. После него управлял Митаката, а место последнего занял я.

Ванои ведет нас к середине центральной площади, где сооружено прямоугольное возвышение в виде ящика, затененное опирающимся на столбиках балдахинном.

На досках — цветная резьба и украшения из белых раковин. На одной из продолговатых сторон балдахина висит в простой раме красочный портрет островитянина в парадном одеянии. У него наплечники из белых раковин, ожерелье из красных раковин спондилуса⁵⁰, браслеты на ногах и пышный головной убор. Изображенный на портрете Митаката взирает на свой дом вождя и нарядные амбары, которые подданные великого вождя Киривины по-прежнему заполняют ямсом во время празднования сбора урожая (*миламала*).

Великий вождь Ванои угощает нас фруктами, а мы преподносим ему табак и папиросы. Он обещает нам помочь в осмотре его владений и разрешает принять участие в ловле акул.

С наступлением сумерек возвращаемся в Лосуиа под гостеприимный кров Тима.

С трещоткой на акул

Мы решили ковать железо, пока горячо. Охота на акул пленила наше воображение. Но для этого нам предстояло отправиться сперва в деревню Каибола на северной оконечности острова. Терри взялся подвести нас туда на небольшом вездеходе. Поездка заняла меньше часа, так как Киривина не столь уже велика: длина — тридцать, ширина — от трех до десяти миль. Пользуясь тем, что дорога была ровной и сравнительно приличной, водитель успел многое рассказать нам о местных островах.

Терри прежде всего отметил, что острова Тробриан обязаны своим названием Дени де Тробриану, первому офицеру корабля «Эсперанс», на котором французский мореплаватель — первооткрыватель Д'Антраксто⁵¹ проходил по этим водам в конце XVIII века. Затем он рассказал нам, что дорога, по которой мы едем, была с немалым трудом построена инженерными войсками США в ходе сражений за Коралловое море и Рабаул во время второй мировой войны. Тогда же здесь был сооружен аэродром для самолетов-истребителей, совершавших ожесточенные налеты на японские позиции и корабли.

Дислокация небольшого гарнизона военно-воздуш-

ных сил вызвала в свое время немалое смятение на Киривине и причинила много забот как австралийской администрации, так и миссионерам. Американские парни, как рассказывают, слишком уж рьяно стремились брататься с местным населением, уделяя особое внимание молодым женщинам и щедро раздавая при этом бутылки со спиртными напитками.

— В настоящее время,— продолжал Терри,— у нас уже есть школы; на всех островах Тробриан растет народонаселение, главным образом благодаря хорошей медицинской помощи. Архипелаг, который всегда славился излишками пищевых продуктов, ныне уже не может похвастать ими. Не исключено, однако, что развивающееся производство сувениров для удовлетворения спроса прибывающих сюда время от времени туристов вскоре улучшит материальное положение аборигенов.

Безвозвратно миновали времена, когда на Киривине свирепствовали венерические болезни, а молодые, чаще всего пьяные, парни из Самарайя (о-в Новая Гвинея) наезжали сюда, чтобы поволочиться за местными девушками, которые не придавали особого значения половым связям, считая их обычной естественной потребностью.

Ехали мы по коралловой скале, которую некогда сравнивали военные бульдозеры. По обеим сторонам дороги зеленой стеной стояли посадки ямса и таро перемежку с пальмами. Время от времени мимо нас проходили приветливо улыбавшиеся мужчины-аборигены и их женщины, тащившие свой убогий скарб в сетчатых мешках. Они шли работать на огородных делянках.

Вопреки распространенным в Европе стереотипным представлениям об Океании, жители островов Тробриан отнюдь не беззаботные дети природы, всячески избегающие любого труда, ожидая, что спелые плоды, щедро поставляемые им тропической природой, сами попадут в рот. На самом деле все обстоит совершенно иначе. Островитяне привыкли работать усердно и систематически, упорно и целеустремленно, не дожидаясь, пока их вынудят к этому неотложные потребности.

Даже сегодня, при наличии усовершенствованных орудий, жители островов посвящают по меньшей мере

половину своего времени работам на огородах. Они трудятся значительно больше, чем это необходимо для самого выращивания плодов, много времени уделяя тому, что мы назвали бы эстетикой огорода, а также проникшей во все стороны их жизни вездесущей магии. Определение *токвайбагула*, приблизительно означающее «хороший огородник», до сих пор считается почетным званием, которым можно гордиться. Распространен также обычай выставлять напоказ урожай с каждой делянки. Соседи обходят огороды и восхищаются красотой клубней ямса или таро. Это — своего рода постоянная сельскохозяйственная выставка-конкурс.

Между рядами растрепанных пальм уже проглядывало море, когда Терри совершил лихой поворот, и мы очутились на обширной площади, окруженной хижинами. Обещав заехать за нами вечером, Терри оставил нас в самом центре рыбацкого поселка. Вскоре явились вождь, несколько старейшин и целая куча детворы.

Фактор времени не играет доминирующей роли у островитян, а поэтому подготовка весел, бечевок, крючков и всех других принадлежностей, необходимых для нашей охоты, заняла не один час. Представилась, таким образом, отличная возможность приглядеться к жизни деревни. Возле хижин сушились сети и, как обычно, слонялись поросята, причем некоторых из них держали на привязи подростки. Повсюду красовались разложенные в надлежащем порядке дары моря — связки сушеных рыб, панцири черепах, большие раковины, и в том числе крупная, величиной с таз, тридакна, самая большая раковина, которую я когда-либо встречал. Маленькая девочка-аборигенка пользовалась ею... как ванной.

Перед одной из хижин, находившейся на окраине деревни, трудился над чем-то старик. Подойдя поближе, мы увидели, что он проделывает отверстие в толстой раковине. Старец пользовался примитивным сверлильным приспособлением, за которое любой этнографический музей в Европе заплатил бы немалые деньги. Оно обеспечивало вращение каменного наконечника сверла, что наглядно свидетельствовало о технических способностях аборигенов.

Мы уже успели осмотреть в деревне все, что казалось нам интересным. Даже женщины, свыкшиеся с нашим присутствием, перестали робко прятаться за угла-

ми хижин, однако наши акулоловы все еще не были готовы.

Когда они наконец собрались, мы направились к берегу, где заботливо прикрытые листьями пандануса находились лодки, конструкция которых нас невольно поразила. Тщательно выдолбленный деревянный ствол был соединен ажурным помостом с балансиrom. Удивительнее всего были крепления, сделанные без единого гвоздя или куска проволоки. На местном диалекте такая лодка называлась *вага*. Лодки делятся здесь на три типа, в зависимости от их размеров: *масав* — дальнего плавания, *калипоуло* — средней величины и *кевоу* — самый маленький челн, длиной не более двух метров.

Несколько обеспокоенный, я заметил, что рыбаки готовят для нас как раз такие маленькие лодки. Глядя на эти две углые посудинки, я невольно вспомнил трех огромных акул у австралийского пляжа в Ньюкасле, каждая из которых была по меньшей мере вдвое длиннее наших кевоу. Акулы эти были пойманы в крепкую сеть крупным судном акульего патруля. В наших же двух лодках, которые уже готовились спустить на воду, лежали только бечевки с крючками и пара ножей. Чертовски мало! Оставалось лишь уповать на магию и колдовство. Тут как раз и начались подходящие случаю обряды.

Четыре мальчика поймали в море две сказочной красоты небольших рыбы, которые могли появиться лишь в глуби тропических морей. Одним только духам предков меланезийцев ведомо, каким образом малышам удалось голыми руками добыть этих рыб; ребятишки уплыли в море всего на несколько минут, и вот их добыча уже трепещет на крючке. Рыбак, с которым мне предстоит плыть, стоит на коленях на берегу; его лицо обращено в сторону моря; он молитвенно бормочет что-то прямо в раскрытые пасти рыб, которые прикладывает к губам. Но вот он кончил молиться, положил крючок с приманкой в лодку и столкнул ее в высокую волну прибоя. Через мгновение его голова уже подпрыгивает, словно круглый мяч на волне, у борта лодки. Теперь начинаются самые важные заклинания.

Рыбак умоляет морских духов, чтобы акула не разбила хрупкую ладью, чтобы она оказалась кроткой, а морская волна не опрокинула его углую посудину. Ры-

бак ныряет, а затем, как предписывает ритуал, натирает борта лодки пучком трав. Готово! Теперь он возвращается на берег.

Мокрый до пояса, забираюсь в лодку. К счастью, Соломоново море было в тот день спокойным, почти без ряби. Борта нашей лодки выступают всего лишь на десять сантиметров над зеркальной его поверхностью. Спереди гребет мой рыбак. Ни паруса, ни мачты нет. Может быть, это и лучше, лодка будет устойчивее.

Итак, рыбак гребет, а я сижу сзади и смотрю на наше снаряжение и на весло, которое у меня под рукой. Немного помогаю. Рыбак взглянул на меня, улыбнулся и что-то сказал. Я ничего не понял, конечно, но это было неважно. Гребу, а сам с возрастающим интересом посматриваю на наши примитивные «орудия», лежащие в лодке. Тут изогнутая дугой палка с нанизанными на нее маленькими кружками высушенной скорлупы кокосового ореха. Попросту трещотка. На берегу она гремела довольно громко. Сгораю от любопытства, какой звук она будет издавать под водой. С трещоткой на акул! Это же сплошная нелепость, никто в Польше мне не поверит.

Рыбак бросает весла, берет трещотку и погружает ее в воду. Отчетливо слышу приглушенный водой треск. Так, наверное, звучит голос сирены, цель которой заманить акул. Что ж, посмотрим. Трещотка все время в работе. Даже я устаиваюсь чести взять ее в руки. Рыбак тсм временем гребет. Меняем место лова. Прошло уже полчаса... и никаких результатов. Начинаю смеяться над самим собою, что поверил в возможность ловить акул с помощью трещотки. Что же мне, однако, делать дальше? Продолжаю действовать трещоткой. По крайней мере, мне удалось выйти в море на лодке с островитянином.

Но вот что-то происходит. Рыбак кидает вдруг весло на дно лодки и бросает за борт крючок с приманкой. Неужели? В озаренной ярким солнцем морской воде мелькнула какая-то тень...

Лодку сильно закачал. Бечевка напряглась. Рыбак голосит вовсю, кевоу еще больше раскачивается, я чувствую, как мурашки пробегают у меня по спине. Мои движения в узеньком челне крайне стеснены. Теперь все сомнения рассеиваются, что-то клюнуло на нашу приманку. Рыбак продолжает кричать и изо всех сил тянет

бечевку. Неожиданно я оказываюсь между ним и мечущейся добычей. Пока ничего не вижу.

Есть! Между бортом лодки и балансиrom клубится вода. Теперь отчетливо различаю плавник, зубастую пасть. Акула!!! Небольшая, полтора, быть может, два метра. В лодке начался сущий ад. Становится немного не по себе, как-никак живая акула с полным набором зубов и на расстоянии всего полметра от меня. Мой рыбак орет как одержимый. Не знаю, как помочь ему, что предпринять?! А он продолжает кричать! Не стану же я колоть акулу ножом. Во-первых, не сумею размахнуться, а во-вторых, чего скрывать, боюсь этого акульего недоростка. С отчаяния хватаю весло и колочу его по голове. Раз, другой, и вдруг все успокаивается. Акула, которой я скорее помог, чем повредил моим веслом, сорвалась вместе с крючком и исчезла. Лишь мой рыбак продолжал надрываться.

Вне сомнения, он ругал меня на чем свет стоит. И вполне понятно. Если бы вместо меня, взрослого мужчины, здесь сидел кто-либо из его юных сыновей, акула к вечеру несомненно варилась бы в их семейном котле. Сдался же ему этот белый растяпа...

Рыбак вдруг умолк и принялся грести. А я радовался. Несмотря на безрезультатность охоты, я все-таки участвовал в ловле акул с помощью... трещотки! На обратном пути я пытался объяснить рыбаку по-польски, чему я так рад. И пожалуй, мне удалось его умиловить. Видно, местные островитяне отходчивы. Лодка еще не пристала к золотисто-песчаному берегу, а рыбак уже приветливо улыбался мне. И этих-то людей считают «дикарями»!

Возвращение на берег также было приятным. Все население деревни собралось здесь. Благодаря красноречию моего рыбака, я стал «героем дня». Смеху было немало, однако подшучивали надо мной дружелюбно. Мы со Стахом стали своими людьми. Наши сигареты и табак придали еще больше теплоты встрече, да и гостеприимные хозяева щедро угощали нас (впрочем, и себя) фруктами. Как всегда, магнитофон произвел фурор и снова, как месяц назад, мы записывали хоровое пение. На этот раз певицами были девушки. Под аккомпанемент примитивной гитары они исполняли мелодичные песни. Девушки казались нам просто прекрасными!

Этот приятный вечер на берегу Соломонова моря был словно выхвачен из фильма о тропических морях. Ночь, как всегда в этих географических широтах, опустилась, словно занавес в театре. А когда полная луна, пробиваясь сквозь перистые пальмы, стала бросать на воду тусклые блики, в ее мерцающем свете, словно по заказу, показалась вдали лодка с парусом, напоминающим клешни краба. И кто знает, быть может, бравый ее экипаж отправился в путь, чтобы совершить извечный в этих местах обряд?

Задумчиво глядел я на мелькавшую в свете луны ладью, а тем временем девушки из Каибола тянули свои песни. Я невольно вспомнил о профессоре Малиновском, который не только часами прислушивался к пению островитян, но и сам охотно вторил им. Прошло немало лет, но до сих пор здесь вспоминают о нем, как о человеке-певце. А потом, сидя ночью в палатке, ученый записывал в своих дневниках: «Я живу спокойно среди неолитических дикарей, но мысли постоянно уносят меня в родную Польшу».

Малиновский писал о «дикарях», но в то же время выступал против распоряжений администрации, оскорблявших традиционные верования населения и резко критиковал ошибки, допускаемые миссионерами. Он даже составлял решительные доклады по этому поводу.

«Человечество едино,— писал профессор.— Дикарь в действительности вовсе не дикарь... Настоящий дикарь — это тот, кто поступает как варвар».

Гармонию песни нарушил внезапно раздавшийся со стороны дороги звук клаксона. Приехал Терри. Мы вскочили с теплого песчаного пляжа и веселой гурьбой направились к автомобилю.

«Передо мною шла красивая, хорошо сложенная девушка. Я наблюдал за мышцами ее спины, за фигурой: красота ее тела, которое у нас, белых, прикрывают, пленила меня. Вероятно, мне никогда не удастся наблюдать столь долго за игрой мышц даже у собственной жены. Я пожалел, что не родился островитянином и не могу претендовать на благосклонность такой красивой девушки»,— писал профессор Малиновский пятьдесят лет назад.

«Вряд ли к этому можно что-либо добавить или убавить»,— подумал я, садясь в вездеход.

В большом холле гостиницы Тима несколько вечеров подряд мы вели беседы об архипелаге Тробриан и его жителях. В них участвовали, естественно, владелец отеля, Терри с женой, а также мистер Маккеллер и другие члены крошечной местной колонии белых. Почти неизменным спутником этих вечерних собеседований был дождь.

К сожалению, мы попали сюда в не очень удачное время. Интенсивная жизнь островитян, насыщенная обрядами и торжествами, приходится обычно на период пассатов (май-сентябрь). Местный праздник урожая также начинается в сентябре и кончается в октябре. Дату начала этих ежегодных празднеств устанавливают местные колдуны, приурочивая их ко времени появления у берегов червя палоло. Мы же прибыли на остров Войова (Киривина) в конце января и поэтому не могли наблюдать жизнь островитян так, как нам бы этого хотелось.

И тем не менее мы без усталости бродили по окрестным деревням со столь причудливыми названиями, как Коквауква, Оювейова, Кваибвага, чтобы вечером поделиться своими наблюдениями, сопоставить их и пополнить наши знания в доме Тима.

Оказалось, что хотя действующие на острове миссионеры разных толков и подавляют частично старые обычаи, эти последние продолжают культивироваться и существенно не отличаются от тех, которые описал Малиновский.

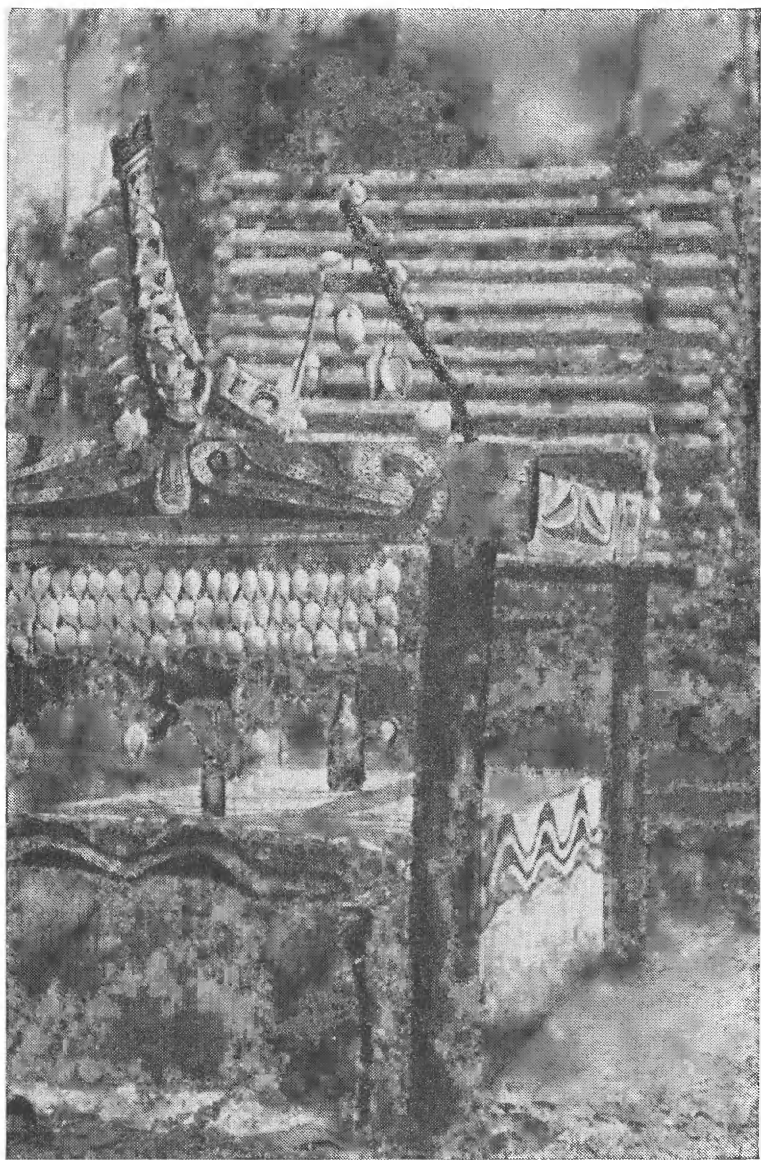
Так, у аборигенов по-прежнему сохраняется матрилейность, то есть мать считается единственным лицом, от которого ведутся происхождение, родственные и все другие общественные связи. Таким образом, брат матери является для ее детей более важным лицом, чем родной отец. (В течение многих веков жители островов Тробриан вообще не подозревали, что отец имеет что-либо общее с рождением ребенка, а сожителство супругов с его зачатием. Согласно прежним верованиям, дети — это просто духи предков, проникающие во время купания в тело женщины, не отдающей себе отчета в знаменательности момента. Муж, отсутствовавший дома, скажем, два года, без удивления и сцен ревности взирал

на новорожденное дитя своей жены, которая, по-видимому, слишком часто... купалась в это время.) Таким образом среди жителей островов Тробриан женщина пользуется значительно большим влиянием, чем у многих племен Папуа Новой Гвинеи.

Также по старой традиции вождь Омараканы — это лицо, владеющее многими окрестными деревнями в районе Киривины. Связи эти осуществляются посредством браков великого вождя, проживающего в Омаракане, с сестрами вождей подчиненных ему деревень. Если у старого То'улува было около шестидесяти таких жен, то у молодого Ваной — уже меньше двенадцати. Вассалы верховного вождя из Омараканы присылают ему новых жен вместе со щедрыми дарами в виде продуктов, причем эту дань приносят ежегодно после сбора урожая. Это позволяет вождю устраивать торжества, приобретать ценные украшения, строить лодки и отправляться в морские путешествия. Имущественное положение возвеличивает его, свидетельствует о высоком ранге.

По-прежнему жизнь на островах характеризуется значительной свободой любовных связей. Молодые девушки имеют в деревне своих постоянных партнеров, с которыми ночуют в специально выделенных «домах для холостяков». Это в принципе не мешает им встречаться с другими мужчинами, а тем более вступать в брак, который, как и прежде, совершается фактически значительно раньше, чем заключается формально. Самый обряд бракосочетания, впрочем, весьма несложен и состоит в основном в совместном приеме пищи в доме родителей жениха. Церемония завершается замысловатыми взаимными подношениями, преимущественно в виде продуктов, так как на островах Тробриан никакого «выкупа за невесту», как это принято у жителей Нагорья, не практикуется. Впоследствии семья обязана снабжать новобрачную продовольствием. До замужества девушке не подобает принимать пищу вместе с женихом. Наблюдая жизнь в деревнях, где мне удалось побывать, я заметил, что до сих пор еда даже в тесном семейном кругу считается каким-то интимным делом и совершается тайком.

Девушки с местных островов пользовались в прошлом, да нередко и сейчас, столь значительным равнопра-

Архипелаг Тробриан. Гробница старого вождя в Омаракане

вием с мужчинами, что им не возбраняется чуть ли не открыто совершать групповые любовные экскурсии, так называемые *катуйауси*, в соседние деревни, подражая (а может быть, мстя) таким образом своим парням, которые также совершают подобные вылазки: у мужчин они именуется *улатиле*.

На островах Тробриан во время похоронных обрядов, совершаемых по древним обычаям, все члены общины, за исключением тех, кто принадлежит к роду умершего, стригут свои пышные шевелюры и покрывают тело слоем жира, смешанного с древесным углем. Согласно обычаю, соседи из других деревень приходят к ложу покойника, чтобы пробыть с ним некоторое время. Обычно после таких посещений несколько местных девушек остаются с соседями, чтобы утешить их.

Во время любовных свиданий девушки вольны причинять своим партнерам боль: они могут бить, хлестать, царапать и даже поранить их. Больше того, женщины стремятся изуродовать таким путем как можно больше мужчин. В свою очередь, многочисленные царапины и раны — предмет гордости мужчин, признак их удач и высоких мужских качеств; они позволяют им надеяться на награду от своих мучительниц. Мужчина избегает подобных «ласк» лишь тогда, когда девушка ему не нравится. Миссионеры восстают, конечно, против подобной практики, однако в деревнях, расположенных вдалеке от миссий, мы часто наблюдали наглядные доказательства подобных «шалостей» на теле молодых мужчин.

Красота женщины на островах Тробриан оценивается главным образом по овалу лица и глазам. Лицо должно быть полным и круглым, а глаза — небольшими. Аборигены считают их местом, через которое в «человека проникает влечение». Откусывание ресниц (действие называемое *митакуку*) играет также важную роль в любовных ласках. Особое значение придается груди — *нуну*, ее форме и величине. Как и у нас, женщина должна быть стройной, живот ее — небольшим. Этот последний признак красоты касается одинаково как женщин, так и мужчин. Местные представительницы прекрасного пола поддаются также обаянию приятного мужского голоса. Хороший певец может здесь рассчитывать на такой же успех у женщин, как и у нас.

Меня поразило то, с какой готовностью и сноровкой

отцы во всех деревнях ухаживают за маленькими детьми. Женатый островитянин умеет приласкать и накормить (какой-нибудь кашницей) малыша и даже тщательно вымыть его, если ребенок испачкается. Удивительно, что все это происходит в условиях, когда мужчины привыкли стыдиться выполнять функции, считающиеся исключительно женскими. Выражение «ты — повар» звучит здесь оскорбительно. Поэтому местный островитянин никогда не приложит руку к приготовлению пищи (разве что во время плавания в море на лодках). И нет ни малейшей надежды, чтобы даже в отдаленном будущем что-либо изменилось в этом отношении.

Достойна похвалы также чистоплотность жителей Киривины. Они чрезвычайно чувствительны к грязи и неприятным запахам. Местные деревни всегда чисто подметены, нигде не валяются пищевые отбросы, люди очень часто купаются (купание именуется здесь *какайя*). В то же время все звуки, издаваемые при еде, не считаются зазорными. Я также никогда не видел ни у одного из мужчин грязной набедренной повязки из листьев пальмы арека или несвежей юбочки у женщин.

Изготовление таких юбочек — дело отнюдь не простое. Их делают из листьев бананового дерева и пандануса, которые разрезают на узкие полоски и отбеливают на огне, а затем раскрашивают с помощью растительных красителей в два основных цвета: темно-фиолетовый и ярко-красный. Каждая из местных женщин имеет около пятнадцати таких более или менее нарядных юбочек, которые надевают в зависимости от обстоятельств.

Цветные юбочки красиво сочетаются с бронзовой кожей островитянок. В целом, местные женщины, особенно молодые, весьма милостивы.

Мужская красота европейского типа не вызывает на островах Тробриан особого восторга. Европейцев находят здесь не очень привлекательными. Их носы узки, словно «острие топора», а глаза — велики, «точно лужи». Кроме того, как сообщил нам бесценный Тим, европейцев в местных кругах считают недостаточно сильными в сексуальном отношении.

Однажды в гостинице появились новые постояльцы, прибывшие на небольшом спортивном самолете. Одним

из них оказался рослый австралиец, выполняющий какие-то ответственные функции в административном аппарате Территории, другим — очаровательная молодая женщина. Их появление было для нас полной неожиданностью.

Австралиец прилетел, что бы вы думали... на предвыборный митинг, который должен пройти чуть ли не в типично американской манере. Наш новый знакомый, кандидат в депутаты парламента, привез листовки, напечатанные на «полицейском моту», фотографии собственной персоны и располагал, несомненно, немалым арсеналом аргументов, способных склонить островитян голосовать за него. На объявленный митинг я не явился, хотя и намеревался пойти. Помешал ливень, скромно называемый здесь дождиком.

Обаятельная дама, узнав, видимо, заранее, что мы — поляки, заговорила с нами на... русском языке. Мать Ольги Ван-Рийсвийк, урожденная Мусин-Пушкина, привила дочери любовь к родному языку. Так на далеких островах Тробриан я лишний раз убедился, какую огромную роль в жизни каждой эмигрантской семьи играет мать.

Ольга попала в Австралию несколько лет назад и училась в университете в Канберре. Сравнительно недавно написала дипломную работу, посвященную некоторым сторонам жизни островитян. А теперь вновь приехала в Киривину, чтобы собрать материал для диссертации.

Как подобает будущему доктору наук, Ольга оказалась кладезем знаний обо всем, что касалось населения островов Тробриан. От нее я узнал о замысловатом разделении местных жителей на родовые общины и более мелкие этнические группы, о местных легендах, о существовании на этом сравнительно небольшом острове поселка париев, прекрасных, впрочем, резчиков по дереву. Более «достойные» общины относятся к ним пренебрежительно, в частности потому, что эти люди не брезгают мясом лесных свиней, тогда как любой уважающий себя островитянин должен есть мясо только домашней свиньи.

Ольга знала все о магии, связанной с расчесыванием волос длинным, похожим на вилку деревянным гребнем *сината*, о подрезании волос и ногтей панцирем раковин

Ей было известно также, что холостой абориген не пользуется уважением своих сородичей и что таинственные мегалитические камни неизвестного происхождения используются местными колдунами для магических манипуляций.

Лишь одно в эрудированной красивой Ольге не нравилось мне: к сожалению, она уже была влюблена в некоего австралийца русского происхождения, за которого собиралась выйти замуж сразу же по возвращении из Киривины!

Кула

Быстро протекали дни, сопровождаемые постоянными тропическими ливнями. Таблетки хинина, которые заботливый Тим заставлял нас принимать каждый раз за едой, обретали все более горький вкус. Приближалось время нашего возвращения в Порт-Морсби. Мы уже стали сомневаться, удастся ли нам увидеть что-либо особо интересное, что еще больше связало бы в нашем представлении острова Тробриан с личностью профессора Малиновского. Но неожиданно нам повезло.

Во время одной из последних экскурсий в прибрежные деревни мы увидели обряд *кула*, значение которого для этого района Меланезии трудно переоценить. Его впервые описал Б. Малиновский в своей книге «Аргонавты западной части Тихого океана». Кула — чрезвычайно важная форма обмена, имеющая широкое межплеменное значение. Обряд этот охватывает обширную акваторию западной части Тихого океана и культивируется племенами, обитающими на островах, образующих замкнутое кольцо. В основе его лежит обмен двух (и только двух) предметов, однако обряд сопровождается и обычной торговлей, в ходе которой происходит обмен большими количествами предметов потребления. В связи с этим кула приобретает большое экономическое, интеграционное и культурное значение.

Объектом самого обряда считается длинное ожерелье из красных кружков спондилуса, именуемое *соулава*. Оно переходит с острова на остров по направлению часовой стрелки. В обратную сторону странствует браслет из белых раковин *мвали*. Циркуляция этих двух

предметов, не представляющих, в сущности, никакой ценности и имеющих чисто условное значение, никогда не прекращается. Партнеры, участвующие в обмене (обычно вожди деревень), не сменяются. «Один раз в кула, всегда в кула»,— говорят аборигены. Никто не задерживает подолгу ни мвали, ни соулава — их сразу же обменивают дальше — всегда ожерелье на браслет или наоборот. Полный оборот одного кула продолжается от двух до десяти лет.

Кула имеет еще одно важное значение: это освященное веками наглядное свидетельство бесспорного мастерства островитян в искусстве мореплавания. Тробрианская кула — наглядное доказательство этих мореходных способностей. В своих дневниках европейские мореплаватели-первооткрыватели Ф. Картере, Л. Торрес, М. Флиндерс и Дж. Кук с восторгом отзываются о «славных мореходах, смело бороздящих океан в углых лодках-однодеревках», которые им приходилось встречать на пути. Уже тогда удалось установить, что выдающиеся мореходы с Тихоокеанских островов знали названия около ста пятидесяти звезд, их расположение и часы восхода в разные времена года; они знали, над какими островами эти звезды появляются, и умели определять по ним курс от острова к острову. Не удивительно, что они обходились без компаса и даже еще в XX веке оказывали помощь белым морякам, издавна привыкшим полагаться на навигационные приборы, изготовленные рукой человека. Моряк с коралловых островов свои знания хранил в голове, умел наблюдать небо и океан и делать из своих наблюдений правильные выводы. Мореплавание было его основным занятием и главным средством добывать пищу, а также развлечением и единственным связующим звеном с внешним миром.

Благодаря традиции кула мореплаватели с островов Тробриан сумели сохранить в значительной мере умение своих предков. Традиция запрещает им плавать ночью. Согласно обычаю, они проводят это время на каком-нибудь рифе или на берегу дружественного острова. Это вполне понятно: между островами издавна участвующими в кула, находится множество опасных рифов. Островитяне знают, что на море их подстерегает немало опасностей. Реальной борьбы со стихией они боятся меньше.

Больше всего их пугают воображаемые опасности, такие, как возможность оказаться похищенными летающими колдуньями; потерпеть крушение в результате столкновения с неожиданно всплывающей с морского дна скалой; натолкнуться на легендарного спрута, способного потянуть ко дну большую лодку, и, наконец, высадиться на мифический остров Кайталугу — мнимое обиталище распутных женщин. Согласно верованиям островитян, злосчастного мужчину, попавшего в их руки, заставляют участвовать в сексуальных оргиях, которые за несколько дней приводят его к смерти.

На церемонию кула мы прибыли с некоторым опозданием. Обе лодки соседей уже стояли у берега, а золотистые паруса из циновки были уже опущены. На форштевне каждой из лодок было укреплено характерное для островов Тробриан украшение в виде плоской доски, чашеобразно расширяющейся кверху, покрытой растительными орнаментами, аккуратно раскрашенными в белый и розовый цвета.

Церемония была в разгаре. К старому вождю деревни, ожидавшему гостей перед хижиной, чинно шествовало несколько человек, причем впереди шел островитянин с рогом из раковины у рта. Глухой вибрирующий звук, который он издавал, навел меня на мысль о герольдах, возвещавших о рыцарских турнирах в средневековой Европе. Но вот рог умолк, соседи предстали перед вождем и произнесли длинную речь, из которой я, конечно, ничего не понял. Затем, снова под аккомпанемент звуков рога, они возложили ожерелье из красных кружков спондилуса к стопам хозяина. Вождь не соизволил даже нагнуться, чтобы поднять его; это сделал кто-то из его окружения. В конце концов дар соседей подвесили на жерди, торчавшей из стены хижины, и гости вернулись к своим лодкам. Весь ритуал занял не более четверти часа.

До сих пор не знаю, утратила ли кула за прошедшее столетие свое прежнее значение или же церемония, которую мы наблюдали, была специально устроена для нас мистером Маккеллером, пожелавшим угодить соотечественникам Малиновского. Аборигены на всех географических широтах не любят инсценировок, касаю-

щихся их обычаев, и чаще всего такие имитации проходят из рук вон плохо. Подозреваю, что так обстояло дело и в данном случае.

Б. Малиновский посвятил обряду кула несколько сот страниц, уделив много места описанию сопровождающих его обычаев, церемониальных процедур и системы подношений, предшествующих обмену ожерелья на браслет. Признаться, я был несколько разочарован. Но Стах, снимавший эту сцену, остался немного иного мнения.

— Уж лучше такая кула на островах Тробриан, чем никакой,— рассудил он, вывертывая из камеры объектив.

На следующий день перед гостиницей и примыкающим к ней торговым складом появилось больше островитян, чем обычно. Это несомненный признак ожидаемого прибытия самолета с «Большой земли», возможно, с туристами. Для нас, увы, это был авиалайнер, на борту которого нам предстояло покинуть «острова Малиновского».

Несколько мужчин в окружении мальчиков сидели на лежавших поблизости пнях и спешно заканчивали вырезанные из дерева изделия. Это были эбеновые фигурки, небольшие столики, деревянные подносы в форме рыб, а также разные зверюшки. Я с интересом присматривался к движениям их ловких рук. Островитяне резали по дереву гвоздем (во времена Малиновского — костью кенгуру) и полировали поверхность клыком свиньи. Это придавало фигуркам тонкий блеск. Другие части резных изделий терли растянутой на искусно сделанной рамке кожей небольшого ската, которая с успехом заменяла наждачную бумагу.

Мне особенно понравился вырезанный из дерева большой краб, которого заканчивали на моих глазах. Я решил купить это небольшое творение, тем более что оно стоило не больше нескольких шиллингов. За полчаса мастер закончил краба. А так как уже настало время укладывать вещи, я поднялся, чтобы положить в чемодан свою покупку.

Однако крабу не суждено было попасть в Польшу. Не прошло и десяти минут, как до меня донесся гомон возбужденных голосов, и в комнату вошел Тим.

— Это вы купили деревянного краба?

— Да, я. А что такое?

Тим смущенно почесал затылок.

— Видите ли, островитянин, который продал его вам, стащил полуфабрикат у своего брата и сегодня утром отделал краба на свой собственный страх и риск. Но поскольку вы купили его, то вовсе не обязаны отдавать...

— Нет, Тим, что вы!

Два брата, ругая друг друга последними словами, стояли, окруженные толпой зевак, перед гостиницей. Я взял обратно деньги, и деревянный краб остался на острове. Не мог же я допустить, чтобы соотечественник профессора Малиновского стал виновником семейного раздора на островах Тробриан.

Дикарь — вовсе не дикарь...

В Порт-Морсби мы вылетели на самолете «Дакота». Короткая промежуточная посадка в Вивигани, на одном из островов архипелага Д'Антракосто, где рядом со взлетно-посадочной полосой вздымалась вершина высотой свыше двух с половиной тысяч метров, невольно заставила еще раз пожалеть, что знаменитые «острова Малиновского» не могут похвастать высотами, превышающими... тридцать метров. Я сокрушался в душе об убогой топографии островов Тробриан, словно был их владельцем.

И вот мы опять летим над Новой Гвинеей. Непроходимые джунгли и дикие горы. Лишь один раз под нами мелькнула лысая возвышенность — вулкан Ламингтон, извержение которого в январе 1951 года унесло три тысячи человеческих жизней. С птичьего полета эта часть Острова, родины райских птиц, выглядела, вероятно, так же, как и многие тысячи лет назад.

Тут мне на ум пришла забавная мысль. Если бы сегодня, в эпоху космических полетов, какие-нибудь внеземные цивилизации прислали на нашу планету два разведывательных корабля, один из которых сделал бы посадку, скажем, в Нью-Йорке, а другой — в новогвинейских джунглях, то их капитаны вряд ли смогли бы дать сколь-либо единодушный отзыв об обычаях землян и их

экономике. Ибо какая, хотя бы внешняя, связь может существовать между атомным подводным кораблем и каменным топором, как сравнивать небоскребы Манхаттана с тамбараном, как наконец расценить родовую месть новогвинейских племен в сопоставлении со «святой» инквизицией минувших веков, концентрационными лагерями или «цивилизованной» резней американских дивизий в Индокитае. Пришельцам из космоса потребовалось бы, вероятно, немало времени, чтобы установить тот простой факт, что «человечество — едино, дикарь — в действительности вовсе не дикарь. Настоящий дикарь — это тот, кто поступает, как варвар». Эту простую аксиому профессора Малиновского, пожалуй, лучше всего постигаешь, путешествуя по столь необычному для европейца региону нашей планеты, каким является Новая Гвинея.

Говорят, что об истории любого народа судят по описаниям его историков, что каждое странствие выглядит так, как о нем рассказал бы хроникер. А белые путешественники, по их словам, веками встречали исключительно «диких людей», которых попросту не понимали, или — убежденные в своем превосходстве — и понимать не желали. Покорение новых земель, эксплуатацию цветных народов белые завоеватели считали своим исконным правом. А чинимые ими зверства и грабежи, свою жажду наживы и стремление поработить местных жителей почитали нормальным явлением и неизменно клеймили любые попытки населения защищаться от закабаления, считая это «варварством и дикостью». А каков был, за немногими исключениями, моральный и интеллектуальный уровень самих белых открывателей? Многие из них, прежде чем заслужить почести, занимались обычным морским разбоем. Их знания часто ограничивались знакомством с простейшими основами мореплавания. И вот подобные лица, лишённые чаще всего элементарного интереса к вопросам социологического или культурного характера, приклеивали обычно этикетку «дикарь» людям, стоявшим зачастую во многих отношениях на более высоком, чем они, уровне, за исключением разве умения пользоваться огнестрельным оружием.

Белые авантюристы признавали лишь одно — собственную выгоду. В осуществлении своих намерений они

не останавливались ни перед чем. И поступали варварски. Зверства конкисты не были единичным явлением в эпоху великих открытий. Даже в путевых хрониках столь выдающихся мореплавателей, как Дж. Кук, У. Дэмпир, Ж. Лаперуз и др., немало черных страниц.

Новая Гвинея оказалась в особом положении. Остров приобщился к так называемой «цивилизации» в сущности лишь после второй мировой войны, а его жители не сталкивались с классическим европейским колониализмом XIX века, если не считать короткого периода германского господства.

Немало еще парадоксов встречаешь в этой стране. Иногда новогвинейцам приходится платить, чтобы заставить их принять спасительные лекарства, подчас невольно улыбнешься, глядя, как статный пастух с пучком листьев на ягодицах садится за руль грузовика, а то вдруг задумаешься над высоким эстетическим чувством этих людей. Их упорство, трудолюбие и большие способности достойны удивления. Там, на Новой Гвинее, «дикари» вовсе не являются дикарями.

Еще немало дождей прольется в новогвинейских горах, пока племена, обитающие на берегах рек Сепик или Кикори, будут ежедневно есть досыта; еще немало времени пройдет, пока жители Нагорья станут хорошими земледельцами или лесоводами. Однако огромная пропасть, отделяющая людей эпохи неолита от современности, уже в значительной мере преодолена.

Мы не покинули Новую Гвинею до начала выборов, как предполагали. Визы нам официально продлили, мы остались, чтобы понаблюдать за голосованием. К избирательным урнам явились и многие аборигены из административных учреждений, одетые по-европейски, и те, кто щеголял в нарядах из перьев райских птиц, вероятно, не отдавая себе полного отчета в важном значении события. В общем, однако, и те и другие сделали еще один шаг по пути к лучшему будущему своей необыкновенной страны.

Сверкающий авиалайнер трансавстралийских воздушных сообщений с фирменным изображением кенгуру на фюзеляже уже стоял на бетонной дорожке аэродро-

ма. В зале ожидания собралась довольно большая группа людей, пожелавших проводить двух польских журналистов. Были среди них, конечно, неоценимый Гэс, Денис Уорен, Питер В. Бест и другие наши друзья, которые бескорыстно помогали двум полякам, оказавшимся в этих далеких краях и ставшим для них «Яном и Стэном», то есть своими людьми. Обычные в таких случаях реплики перемежались и добрыми пожеланиями на польском языке, так как проводить нас пришли также супруги Цихоцкие и Водварка. Ибо в конце концов нам удалось отыскать эту последнюю польско-чешскую чету, прекрасная половина которой оказалась урожденной варшавянкой, с умилением вспоминаяшей столичные кафе и зиму, проведенную в Татрах.

Наряду с дружественными пожеланиями и массой впечатлений, которые мы увозили с этого удивительного острова, в нашем багаже оказалось и некоторое количество сувениров, главным образом из района реки Сепик и с островов Тробриан. Этой скромной коллекции, разрешенной к вывозу хранителем местного музея, предстояло в тиши домашней обстановки напомнить о нашем пребывании на далеких островах Тихого океана и повеять жарким дыханием тропиков в запорошенной снегом Варшаве. Большая ритуальная маска, нож из кости, несколько стрел и фигурок вместе с панцирем черепахи — все это лежит или стоит сейчас рядом с клыком мамонта с Аляски и китовой костью с Баффиновой Земли в ожидании... новых экспонатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *A la carte* — по карточке, на заказ. (франц.).

² Иньиго Ортис де Ретес (годы рожд. и смерти неизв.) — испанский мореплаватель XVI века. Открыл в 1545 году северо-восточный берег Новой Гвинеи.— *Прим. перев.*

³ Меркатор (Кремер), Герард (1512—1594) — фламандский картограф.— *Прим. перев.*

⁴ В настоящее время этот город именуется Джаяпура.— *Прим. перев.*

⁵ Современное название этой части острова — Ириан Джая.— *Прим. перев.*

⁶ Папуа и Новая Гвинея имели разные статусы зависимости. Папуа с 1906 года — колония Австралии; Новая Гвинея — первоначально колония кайзеровской Германии, после первой мировой войны стала подмандатной, а после второй мировой войны подопечной территорией Австралии. 16 сентября 1975 года Папуа Новая Гвинея получила независимость. В ходе дальнейшего изложения автор, чтобы избежать путаницы, называет остров Новая Гвинея просто Островом, а территорию Папуа Новая Гвинея — Территорией.— *Прим. ред.*

⁷ Грюнвальдская битва — сражение, происшедшее в 1410 году между войсками немецкого Тевтонского ордена и Польского королевства совместно с Великим княжеством Литовским и с участием русских и украинских полков, закончившееся сокрушительным поражением тевтонских рыцарей.— *Прим. перев.*

⁸ По данным на 1972 год в Папуа Новой Гвинее проживает 2 580 тыс. человек, из них 2 412 тыс.— коренные жители, 48,9 тыс.— европейцы, китайцы, японцы и др.— *Прим. ред.*

⁹ Патрульные офицеры — чиновники, руководящие постами администрации в сельских районах Папуа Новой Гвинеи и осуществляющие непосредственный контроль над жизнью местного населения.— *Прим. перев.*

¹⁰ «Полицейский моту» — язык межгруппового общения в Папуа, сложившийся на основе меланезийского языка моту. Возник в результате ежегодных торговых экспедиций («хири») племени моту, живущего вблизи Порт-Морсби, в районы залива Папуа с целью обмена гончарных изделий на саго и другие продукты зем-

леделия. Эта упрощенная форма языка моту была неофициальным административным «лингвафранка» в Папуа, использовавшаяся туземной полицией. Отсюда название «полицейский моту», замененное в настоящее время на «хири моту».

«Меланезийский пиджин» (его также называют неомеланезийским языком) наиболее широко распространен как язык общения на бывшей подопечной территории Новая Гвинея. В 1973 году на нем говорило более миллиона человек. Все официальные издания публикуются как на английском языке, так и на «меланезийском пиджине» и «хири моту». — *Прим. ред.*

¹¹ «Пиджин инглиш» — язык-гибрид, лексика которого в основном английская (сильно искаженная фонетически), а грамматика — австронезийская. — *Прим. перев.*

¹² Гора Косцюшко — самый высокий хребет в Австралии (горы Австралийские Альпы), открытый и названный так польским путешественником Стшелецким. — *Прим. авт.*

¹³ Так называлась с 1884 по 1920 год «германская» Новая Гвинея. — *Прим. ред.*

¹⁴ Стюарт Джон Макдуал (1815—1866) — английский путешественник по Австралии. В 1862 году пересек Австралию с юга на север, пройдя от озера Эйр до залива Ван-Димен. — *Прим. перев.*

¹⁵ Холл Чарльз Френсис (1821—1871) — американский полярный исследователь. — *Прим. перев.*

¹⁶ Бетель — вид жвачки, широко распространенной в Юго-Восточной Азии, изготавливается из листьев перечного растения аналогичного наименования (*Piper betle*), в которые заворачиваются кусочки плода ореховой пальмы (*Areca*) и немного извести. — *Прим. ред.*

¹⁷ М а с т а («пиджин инглиш») — от английского «мистер», «господин». — *Прим. перев.*

¹⁸ «Хилтон» — фирма, владеющая отелями во многих странах Европы. — *Прим. перев.*

¹⁹ «Мужские дома» — общественные здания в Меланезии и Микронезии, где жили неженатые мужчины родовой общины. Выделялись среди других домов своими размерами и архитектурой. Нередко здесь собирались члены тайных союзов. — *Прим. ред.*

²⁰ К и а п — распространенное в Новой Гвинее слово, означающее «белый начальник» и, по всей вероятности, происходящее от английского слова «captain» (капитан). — *Прим. авт.*

²¹ С и л ь ф — в кельтской и германской мифологии легкое, подвижное существо, олицетворяющее стихию воздуха. — *Прим. перев.*

²² «Bungs Philp» («Бёрнс Филп») — одна из трех ведущих австралийских монополий, действующих в Папуа Новая Гвинея. — *Прим. перев.*

²³ «Голова принадлежать маста, что принадлежать самолет» («пиджин инглиш»).

²⁴ J. Wolniewicz, W krainie zlota i to temów, Warszawa, 1967.

²⁵ Р. Мофрэ — путешественник, погибший в Южной Америке. Оставил дневник, который он вел до конца жизни. — *Прим. авт.*

²⁶ Баден-Поуэл Роберт (1857—1941) — английский генерал, основатель движения бойскаутов. По его имени названа легкая широкополая шляпа, ставшая частью снаряжения последних. — *Прим. перев.*

²⁷ Операция британских войск 18—27 ноября 1941 года по освобождению своего гарнизона, блокированного в Тобруке (Сев. Африка) итапо-германскими войсками.— *Прим. ред.*

²⁸ Этот ветеран поднебесных трасс еще в 1968 году работал в управлении Трансавстралийских воздушных сообщений в Мельбурне. В Австралию прибыл около пятидесяти лет назад. Происходит из польской семьи, которая двести лет назад эмигрировала в Шотландию. Родился в Финляндии.— *Прим. авт.*

²⁹ Харцеры — польская юношеская организация. Спала — местность в Лодзинском воеводстве в Польше.— *Прим. перев.*

³⁰ Испаньола — прежнее название острова Гаити, данное ему испанскими завоевателями — конкистадорами.— *Прим. перев.*

³¹ Конкиста — эпоха завоевания испанцами и португальцами Центральной и Южной Америки (конец XV—XVI век).— *Прим. перев.*

³² Буш — невозделанная земля, покрытая кустарником.— *Прим. перев.*

³³ Миссионеры на Новой Гвинее, как и на многих других островах Океании, были авангардом колониальной экспансии. В настоящей главе автор явно преувеличивает их роль.— *Прим. ред.*

³⁴ Речь идет о так называемом «ноевом потопе» — мифическом затоплении Земли и уничтожении всего живого. Согласно Библии, во время потопа в ковчеге спаслись Ной, его семья и по паре «из всех животных».— *Прим. ред.*

³⁵ В ознаменование действий отрядов береговой охраны в Маданге построен красивый маяк с мемориальной доской, воздающей должное доблести аборигенов-партизан.— *Прим. авт.*

³⁶ «Пожалуйста, чашку кофе и немного ветчины» («пиджин инглиш»).

³⁷ «Цепелия» — предприятие в Польше, торгующее изделиями народных художественных промыслов.— *Прим. перев.*

³⁸ Выборы в палату Ассамблей первого созыва в 1964 году проходили на следующих основаниях: десять чиновников администрации были назначены, сорок четыре члена избирались в «открытых» избирательных округах, где имел право баллотироваться любой кандидат, и десять избирались в «специальных» округах, где кандидатами могли быть только белые жители Территории.— *Прим. перев.*

³⁹ Дэмпир, Уильям (1652—1715) — английский мореплаватель. Совершил три кругосветных плавания. Открыл остров Новая Британия и много мелких островов в южных районах Тихого океана.— *Прим. перев.*

⁴⁰ Имеются в виду острова Тробриан, исследованные английским этнографом и социологом Б. К. Малиновским (1884—1942), поляком по происхождению. Основные полевые этнографические исследования Малиновский вел в 1914—1918 годах на Новой Гвинее и в Меланезии.— *Прим. перев.*

⁴¹ По сообщениям печати, извержение этого вулкана произошло в 1970 году.— *Прим. авт.*

⁴² Беяны — популярная зона отдыха на окраине Варшавы.— *Прим. перев.*

⁴³ Харон — в древнегреческой мифологии старик-перевозчик в

подземном мире, который на своем челне переправлял через реку души умерших в царство мертвых.— *Прим. перев.*

⁴⁴ О б о л — древнегреческая монета.— *Прим. перев.*

⁴⁵ С т и к с — в древнегреческой мифологии название реки в подземном мире, по которой Харон переправлял души умерших.— *Прим. перев.*

⁴⁶ Дюмон-д'Юрвиль (Жюль-Себастьян Сезар) (1790—1842) — французский мореплаватель и океанограф. В 1822—1829 годах совершил два кругосветных путешествия. В 1837—1840 годах плывал в районы Антарктики, где открыл остров Жуанвиль, Землю Клары и др. В январе 1840 года экспедиция Дюмона-д'Юрвиля сделала первую высадку на антарктическом побережье. Его именем названа полярная станция.— *Прим. перев.*

⁴⁷ Лаперуз, Жан Франсуа (1741—1788) — французский мореплаватель. В 1785—1788 годах руководил кругосветной экспедицией, исследовал, в частности, острова Тихого океана.— *Прим. перев.*

⁴⁸ В Польше появились лишь две значительные публикации, посвященные Кубари: W. Ślabczyński, *Na wyspach Pacyfiku* Warszawa, 1956; K. Wyruch, *W cełniu Fe*, Wrocław, 1969.— *Прим. авт.*

⁴⁹ Allan Williers, *Cruise of the Conrad*, London, 1937, стр. 149—152.

⁵⁰ С п о н д и л у с — морской моллюск из семейства *Pectenidae*.— *Прим. перев.*

⁵¹ Д'Антраксто, Жозеф Антуан де Брюни (1739—1793) — французский мореплаватель, адмирал. В 1791—1793 годах возглавлял экспедицию, посланную на поиски пропавшей без вести экспедиции Ж. Ф. Лаперуза. Открыл острова Д'Антраксто и архипелаг Тробриан.— *Прим. перев.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга польского журналиста Я. Вольневича посвящена одной из стран Океании — Папуа Новой Гвинеи.

Об этой стране до сих пор еще знают мало. Парадоксально, но факт, что остров Новая Гвинея, открытый задолго до Австралии и Новой Зеландии, лежащий на перекрестке оживленных морских путей, в течение столетий оставался неизученным, несмотря на многочисленные его посещения европейцами, начало которых относится еще к XVI столетию. Да и в сферу прямой колониальной зависимости Новая Гвинея попала уже в 20-х годах прошлого века. 24 августа 1828 года Нидерланды объявили своей колонией западную часть острова. 25 апреля 1885 года Великобритания и Германия договорились о разделе остальной территории Новой Гвинеи: Великобритания захватила юго-восточную, а Германия — северо-восточную часть острова. Последним по времени «владельцем» Папуа Новой Гвинеи была Австралия. Таким образом, «цивилизованные» государства «руководили» жизнью аборигенов Новой Гвинеи без малого полтора столетия. И по прошествии столь длительного периода «управления» население острова продолжало жить в условиях, близких к доисторическому периоду. Об этом свидетельствовали официальные доклады специальных миссий, посылаемых ООН и другими международными организациями в Новую Гвинею. В документах миссий рекомендовалась даже обратить это несчастье в преимущество и использовать его в коммерческих целях. Так, миссия Международного банка реконструкции и развития, посетившая Папуа Новую Гвинею в июне — сентябре 1963 года, в своем докладе ратовала за развитие туризма на острове и в качестве приманки для иностранных туристов указывала на то, что «в культурном отношении население территории лишь только недавно вышло из каменного века...»*. Неплохая косвенная оценка затянувшейся «культурной миссии» колонизаторов! Народу Папуа Новой

* «Pacific Islands Monthly», January 1965, стр. 121.

Гвинеи не было оказано сколько-нибудь существенной помощи. В 1965 году, например, финансовая помощь Австралии Папуа Новой Гвинеи составила 28 млн. фунтов, причем более 30% этой суммы было израсходовано на содержание австралийской колониальной администрации. В то же время на развитие столицы Австралии Канберры, население которой достигло тогда 77 тысяч человек, было израсходовано 29 млн. фунтов. На Территории отсутствовала современная промышленность, сельское хозяйство велось на самом примитивном уровне. 90% взрослого населения было неграмотно к началу 70-х годов, половина детей школьного возраста не учились.

Колонизаторы любят говорить о психических странностях, даже умственной неполноценности коренных жителей Тихоокеанских островов. Часто в этой связи можно встретить «научные» рассуждения о «культе карго» у аборигенов Новой Гвинеи. Говорят о том, что влияние «цивилизованных» стран на культуру аборигенов привело к тому, что у них возникло чувство потерянности. Это нашло проявление в «культе карго», то есть навязчивой идее, что скоро придут большие запасы товаров и продуктов питания на кораблях, отправленных духами предков. Однако, когда выездная миссия ООН 1959 года стала выяснять, в чем тут дело, то вскоре ей стало ясно, что сущность этого мистического «культа» имеет весьма земные корни и кроется в крайней неудовлетворенности местного населения деятельностью или, вернее, бездеятельностью колонизаторов.

В своем докладе Совету по опеке члены миссии писали, что в различных частях Территории они столкнулись с враждебным отношением населения к администрации. Оно выражалось в жалобах на то, что администрация не сумела помочь населению, и в требованиях, чтобы США, Англия или какая-либо другая страна помогли ему. В докладе приводится следующее высказывание одного из местных вождей, как характерный пример выражения настроения коренных жителей: «Мужчины и женщины не считают свою жизнь удовлетворительной; когда пришли европейцы, люди стали думать; они поняли, что их образ жизни хуже образа жизни европейцев, к которому они стремятся... Население считает, что европейский образ жизни в отношении питания, жизненного уровня и материального благополучия лучше, и не понимает, почему европейцы не помогли ему достигнуть такого жизненного уровня...»

Все народы Папуа и Новой Гвинеи недовольны тем, что администрация не сумела предоставить им то, чего они желают» *.

* «Доклад выездной миссии ООН 1959 г. о подопечной территории Новая Гвинея», Нью-Йорк, Т/1451 8/VI-1959, русский текст, стр. 13.

Знакомство с деятельностью управляющей власти в политико-экономической и социальной областях помогает понять коренных жителей острова, ожидающих помощи лишь от духов своих предков. За долгие годы колониального рабства они достаточно хорошо убедились в том, что у цивилизованных «опекунов» никогда не найдут серьезной поддержки.

Выездная миссия ООН, посетившая Папуа Новую Гвинею в 1968 году, в своем докладе Совету по опеке также приводила многочисленные заявления коренных жителей Территории о глубокой неудовлетворенности действиями австралийской администрации.

Почти все население Папуа Новой Гвинеи продолжало жить в деревнях, причем больше половины вело натуральное хозяйство. Лишь 1% рабочей силы страны был занят на современных промышленных предприятиях. В 1970 году современная промышленность в Папуа Новой Гвинее давала 7,1% совокупного национального продукта.

Европейская часть населения, насчитывавшая в 1970 году около 50 тысяч человек, составляла незначительный процент и в сфере товарного производства (не более 8%), но удерживала господствующее положение в отраслях современной промышленности. К 1970 году в Папуа Новой Гвинее было только пять коренных жителей, имеющих университетское образование.

Но наряду с потрясающей и как будто бы непреодолимой отсталостью в Папуа Новой Гвинее получали все более очевидное развитие факторы, заставляющие считать предоставление Территории самоуправления, а затем и независимости не только возможным, но и срочным делом.

В конце 60-х годов заметно ускорился процесс просвещения, повлекший за собой рост образованной прослойки среди коренных жителей. Возникает даже местная художественная литература. При университете Папуа Новой Гвинеи создается литературный кружок, результатом работы которого явилась серия книг «Поэты Новой Гвинеи» и «Поэты Папуа». Издательство «Джакаранда» в Брисбене начало специализироваться на выпуске книг новогвинейских авторов. Оно издало первый новогвинейский литературный журнал «Коваве», сборник «Пять новогвинейских пьес» и первый новогвинейский роман «Крокодил», написанный Винсентом Эри (1970). В 1970 году были проведены литературные конкурсы. В Рабауле организованы литературные курсы. В марте 1974 года в Порт-Морсби был создан институт по изучению Папуа Новой Гвинеи, призванный исследовать и укреплять национальную культуру.

Развивающаяся промышленность втягивала коренных жителей

в современную жизнь, а значительно расширившиеся транспортные связи Территории приблизили ее города к внешнему миру.

Хоть Территория и продолжала получать дотации австралийского правительства на покрытие расходной части своего бюджета, стали уже определяться и собственные источники получения денежных средств.

В 1967 году началась разработка залежей медной руды на острове Бугенвиль. Уже в 1972/73 финансовом году стоимость экспорта медной руды и концентратов намного превысила совокупную стоимость всех остальных видов экспортных товаров.

Весьма важным для будущего Папуа Новой Гвинеи должен явиться гидроэнергетический комплекс на реке Пурари, мощностью в 1,5 млрд. мегаватт, который вступит в строй в 1980 году. Предусматривается, что вырабатываемая электроэнергия будет использоваться для получения алюминия из австралийских бокситов.

Значительно расширяется производство лесоматериалов. Их экспорт намечено довести до 21 млн. долл.

В заливе Папуа в конце 60-х годов был найден газ и продолжают исследования возможности его промышленной добычи. Существенным фактором развития внутренней социально-экономической жизни Территории стало кооперативное движение. Достаточно сказать, что в одной лишь части страны (в бывшей подопечной территории Новой Гвинеи) к середине 1971 года насчитывалось более 170 зарегистрированных официально кооперативов, членами которых состояло более 10 тысяч человек, а годовой оборот составил около 4,75 млн. австрал. долл. В целом же в стране, согласно официальным австралийским данным, в 1972/73 финансовом году общее число кооперативов составляло 382 и охватывало 142 тысячи человек. Ежегодный оборот кооперативных обществ составил свыше 7,6 млн. долл., а постоянные активы достигли примерно 2,7 млн. долл.

Таким образом, в Папуа Новой Гвинее развитие кооперативного движения идет более быстрыми темпами, чем на каких-либо других Тихоокеанских островах.

Начало 70-х годов характеризовалось здесь резким ускорением темпов политического развития. 1 декабря 1973 года страна получила самоуправление, а через двадцать один месяц — независимость.

15 сентября 1975 года в полдень на центральном стадионе Порт-Морсби был спущен флаг Австралии. На следующий день в Вайгани, административном центре столицы, взвился черно-красный флаг с золотой райской птицей и пятью звездами Южного Креста. Папуа Новая Гвинея стала суверенным государством.

В послании к народу глава правительства М. Сомаре писал: «Наша задача теперь состоит в том, чтобы найти жизненный путь, который подходит нашему народу и в то же самое время позволит нам занять наше место во всемирной семье народов» *.

Как уже было сказано, в своей книге Я. Вольневич не останавливается сколько-нибудь подробно на политической и социально-экономической жизни Папуа Новой Гвинеи. Он не собирался писать научный трактат. Его книга — живой рассказ о быте и нравах далекого народа.

Путешествуя по стране, автор держался подальше от туристских маршрутов, где «экзотика» уже стала коммерческим предприятием (даже в Папуа Новой Гвинее). Его книга о новогвинейской «глубинке» доносит до нас аромат этой удивительной, во многом уникальной страны, помогает лучше понять ее народ, представить всю сложность его вступления в современный мир.

Перевод книги публикуется с незначительными сокращениями.

К. В. Малаховский

* «Post Courier», 16.IX.1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ПРЕДДВЕРИИ НЕОБЫЧАЙНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИИ . .	3
В ДЕЛЬТЕ КИКОРИ	21
ПРИЗЕМЛЕНИЕ НА... ПОЧТОВОЙ МАРКЕ	51
СРЕДИ РАЙСКИХ ПТИЦ И ДОЖДЕВЫХ ТУЧ	79
«МУЖСКОЙ ДОМ»	117
НЕБЕСНЫЙ ОСТРОВ	141
АРХИПЕЛАГ ТРОБРИАН	177
ПРИМЕЧАНИЯ : :	206
<i>К. В. Малаховский</i> . ПОСЛЕСЛОВИЕ	210

Януш Вольневич
У АБОРИГЕНОВ ОКЕАНИИ
(По Папуа Новой Гвинее)

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Путешествия по странам Востока»*

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *Л. И. Рожкова*
Художник *А. К. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *Л. Ф. Орлова* и *Л. И. Письман*

Сдано в набор 20/V 1976 г.
Подписано к печати 15/X 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 6,75
Усл. п. л. 11,34. Уч.-изд. л. 11,34
Тираж 30 000 экз. Изд. № 3839. Зак. № 380
Цена 68 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 68 коп.